

4И(МОНГ)

3-442

51448

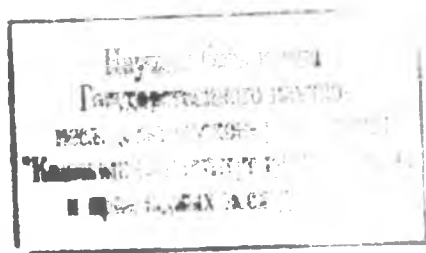
Звуковой строй монгольских языков

ИИ (МОНГ)
37-492

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

57448-00
84455

Звуковой строй МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

З-442 Звуковой строй монгольских языков. Сб. ст. Улан-Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1989. - 159 с.

Сборник посвящен различным аспектам звукового строя отдельных монгольских языков: бурятского, калмыцкого, халха-монгольского.

Большой интерес представляют статьи, где выявляется система согласных фонем современного бурятского языка на основе комплексного анализа внутренних фонетических законов и изменений, связанных с взаимодействием бурятского языка с другими родственными языками, а также устанавливаются нормы сочетаемости согласных фонем в бурятском и русском языках.

Проведены экспериментальные исследования интонации как средства выражения субъективной модальности, а также новые изыскания в области звукового строя прибайкальских бурятских говоров (окинского, тункинского и закаменского), фонетических особенностей одного из изолированных говоров калмыцкого языка (говор сарт-калмыков, живущих в Киргизии).

Сборник рассчитан на специалистов по монгольским и тюркским языкам, общей и экспериментальной фонетике, для преподавателей монголоведных дисциплин в высшей школе.

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук Л.Д. Шагдаров (отв. редактор),

д-р филол. наук В.И. Рассадин,

канд. филол. наук Э.И. Бюраева

Рецензенты:

канд. филол. наук И.Я. Селюткина,

канд. филол. наук Э.Д. Эрдынеева

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ СОВРЕМЕННОГО БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

При рассмотрении процесса становления звукового строя любого из современных монгольских языков по периодам, в хронологическом порядке следует начинать по распространенной в монголоведении периодизации с древнемонгольского языка, который в сравнительно-исторических исследованиях чаще называется прамонгольским. Этот язык, как известно, непосредственно предшествовал старомонгольскому письменному языку и, естественно, ни в каких письменных памятниках не зафиксирован.

Тем не менее корифеями монгольской компаративистики (Рамстедтом, Владимирцовым, Лигети, Поппе, Санжеевым) на основе сравнительного анализа старомонгольской письменности, данных ученых Китая и Европы, Ближнего Востока и Средней Азии, звукового состава современных монгольских языков и их диалектов произведена фонетическая реконструкция этого древнемонгольского языка. Таким путем установлен консонантный состав древнемонгольского языка из 19 фонем: сильные — *p, t, k, q, tʂ, s*, слабые — *b, d, dʒ, g, ɣ*, сонорные — *m, n, ŋ, j, l, r*, шелевые — *w (β)* и *y*.

Однако в последние годы с учетом современной фонологической теории исследователи истории монгольских языков пришли к единодушному признанию, что заднеязычные *k, g* и увулярные *q, ɣ* находятся в отношениях дополнительной дистрибуции и не могут быть отнесены к разным фонемам¹. Согласные *k* и *g* употреблялись в мягкорядных словах, а *q* и *ɣ* — исключительно в словах твердого ряда. Что же касается шелевых *w (β)* и *y*, то здесь наблюдается та же самая картина: шелевые *w (β)* и *y* употреблялись только в интервокальном положении, а смьчные *b* и *g* — в инициальной позиции слова или в середине слова после смьчных согласных.

Таким образом, если традиционная монголистика трактовала, что прамонгольский состав согласных фонем состоял из 19 фонем, то с учетом теории фонем следует признать, что древнемонгольский состав согласных состоял всего из 15. Это смичные согласные, которые представлены в тройной оппозиции друг другу: $p - b - m$, $t - d - n$, $k - g - ɣ$, аффрикаты $t's$ и $d'z$, щелевые $ʒ$, l , r .

Приблизительно в конце древнемонгольского периода * ti и * di переходят соответственно в $t's + i$ и $d'z + i$, а исконные $t's + v$ (кроме i) и $d'z + v$ (кроме u) начинают трансформироваться в $ts + v$ и $dz + v$ в тех диалектах, на основе которых складываются современные свистящие языки², в том числе бурятский.

Прамонгольские p и b , t и d , k и g , $t's$ и $d'z$, по мнению компаративистов, противопоставлялись по признакам силы и слабости. Некоторые из них (например, Поппе) допускали, что эти фонемы отличались друг от друга по признакам аспирированности и неаспирированности: $p^c - p$ (b), $t^c - t$ (d) и т.п.

Опираясь на данные монгольских письменных языков, особенно квадратной письменности, которая четко обозначала аспирированность и щелинность некоторых согласных и никак не отражала глухие варианты таких фонем, как b , d и g , Б.Я. Владимирцов утверждал, что в древнемонгольский период имела место корреляция этих согласных по признакам глухости и звонкости³. Однако за обозримый период монгольские языки не дают каких-либо достаточно обоснованных данных, чтобы можно было допустить, что именно в древнемонгольском языке существовал коррелятивный ряд смичных согласных, дифференцированный по признакам глухости и звонкости, а не по признакам силы и слабости, как это отмечается во всех современных монгольских языках и диалектах.

Состав согласных фонем современных монгольских языков и их диалектов значительно отличается от состава согласных фонем исходного диалекта монгольского языка, реконструированного исследователями монгольских языков. Надо полагать, что в истоке развития современных монгольских языков находился не один диалект. По всей вероятности, и протобурятский язык состоял не из одного, а нескольких, приблизительно сходных по своему звуковому составу диалектов. Протобурятский язык хронологически совпадает со среднемонгольским языком. Этот период в отличие

от древнемонгольского языка представлен письменными памятниками, из которых наиболее достоверными в фонетическом отношении являются памятники квадратной письменности.

Сравнительный анализ этих источников, данных М.А. Кастрена, Г.-Ф. Миллера и других, а также современных бурятских диалектов позволяет заключить, что состав согласных фонем прото-бурятского языка (диалекта) состоял из 17 фонем: смычных - *p, b, m, t, d, n, k, g, ɣ*, аффрикат - *tʰ, dʰ, ts, dz*, щелевых - *s, j, l, r*, а в хоринских говорах современного бурятского языка выявлено 27 согласных фонем. Д.Г. Дамдинов находит в ханиганском говоре 29 согласных фонем, в некоторых других говорах их обнаруживается 28.

Такое существенное изменение состава согласных фонем связано с образованием палатализованных согласных, с результатом действий процессов спонтизации и дезаффрикатизации, появлением фарингального *h*.

Образование палатализованных согласных и их фонологическое обособление в монгольских языках связано с переобоями гласного *i*. Исчезновение *i* не было бесследным, рефлексом его в монгольских языках остались палатализованные согласные. Как пишет Г.Д. Санжеев, процесс палатализации "... относится к периоду второго и третьего переломов гласного *i*"⁴. Это сравнительно поздний период, приблизительно к этому времени предки нынешних бурят уже начали заселять берега Ангары, Лены и самого Байкала, оттеснив оттуда "... потомков древнего курыканского населения Прибайкалья"⁵.

Процесс спонтизации фонемы *k(g)* коснулся многих монгольских языков, в том числе и бурятского. Если у монголоведов нет единого мнения в определении хронологических периодов перехода *k* в *x*, то все единодушно в том, что развитие *k > x* имело аффрицированную стадию: *k > kx > x*. В современном говоре нижнеудинских бурят до сих пор функционирует застывшая аффриката *kx* (скорее увулярный вариант *q_x*).

По хронологии Б.Я. Владимирцова⁶ следовало бы ожидать, что те монгольские диалекты, от которых получили свое развитие бурятские диалекты, уже были подвергнуты процессу спонтизации *k* и *q*. Однако первые русские заимствования бурятских слов показывают, что большой пласт бурятской лексики со звуком *x* произносится в русских говорах Забайкалья и Прибайкалья со

смьчным к, а не с щелевым х: каргана (золотарник), калзан (лысый), каланкай (крапива), куйтун (холод), кушун (выступ, мыс) и т.д.

Внутренний языковой процесс спонтизации, несмотря на сравнительно раннее обособление этих монгольских племен на территории вокруг Байкала, происходил достаточно последовательно и, надо полагать, продолжался довольно долго, вплоть до XIII века.

Процесс спонтизации коснулся и других согласных. Смьчно-но-щелевые аффрикаты $t's$, ts , $d'z$, dz становятся простыми щелевыми согласными s , z , z , z .

Деаффрикатизация относится к явлениям более позднего происхождения. Переход аффрикат в щелевые согласные мог произойти только в том случае, если в данном языке нет звуков, качественно совпадающих со вновь образовавшимися щелевыми согласными, поэтому, надо полагать, процесс $s > h$ предшествовал процессу $ts > s$.

Такой последовательный процесс, как полное отсутствие аффрикат, зафиксирован только в бурятском. Вполне понятно, что он был связан с различными перебоками и многочисленными исключениями. Наиболее полный анализ этого явления дан Г.Д. Санжеевым⁷. Здесь следует добавить, что общебурятскому z , который восходит к аффрикате $d'z$ перед гласным i , в эхирит-булагатском диалекте соответствует среднеязычный звук j . Это явление трактовалось как последовательный ряд звуковых переходов: $d'z > z > j$. Если в этом процессе первая часть, то есть $d'z > z$ не противоречит общей закономерности спонтизации звуков, то вторая часть, то есть $z > j$, абсолютно нетипична⁸.

В соответствии $z \sim j$ в бурятских говорах имеет место не столько процесс перехода $z > j$ или $j > z$, сколько действие субстрата, потому что почти все эхирит-булагатские словоформы с этим звуком близки по своему значению и форме тюркским словоформам. Таким образом, эхирит-булагатский j , восходящий к древнему $*j$, совпал с более поздним j , который соответствовал общебурятскому z , но генетически они восходят к разным звукам (j и $d'z < d$).

Появление в бурятском языке фарингального согласного h вместо щелевого s рассматривается как элемент эвенкийского фонетического субстрата. Подробный анализ этого явления и обосно-

вание субстратной теории дается в работе "Становление звукового строя бурятского языка"⁹.

Следовательно, консонантный состав одного из основных диалектов бурятского языка - хоринского, который положен в основу бурятского литературного языка, определяется следующими 27 фонемами: $p, p', b, b', m, m', t, t', d, d', n, n', l, l', r, r', g, g', x, x', s, s', z, z', j, \eta, h$. По говорам количество фонем расходится незначительно. Сразу следует сказать о так называемых цакающих говорах, где употребляются аффрикаты $t's, ts, d'z, dz$. В говоре ононских хамниган четко выделяются твердый k , мягкие k', s' и s' . Здесь может вызвать сомнение мягкий s' , потому что в монгольских языках, в том числе бурятском, спирант s является по своей основной характеристике сильно смягченным звуком.

Если по фонемному составу между диалектами нет существенных различий, то на уровне аллофонов бурятские говоры расходятся довольно значительно. Как между диалектами, так и внутри них встречаются соответствия типа $x' \sim s' \sim t' \sim s', j \sim n', h \sim x, x \sim kx \sim k, h \sim s, g \sim \gamma, g \sim \alpha$ и т.п. Расхождения между диалектами на уровне аллофонов фонем вполне закономерны, так как нет серьезных факторов, объединяющих их.

Произносительная норма литературного языка не доходит до всех имеющихся говоров, поэтому не играет в достаточной мере нивелирующую роль в языке в целом. Например, вместо палатализованного x' часть боханских бурят произносит s' , а вместо ожидаемого перехода $s' > x'$ наблюдается другой процесс: под влиянием многочисленных заимствований из русского языка слов с палатализованным s' начинает преобладать тенденция к образованию самостоятельной фонемы s' , а не переход s' в x' . То же самое может произойти с аллофоном k в говоре нижеудинских бурят и с некоторыми звуками хамниганского говора.

Как известно, фонемный состав языка представляет собой не случайный набор отдельных независимых друг от друга единиц. Эти единицы-фонемы находятся в закономерных отношениях между собой, составляя четко распределенные группы, цельную систему. Каждый язык имеет свою, характерную только для него, фонологическую систему.

Исследователи звукового строя монгольских языков уделяли недостаточно внимания вопросу выявления системы фонем, ог-

раничиваясь в основном установлением состава фонем. Выделение некоторых групп фонем или связанных звеньев являлось скорее результатом интуитивных выводов, поэтому они, как правило, непоследовательны и не охватывают все факторы, относящиеся к системе фонем исследуемых ими языков.

В понятие системы фонем входят не только группировка фонологических единиц по их признакам или установление связи между ними, обусловленных только фонетическими условиями, но и другие стороны, зависящие от использования фонем в языке. Например, в бурятском языке фонемы *l* и *ɣ* в составе словообразовательных морфем чередуются между собой, в одном и том же по значению аффиксе в зависимости от состава согласных корня может употребляться или *l*, или *ɣ*.

Для определения системы фонем бурятского языка существенное значение имеют явление сингармонизма и связанные с ним различные чередования гласных фонем, особенности сочетаемости согласных в слове, закономерности их позиционного употребления и роль в слогеобразовании и т.п. В данной статье не рассматриваются эти явления, они требуют специального исследования. Здесь в обобщенном виде даются лишь наиболее типичные оппозиции, противопоставление фонологических признаков, определяющих коррелятивные ряды согласных фонем бурятского языка.

Л а б и а л ь н о с т ь // п е р е д н е я з ы ч н о с т ь
~ с р е д н е я з ы ч н о с т ь // з а д н е я з ы ч н о с т ь
~ у в у л ь я р н о с т ь. По этим признакам различаются лабиальный *p*, переднеязычный *t*, заднеязычно-увулярный *x*; по всем другим фонетическим особенностям они совпадают: сильный, ротовый, твердый. В ряду слабых согласных противопоставляются лабиальный *b*, переднеязычный *d*, заднеязычно-увулярный *g*; в ряду носовых сонантных согласных: лабиальный *m*, переднеязычный *n*, заднеязычно-увулярный *ŋ*.

Признаки переднеязычности и среднеязычности условно включены здесь в одну рубрику, потому что мягкие согласные *t'*, *d'* и *l'* в зависимости от позиции в слове и сочетающихся с ними звуков могут быть и переднеязычными, и среднеязычными. Что же касается признаков заднеязычности и увулярности, то в монгольских языках фонемы *g*, *x*, *ŋ* проявляются в словах мягкого ряда в заднеязычных аллофонах, в словах твердого ряда — в увулярных аллофонах.

В ряду мягких фонем противопоставляются $p' - t' - x'$, $b' - d' - g'$; у носовых согласных существует только бинарная оппозиция $m' - n'$, отсутствует мягкий заднеязычный звук, фонема η по своим физиолого-артикуляционным свойствам может быть только твердой.

Твердость // мягкость. По признакам твердости и мягкости противопоставляются почти все согласные фонемы бурятского языка, за исключением таких, которые по своим артикуляционным особенностям не могут быть палатализованными: p и p' , t и t' , b и b' , d и d' , z и z' , x и x' , g и g' , m и m' , n и n' , l и l' , r и r' . Из возможных вариантов в бурятских говорах не выявились как самостоятельные фонемы палатализованные z' и k' . Эти звуки в говорах встречаются, но очень редко и в основном в заимствованных словах.

Сила // слабость // сверхслабость. По этим признакам противопоставляются согласные $p - b - m$, $p' - b' - m'$, $t - d - n$, $t' - d' - n'$. Кроме того, только в двойной оппозиции (по силе и слабости) представлены z и z' , \dot{z} и \dot{z}' , x' и g' . Следует уточнить, что сверхслабые элементы из коррелятивных рядов, представленных в тройной оппозиции, характеризуются еще признаком назализованности, то есть сонантные m , n , η противопоставляются всем согласным по ряду, помимо сверхслабости, еще как назальные ртовым.

Сильные согласные звуки бурятского языка характеризуются значительно большим напряжением мускулов артикулирующего органа, что обуславливает у сильных эксплозивных звуков силу взрыва, у щелевых - усиление их основного шума. Слабые согласные характеризуются относительно меньшим мускульным напряжением артикулирующих органов, слабым взрывом и меньшей громкостью их основного шума. Сверхслабые или сонантные согласные артикулируются при более слабой, чем даже у слабых согласных, напряженности активных органов. В отличие от первых двух групп сонантные произносятся с обязательным участием голоса.

Ртовость // назальность. Все носовые согласные в основном являются сонантными, а по степени напряженности артикулирующих органов сверхслабыми. В сопоставлении со слабыми ртовыми согласными они составляют следующие коррелятивные пары: b и m , b' и m' , d и n , d' и n' , g и η .

Медиальность // латеральность. Эти

признаки определяются локализацией преград-щелей. У медиального спиранта j щель образуется посередине, смычка с боков, а у латерального спиранта l , наоборот, щели образуются с боков, смычка посередине.

Глухой l , встречающийся в цакающих говорах, не выделяется там в качестве самостоятельной, отличной от звонкого l , фонемой. Однако в современном монгольском языке глухой l выступает как самостоятельная фонема, которая в орфографии обозначается сочетанием "лх".

Однофокусность // двухфокусность. Щелевые согласные v , z , \check{v} , \check{z} , по Щербе, определяются как однофокусные (v и z) и двухфокусные (\check{v} и \check{z}), то есть при образовании v и z работает одна шумообразующая преграда, а при образовании \check{v} и \check{z} участвуют две шумообразующие преграды. В последнее время эта точка зрения оспаривается некоторыми фонетистами. Например, Ш.Г. Гаприндашвили и В.М. Наделяев утверждают, что при артикуляции этих звуков имеет место только одна преграда - передняя часть языка, а v от \check{v} и z от \check{z} отличаются только по форме преграды: при артикуляции v и z щель имеет круглую форму, а при \check{v} и \check{z} - плоскую¹⁰. Если придерживаться этой точки зрения, то фонемы v и \check{v} , z и \check{z} должны противопоставляться как круглощелевые плоскощелевым.

Фарингальность // нефарингальность. Из всех монгольских языков фарингальный согласный h встречается только в бурятском языке. Употребляется он довольно часто, но ограничен начальнослоговой позицией. Фарингальный h противопоставляется как бы всему консонантному составу языка. Отношение его к любому другому согласному бурятского языка не является типичным. Он находится в полной изолированной позиции.

В систему согласных не входит гортанный смык $ʔ$, который не противопоставляется ни одной из перечисленных выше фонем и не может быть отнесен к аллофонам какой-либо из них, а является лишь фонетическим признаком всех гласных звуков, начинающих собой слово, придавая им сильное начало.

Обобщая приведенные выше противопоставления, систему согласных фонем современного бурятского языка можно представить в следующей таблице.

Т а б л и ц а

Согласные фонемы бурятского языка

По Наделяеву		Сильные			Слабые			Сверхслабые			
		смычные	щелевые		смычные	щелевые		щелевые		дрожашие	смычные
			однофо- кусные	двуфо- кусные		однофо- кусные	двуфо- кусные	медиаль- ные	латераль- ные		
Губные	твердые	p			b					m	
	мягкие	p'			b'					m'	
Передне- язычные	твердые	t	s	ʋs	d	z	ʒ		l	r	n
	мягкие	t'			d'				l'	r'	n'
Среднеязычные								j			
Задне- язычные	мягкие		x'		g'						
	твердые		x		g						ŋ
Увулярные											
Фарингальные						h					

¹ См.: Хаттори С. Начальные взрывные в протомонгольском языке и их дальнейшее развитие // Исследования по восточной филологии. - М., 1974. - С. 274.

² См.: Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. - М., 1953. - С. 93 и 100.

³ См.: Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. - Л., 1929. - С. 346.

⁴ Санжеев Г.Д. Указ. соч. - С. 119.

⁵ Окладников А.П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье // Филология и история монгольских народов. - М., 1958. - С. 206.

⁶ Владимирцов Б.Я. Указ. соч. - С. 404.

⁷ Санжеев Г.Д. Указ. соч. - С. 9I-103, II4-II9.

⁸ См.: Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. - М., 1974. - С. 338; Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание. - Казань, 1953. - С. 106.

⁹ Бураев И.Д. Становление звукового строя бурятского языка. - Новосибирск, 1987. - С. 65-72.

¹⁰ См.: Наделяев В.М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции. - М.-Л., 1960. - С. 31-32.

ОБ ОППОЗИЦИЯХ ФОНЕМ
ПО ИХ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫМ ПРИЗНАКАМ
(на материале монгольских гласных)

Представители Пражской лингвистической школы выдвинули понятие фонологической оппозиции: "Звуковые противоположения, которые могут дифференцировать значение двух слов данного языка, мы называем фонологическими (или фонологически-дистинктивными, или смыслоразличительными) оппозициями"¹.

Н.С. Трубецкой, один из теоретиков этой школы, считает, что каждая фонема обладает определенным фонологическим содержанием: "Теперь нам необходимо определить фонологическое содержание каждой отдельной фонемы. Под фонологическим содержанием фонемы мы понимаем совокупность всех фонологически существенных признаков фонемы, то есть признаков, общих для всех вариантов данной фонемы и отличающих ее от других и прежде всего от близкородственных фонем в данном языке"². Под фонологически существенными признаками он имеет в виду дифференциальные признаки (ДП) фонем. В.Б. Касевич пишет: "Фонема, как член системы может быть охарактеризована ... через набор своих дифференциальных признаков. Этот набор поддерживает тождество фонемы самой себе и противопоставляет ее любой другой фонеме той же системы"³.

Фонемы могут противопоставляться друг другу, то есть вступать друг с другом в оппозиции по "фонологическому содержанию", по набору своих ДП. При этом Н.С. Трубецкой справедливо указывает: "Противоположение (оппозиция) предполагает не только признаки, которыми отличаются друг от друга члены оппозиции, но и признаки, которые являются общими для обоих членов оппозиции. Такие признаки можно считать основанием для сравнения. Две вещи, не имеющие основания для сравнения, или, иными словами, не обладающие ни одним общим признаком (напри-

мер, чернильница и свобода воли), никак не могут быть противопоставлены друг другу"⁴.

В данной статье ставится задача выявить набор ДП монгольских гласных и рассмотреть все оппозиции фонем по набору их ДП, чтобы дать классификацию оппозиций.

Для выявления набора ДП монгольских гласных мы обратимся к классификации этих фонем. Монгольские гласные классифицируются по следующим пяти дифференциальным признакам: ряду, ширине раствора, участию губ, долготе и единству артикуляционного уклада. Все эти виды классификаций исходят из артикуляции фонем: классификация гласных по ряду исходит из горизонтального движения языка (вперед - назад), классификация гласных по ширине раствора - из вертикального движения языка (вниз - вверх), классификации гласных по участию губ и по единству артикуляционного уклада говорят сами за себя. Только классификация гласных по долготе исходит как из артикуляции (длительность артикуляции), так и из акустического критерия (длительность звучания).

Фонемы являются звуковыми единицами, поэтому было бы желательно при их классификации исходить из акустических критериев, но, к сожалению, нет достаточно разработанной теории по данному вопросу. Как известно, в дихотомической классификации дифференциальных признаков Р. Якобсона, Г. Фанта и М. Халле "каждый из признаков был выявлен по спектральной картине соответствующих звуков, например: гласные характеризуются отчетливой формантной структурой, негласные - отсутствием ее. Наряду с этим приводятся и артикуляторные характеристики...

Бинарная классификация получила широчайшее распространение, но вместе с тем она подверглась разносторонней критике"⁵. В конечном итоге каждая артикуляция вызывает соответствующий акустический результат, поэтому мы считаем, что не будет большой ошибкой, если при характеристике ДП мы будем исходить из артикуляции фонем.

Классификация монгольских гласных по ряду. В монголоведении существуют две точки зрения по данному вопросу: одни делят их на твердоярдные, мягкорядные и нейтральные, другие - на заднерядные и переднерядные. Первая из них основана на дистрибуции фонем: в пределах одного слова могут употребляться либо только твердоярдные, либо только мягкорядные гласные, а нейтральные могут употребляться с гласными обеих групп.

Вторая точка зрения основана на артикуляторном критерии. Она учитывает горизонтальное движение языка: заднерядные – переднерядные. Поскольку все остальные типы классификаций гласных основаны на артикуляторном принципе, мы считаем, что нет необходимости здесь отклоняться от этого принципа. Только с нашей точки зрения нужно делить гласные не на две, а на три группы:

1) заднерядные: а, аа, о, оо, у, уу, уи, уаа,

2) переднерядные: э, ээ, е, ее, ү, үү, үи,

3) среднерядные: аэ, оэ, уаэ.

Примечание: исторический переднерядный дифтонг эй в процессе монофтонгизации слился с монофтонгом ээ, а заднерядные исторические дифтонги аі, оі в процессе монофтонгизации не слились с монофтонгами аа, оо. Они образовали, по нашему мнению, особую группу среднерядных монофтонгов, фонологически противопоставленных по этому признаку как переднерядным ээ, ее, так и заднерядным аа, оо: аа – аэ – ээ, оо – оэ – ее.

Дифтонг уаэ мы относим к среднему ряду потому, что второй компонент этого дифтонга (аэ) является более длительным, чем первый компонент (у).

По ширине раствора (то есть по вертикальному движению языка) монгольские гласные делятся на две группы: широкие (нижнего подъема) и узкие (верхнего подъема):

1) широкие: а, аа, аэ, о, оо, оэ, э, ээ, е, ее, уаа, уаэ,

2) узкие: у, уу, уи, и, ии, ү, үү, үи.

Примечание: гласные уаа, уаэ относим к широким потому, что их вторые компоненты (аа, аэ) являются долгими, а первые (у) – краткими.

По участию губ монгольские гласные делятся на две группы:

1) неогубленные: а, аа, аэ, э, ээ, и, ии,

2) огубленные: о, оо, оэ, е, ее, ү, үү, үи, у, уу, уи,

уаа, уаэ.

Примечание: если при классификации дифтонгов по движению языка мы исходим из участия более длительных компонентов, то при классификации губной артикуляции исходим из факта наличия или отсутствия этой артикуляции.

В начале всех монгольских дифтонгов наблюдаются краткие огубленные компоненты, а в конце – долгие неогубленные компоненты: уи (уии), үи (үии), уаа, уаэ.

По долготе монгольские гласные делятся на две группы:

1) краткие: а, о, у, э, е, и, ^ау,

2) долгие: аа, оо, уу, ээ, ее, ии, үү, аэ, оэ, уи, уаа,

уаэ.

По единству артикуляционного уклада они делятся на 2 группы:

1) монофтонги: а, аа, аэ, о, оо, оэ, у, уу, э, ээ, е, еэ,

и, ии, у, үү,

2) дифтонги: уи, үи, уаа, уаэ.

Приведенная классификация монгольских гласных позволяет нам предложить следующую таблицу дифференциальных признаков (ДП) этих фонем (табл.).

Из табл. видно, что всего имеется II ДП гласных, за каждым из них закрепляется номер: 1 - заднерядность, 2 - среднерядность, 3 - переднерядность, 4 - широкость, 5 - узкость, 6 - неогубленность, 7 - огубленность, 8 - краткость, 9 - долгота, 10 - монофтонговость, 11 - дифтонговость. Каждая фонема обладает уникальным набором из 5 ДП, не повторяющихся в системе. Каждая последующая цифра, обозначающая набор ДП фонемы, выше предшествующей (см. табл.).

Выявив набор ДП фонем, необходимо переходить к описанию оппозиций этих фонем по набору их ДП. Всего имеется 7 типов оппозиций монгольских гласных по составу их ДП, все они обозначены в табл. римскими цифрами:

Iа: заднерядный - среднерядный (1-2),

Iб: заднерядный - переднерядный (1-3),

Iв: среднерядный - переднерядный (2-3),

II: широкий - узкий (4-5),

III: неогубленный - огубленный (6-7),

IV: краткий - долгий (8-9),

V: монофтонг - дифтонг (10-11).

Мы рассмотрели функционирование 7 типов оппозиций монгольских гласных в сильной позиции (приложение 1) и в слабой позиции (приложение 2).

В начальных слогах монгольских слов (а также в пределах односложных слов) гласные фонемы находятся в независимой от закона гармонии гласных позиции (сильная позиция). В этом положении все гласные могут противопоставляться друг другу в качестве различителей словоформ.

Таблица дифференциальных признаков (ДП) монгольских гласных

I	Ia, Iб, Iв		II		III		IV		V		Набор ДП	
	Ряд		Ширина раствора		Участие губ		Долгота		Артикуляционный уклад			
	задние	средне-передние	широкие	узкие	неогубленные	огубленные	крайние	долгие	монофтонги	дифтонги		
2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	
а						+	+			+		I 4 6 8 IO
ад						+		+		+		I 4 6 9 IO
о							+			+		I 4 7 8 IO
оо							+			+		I 4 7 9 IO
уаа							+			+	+	I 4 7 9 II
у					+		+			+		I 5 7 8 IO
уу					+		+			+		I 5 7 9 IO
уи					+		+			+	+	I 5 7 9 II
аз		+				+				+		2 4 6 9 IO
оз		+				+				+		2 4 7 9 IO
уаз		+					+			+	+	2 4 7 9 II
э			+			+	+			+		3 4 6 8 IO
ээ			+			+				+		3 4 6 9 IO

	I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Ө				+				+	+		+		3 4 7 8 IO
ӨӨ				+				+		+	+		3 4 7 9 IO
И				+		+	+		+		+		3 5 6 8 IO
ИИ				+		+	+			+	+		3 5 6 9 IO
У				+		+		+	+		+		3 5 7 8 IO
УУ				+		+		+		+	+		3 5 7 9 IO
УИ				+		+		+				+	3 5 7 9 II

Количество оппозиций фонем определяется количеством фонем в системе. Так, например, система вокализма монгольского языка состоит из 20 фонем, каждая из 20 фонем противопоставлена остальным 19 фонемам. Всего имеем 380 сочетаний ($20 \times 19 = 380$). Поскольку каждая оппозиция повторяется два раза (а - о, о - а), то реальное количество оппозиций вдвое меньше ($380 : 2 = 190$), то есть в монгольском языке имеются 190 оппозитивных пар гласных. Мы рассмотрели все 190 оппозиций и предлагаем следующую классификацию оппозиций монгольских гласных, основанную на учете количества и состава ДП противопоставленных фонем.

Так, члены этих 190 пар противопоставлены друг другу по количеству и составу ДП, по набору их ДП.

По количеству ДП: члены одних пар противопоставлены друг другу только по одному ДП (остальные 4 ДП у них общие), других - по двум ДП (у них по 3 общих ДП), третьих - по трем ДП (у них по 2 общих ДП), четвертых - по четырем ДП (у них по 1 общему ДП), члены пятых пар противопоставлены друг другу по всем пяти ДП (у них нет общих ДП).

Из 190 оппозитивных пар члены 37 пар противопоставлены друг другу по одному ДП, члены 65 пар - по двум ДП, члены 58 пар - по трем ДП, члены 26 пар - по четырем ДП, а члены 4 пар - по всем пяти ДП ($37 + 65 + 58 + 36 + 4 = 190$).

По составу ДП: члены одних пар противопоставлены друг другу по ряду (Ia, Ib, Iv), других - по ширине раствора (II), третьих - по участию губ (III), четвертых - по долготе (IV), пятых - по артикуляционному укладу (V).

Из 190 оппозитивных пар по ряду противопоставлены члены 123 пар, по ширине раствора - члены 96 пар, по участию губ - члены 9I пары, по долготе - члены 9I пары, по артикуляционному укладу - члены 64 пар ($123 + 96 + 9I + 9I + 64 = 465$).

Предложенная классификация отличается от существующих. Так, представители Пражской школы делят оппозиции на корреляции и дизъюнкции, причем под корреляцией они имеют в виду оппозиции фонем по одному ДП, а "все оппозиции, члены которых не образуют коррелятивных пар, были смешаны в одну кучу и подведены под одно понятие "дизъюнкция", в результате среди фонологических единиц стали признавать только два типа отношений: либо отношения корреляции, либо отношения дизъюнкции"⁶.

Проф. В.А. Васильев делит фонологические оппозиции на оди-

нарные (то есть по одному реляционному различию), двойные (по двум различиям) и множественные (более двух различий)⁷.

Как указывалось выше, наша классификация предусматривает точное количество и состав ДП: оппозиции по I, 2, 3, 4 и 5 ДП, а также конкретно — по каким ДП: ряду, ширине раствора и т.д.

Представители Пражской школы делают оппозиции на постоянные и нейтрализуемые⁸. Мы здесь исходим из положения Щербовской школы, представители которой против понимания нейтрализации, как дефонологизации, утраты различения соответствующих фонем. Так, Л.Р. Зиндер указывает: "Тот факт, что в данном языке в каком-нибудь положении та или иная пара фонем не может быть использована для различительной цели (в этом видят сущность нейтрализации), имеет, конечно, важное значение, так как при этом число фонем, используемых в некоторых позициях, меньше их общего количества в данном языке. Однако никакой "нейтрализации" в смысле неразличения фонем, не возникает; в таких случаях может утрачиваться лишь возможность различения слов и морфем. Так, в именительном падеже слова род и рот не различаются, потому что они "омофонемы"⁹.

Другой представитель этой школы В.Б. Касевич пишет: "Понятие нейтрализации в ее наиболее распространенном толковании предполагает, что две или более фонологические единицы, различающиеся в одной (сильной) позиции, утрачивают способность к противопоставлению в другой (слабой) позиции. Фонологические единицы в принципе не могут нейтрализоваться"¹⁰.

Итак, мы рассмотрели функционирование системы оппозиций монгольских гласных не только в сильной позиции, то есть в пределах начальных слогов слова (см. приложение I), но и в слабой позиции, в пределах неначальных слогов слова (см. приложение 2).

Если в начальных слогах слова (а также в пределах однословных слов) все монгольские гласные могут противопоставляться друг другу в качестве различителей словоформ, то в пределах неначальных слогов слова они находятся в слабой (зависимой) позиции, при их употреблении наблюдаются позиционные и комбинаторные ограничения.

1. Позиционные ограничения: в неначальных слогах монгольских слов не употребляются гласные у, ү, уаа, уаэ. Следовательно, все оппозиции с участием этих фонем не реализуются.

2. Комбинаторные ограничения, то есть ограничения, связан-

ные с особенностями синтагматики монгольского языка. К ним относятся:

а) ограничения, связанные с нормами сочетаемости гласных друг с другом (гармония гласных): гласные а, аа, аэ употребляются только в словах с гласными первой сингармонической модели; о, оо, оэ - второй, э - третьей, е, ее - четвертой моделей. Гласные уу, уи - в словах с гласными первой и второй моделей, гласные уу, ээ - третьей и четвертой моделей. Гласные могут противопоставляться в качестве различителей словоформ только с теми гласными, с которыми могут употребляться в пределах одной сингармонической модели, то есть оппозиции гласных не реализуются по ряду и участию губ;

б) ограничения, связанные с нормами сочетаемости гласных с предшествующими согласными: после твердых согласных не употребляются гласные и, ии, после мягких - а, о, э, е, ее, аэ, оэ, уи, уи, уаа.

В результате действия перечисленных видов ограничений, в неначальных слогах монгольских слов функционируют не 190 оппозитивных пар, а всего 38. Следовательно, остальные 162 пары в данном положении находятся не в активной (релевантной) позиции, а в пассивной (иррелевантной). Из 38 оппозиций члены 13 пар противопоставлены друг другу по одному ДП, члены 13 пар - по двум ДП, члены 9 пар - по трем ДП, члены 3 пар - по четырем ДП (см. приложение 2).

¹ Трубецкой Н.С. Основы фонологии. - М., 1960. - С. 38.

² Там же. - С. 73.

³ Касевич В.Б. Морфонология. - Л., 1986. - С. 5.

⁴ Трубецкой Н.С. Указ. соч. - С. 75.

⁵ Зиндер Л.Р. Общая фонетика. - М., 1979. - С. 44.

⁶ Трубецкой Н.С. Указ. соч. - С. 95.

⁷ См.: Васильев В.А. Теория фонетического строя современного английского языка (в сопоставлении с русским): Дис. ... Д-ра филол. наук I МПНИИЯ. - М., 1960. - С. 269.

⁸ См.: Трубецкой Н.С. Указ. соч. - С. 86.

⁹ Зиндер Л.Р. Указ. соч. - С. 60.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОПОЗИЦИЙ МОНГОЛЬСКИХ ГЛАСНЫХ
В СИЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ

Ниже мы приводим все 190 пар с указанием, по каким ДП члены этих пар противопоставлены друг другу и какими общими ДП они обладают: противопоставления обозначаем римскими цифрами, а общие признаки - арабскими, как в таблице.

Опозиции, члены которых противопоставлены друг другу по одному ДП (остальные 4 ДП у них общие). Всего их 37, из них: члены 12 пар противопоставлены друг другу только по ряду (Ia, Ib, Iv), члены 7 пар - по ширине подъема (II), члены 7 пар - по участию губ (III), члены 7 пар - по долготе (IV), а члены 4 пар - по артикуляционному укладу (V).

Ia (заднерядные - среднерядные):

аа - аэ (4, 6, 9, 10): таалах (ласкать) - таэлах (тайлах - развязывать);

оо - оэ (4, 7, 9, 10): тоолох (считать) - тоэлох (тойлох - лелеять);

уаа - уаэ (4, 7, 9, 11): гуаа (великолепный) - гуаэ (вежливое обращение).

Ib (заднерядные - переднерядные):

а - э (4, 6, 8, 10): ар (спина) - эр (мужчина);

аа - ээ (4, 6, 9, 10): таах (отгадывать) - тээх (перевозить);

о - ө (4, 7, 8, 10): хол (далеко) - хөл (нога);

оо - өө (4, 7, 9, 10): тоо (число) - төө (пядь);

у - ү (5, 7, 8, 10): хун (лебедь) - хүн (человек);

уу - үү (5, 7, 9, 10): тууж (гнать) - түүх (собирать);

уи - үи (5, 7, 9, 11): гуйх (гуйх - просить) - гуйх (гуйх - бежать).

Iv (среднерядные - переднерядные):

аэ - ээ (4, 6, 9, 10): таэх (тайх - совершать обряд) - тээх (перевозить);

оэ - өэ (4, 7, 9, 10): оэ (ой - лес) - өө (шероховатость).

II (широкие - узкие):

о - у (I, 8, IO): хол (далеко) - хул (саврасый);

оо - уу (I, 9, IO): боох (завязывать) - буух (слезать);

уаа - уи (I, 7, 9, II): гуанз (столовая) - гуйх (гуйх - просить);

э - и (3, 6, 8, IO): эл (этот) - ил (явный);

ээ - ии (3, 6, 9, IO): ээм (ээм халуун - жара) - иим (иим - такой);

ө - ү (3, 7, 8, IO): өл (питательность) - үл (не);

өө - үү (3, 7, 9, IO): төө (пядь) - түү (собирай).

III (неогубленные - огубленные):

а - о (I, 4, 8, IO): гал (огонь) - гол (река);

аа - оо (I, 4, 9, IO): таа (угадай) - тоо (число);

аэ - сэ (2, 4, 9, IO): наэр (найр - весели) - ноэр (нойр - сон);

э - ө (3, 4, 8, IO): хэл (язык) - хөл (нога);

ээ - өө (3, 4, 9, IO): тээ (перевози) - төө (пядь);

и - ү (3, 5, 8, IO): ир (лезвие) - ур (плод);

ии - уур (3, 5, 9, IO): иим (такой) - үүн (этот).

IV (краткие - долгие):

а - аа (I, 4, 6, IO): зан (прав) - заан (слон);

о - оо (I, 4, 7, IO): тос (масло) - тоос (пыль);

у - уу (I, 5, 7, IO): бух (бык) - буух (слезать);

э - ээ (3, 4, 6, IO): хэр (как?) - хээр (степь);

е - өө (3, 4, 7, IO): хөх (синий) - хөөх (гнать);

и - ии (3, 5, 6, IO): им (метка) - иим (такой);

у - үү (3, 5, 7, IO): хур (обрыв) - хуур (труп).

V (монофтонги - дифтонги):

оо - уаа (I, 4, 7, 9): хооронд (между) - хуаран (казарма);

уу - уи (I, 5, 7, 9): буур (верблюд-производитель) - буир (важность);

уу - үи (3, 5, 7, 9): түүх (история) - туимэр (туймэр - пожар);

оэ - уаэ (2, 4, 7, 9): гоэмон (гоймон - вермишель) - гуаэ (гуай - вежливое обращение).

Оппозиции, члены которых противопоставлены друг другу по двум ДП. Всего их 65. Из них:

I) Ia, II:

оэ - уу (7, 9, IO): оэр (ойр - близкий) - уур (гнев);
уаз - уи (7, 9, II): гуаз (гуай - вежливое обращение) -
гуй (гуй - проси).

2) Ю, П:

а - и (6, 8, IO): ам (рот) - им (метка);
аа - ии (6, 9, IO): хаах (закрывать) - хиих (делать);
о - у (7, 8, IO): хор (яд) - хур (обрыв);
оо - уу (7, 9, IO): тоо (число) - туу (собирай);
у - ө (7, 8, 9): ул (подошва) - өл (питательность);
уу - өө (7, 9, IO): туу (гони) - төө (пядь);
уаз - уи (7, 9, II): гуаз (гуай - вежливое обращение) -
гуй (гуй - беги).

3) Ю, П:

аэ - ии (6, 9, IO): аэл (айл - семья) - иим (такой);
оэ - уу (7, 9, IO): оэр (ойр - близкий) - уур (рассвет);
уаз - уи (7, 9, II): гуаз (гуай - вежливое обращение) -
гуй (беги).

4) Ю, Ш:

аа - оэ (4, 9, IO): хаана (где) - хоэно (хойно - север);
оо - аэ (4, 9, IO): боох (заграждать) - баэх (байх - на-
ходиться).

5) Ю, Ш:

а - ө (4, 8, IO): бах (лягушка) - бөх (крепкий);
аа - өө (4, 9, IO): таа (угадай) - төө (пядь);
о - а (4, 8, IO): хол (даль) - хэл (язык);
оо - ээ (4, 9, IO): хоол (пища) - хээл (зародыш);
у - и (5, 8, IO): ур (мастерство) - ир (лезвие);
уу - ии (5, 9, IO): уул (гора) - иим (такой).

6) Ю, Ш:

аэ - өө (4, 9, IO): заэх (зайх - бродить) - зөөх (тас-
кать);
оэ - ээ (4, 9, IO): соэр (сойр - тетерев) - сээр (груд-
ная часть позвоночника).

7) Ю, Ю:

а - аэ (4, 6, IO): хар (черный) - хаэр (хайр - любовь);
о - оэ (4, 7, IO): он (год) - оэн (ойн - лесной).

8) Ю, Ю:

а - ээ (4, 6, IO): тах (подкова) - тээх (перевозить);
аа - ээ (4, 6, IO): таах (отговаривать) - тэх (козел);

- о - өө (4, 7, IO): бор (серый) - беер (почка);
 оо - ө (4, 7, IO): боох (преграждать) - бөх (крепкий);
 у - үү (5, 7, IO): ул (подошва) - үүл (облако);
 уу - ү (5, 7, IO): гуур (личинки овода) - гур (железняк).

9) Iv, IV:

- аэ - э (4, 6, IO): даэн (дайн - война) - дэн (лампа);
 оэ - ө (4, 7, IO): моэл (мойл - черемуха) - мөр (след).

10) Ia, У:

оэ - уаэ (4, 7, 9): гоэмон (гоймон - вермишель) - гуаэ (гуай - вежливое обращение);

уаа - оэ (4, 7, 9): гуаанз (гуанз - столовая) - гоэмон (вермишель).

11) Iб, У:

уу - үи (5, 7, 9): зуух (держать зубами) - зүих (шить из лоскутов);

уи - уу (5, 7, 9): гүих (гүйх - просить) - гүүр (мост);

уаа - өө (5, 7, 9): хуаа (хуа - каурый) - хөө (сажа).

12) Iv, У:

уаэ - өө (4, 7, 9): хуазс (хуайс - акация) - хөө (сажа);

13) П, Ш:

а - ү (I, 8, IO): тал (степь) - тул (таймень);

аа - уу (I, 9, IO): таах (отгадывать) - туух (гнать);

э - ү (3, 8, IO): гэр (юрта) - гүр (железняк);

ээ - үү (3, 5, IO): тээх (перевозить) - түүх (собирать);

о - и (3, 8, IO): өл (питательность) - ил (ясный);

өө - ии (3, 9, IO): өөр (другой) - иим (ийм - такой).

14) П, IV:

о - уу (I, 7, IO): бор (серый) - буур (верблюд-производитель);

оо - у (I, 7, IO): боох (преграждать) - бух (бык);

э - ии (3, 6, IO): эм (лекарство) - иим (ийм - такой);

ээ - и (3, 6, IO): ээрэх (прясть) - ирэх (приходить);

ө - үү (3, 7, IO): өл (питательность) - үүл (облако);

өө - ү (3, 7, IO): өөр (другой) - үр (плод).

15) П, У:

оо - үи (I, 7, 9): боол (раб) - буил (буйл - кляп);

уаа - уу (I, 7, 9): гуаа (гуа - великолепный) - гуу (балка);

өө - үи (3, 7, 9): зөөх (таскать) - зүих (зүйх - шить из лоскутков).

16) Ш, У:

а - оо (I, 4, IO): бах (лягушка) - боох (преграждать);

аа - о (I, 4, IO): заан (слон) - зон (народ);

э - өө (3, 4, IO): бэр (невестка) - бөөр (почка);

ээ - е (3, 4, IO): хээл (зародыш) - хөл (нога);

и - үү (3, 5, IO): ирэх (приходить) - үүрэх (носить на плечах);

ии - у (3, 5, IO): иим (ийм - такой) - үлэх (отставать).

17) Ш, У:

аэ - уаэ (2, 4, 9): гаэ (гай - несчастье) - гуаэ (гуай - вежливое обращение);

ии - үи (3, 5, 9): иим (ийм - такой) (- үил (дело));

аа - уаа (I, 4, 9): гаанс (трубка) - гуаанс (гуанз - столовая).

18) У, У:

о - уаа (I, 4, 7): хорон (ядовитый) - хуааран (хуаран - казарма);

у - уи (I, 5, 7): тул (таймень) - туил (туйл - конец);

ү - үи (3, 5, 7): үл (не) - үил (үйл - дело).

Оппозиции, члены которых противопоставлены друг другу по трем ДП. Всего их 58, из них - по I, II, III: аэ - уу (9, IO):

а - ү (8, IO): гар (рука) - гур (железник);

аа - уу (9, IO): таа (отгадай) - туу (собирай);

о - и (8, IO): хол (далекий) - хил (граница);

оо - ии (9, IO): боо (загороди) - бии (есть);

у - э (8, IO): хул (саврасый) - хэл (язык);

уу - ээ (9, IO): туу (гони) - тээ (перевозы);

аэ - үү (9, IO): заэх (зайх - бродить) - зүүх (приветствовать);

оэ - ии (9, IO): оэм (ойм - папоротник) - иим (ийм - такой);

I, II, IV: оэ - у (7, IO): соэр (сойр - тетерев) - сур (ремень);

а - ии (6, IO): ам (рот) - иим (ийм - такой);

аа - и (6, IO): ааш (поведение) - иш (источник);

о - үү (7, IO): он (год) - үүн (этот);

оо - ү (7, IO): боол (раб) - бул (члены семьи);

у - өө (7, IO): ур (мастерство) - өөр (другой);

уу - ө (7, IO): уул (гора) - өл (питательность);

аэ - и (6, IO): аэл (айл - семья) - ил (ясный);

оэ - у (7, 10): оэр (ойр - близкий) - ур (плод).

I, П, У: оэ - уи (7, 9): оэ (ой - лес) - уи (уй - печаль):

уаэ - уу (7, 9): гуаэ (гуай - вежливое обращение) - гуу (балка);

оо - уи (7, 9): зоох (вкапывать) - зуйх (зүйх - шить из лоскутов);

уаа - үу (7, 9): гуаанз (гуанз - столовая) - гуун (кобылица);

уи - өө (7, 9): туил (туйл - конец) - төө (пядь);

оэ - уи (7, 9): оэх (ойх - падать) - вих (уйх - тонуть);

уаэ - үү (7, 9): гуаэ (гуай - вежливое обращение) - гүүн (кобылица);

I, Ш, IV: а - оэ (4, 10): сар (месяц) - соэр (сойр - тетерев);

о - аэ (4, 10): бор (серый) - базр (байр - место);

а - өө (4, 10): ар (спина) - өөр (другой);

аа - ө (4, 10): хаах (закрывать) - хөх (синий);

о - ээ (4, 10): хор (яд) - хээр (степь);

оо - э (4, 10): боох (преграждать) - бэх (чернила);

у - ии (5, 10): ус (вода) - иш (сюда);

уу - и (5, 10): уул (гора) - ил (ясный);

аэ - ө (4, 10): аэл (айл - семья) - эл (питательность);

оэ - э (4, 10): оэр (ойр - близкий) - эр (мужчина).

I, Ш, У: аа - уаэ (4, 9): гаа (имбирь) - гуаэ (гуай - вежливое обращение);

уаа - аэ (4, 9): хуааран (хуаран - казарма) - хаэран (хайран - жаль);

уаа - ээ (4, 9): хуаа (хуа - каурый) - хээ (узор);

уи - ии (5, 9): уил (уйл - водоворот) - иим (ийм - такой);

уаэ - ээ (4, 9): гуаэ (гуай - вежливое обращение) - гээх (терять);

I, IV, У: о - уаэ (4, 7): хос (пара) - хуаэс (хуайс - акация);

уи - ү (5, 7): уил (уйл - водоворот) - үл (не);

у - үи (5, 7): үл (подошва) - үйл (уйл - дело);

уаа - ө (4, 7): хуааран (хуаран - казарма) - хөрөнгө (имущество);

уаэ - ө (4, 7): хуаэс (хуайс - акация) - хөх (синий).

II, Ш, IV: а - уу (I, 10): гар (рука) - гуур (личинки овода);

аа - у (I, 10): таах (отгадывать) - тух (досуг);

э - үү (3, 10): тэх (козел) - туух (история);

ээ - ү (3, 10): ээл (счастье) - үл (не);

е - ий (3, 10): өн (обильное кормами время) - ийн (этаж);

өө - и (3, 10): өөр (другой) - ир (девяносто).

П, Ш, У: аа - уи (1, 9): таалах (ласкать) - туилах (туйлах - самовольничать);

ээ - уи (3, 9): гээх (терять) - гуйх (гуйх - бежать).

П, IV, У: о - уи: олох (находить) - уилах (уйлах - плакать);

уаа - ү (1, 9): гуаанс (гуанз - столовая) - гунж (трех-летняя корова);

ө - уи (3, 9): өл (питательность) - уйл (уйл - дело).

Ш, IV, У: а - уаа (1,4): ганзага (торока) - гуаанс (гуанз - столовая);

и - уи (3, 5): ил (ясный) - уйл (уйл - дело).

Оппозиции, члены которых противопоставлены друг другу по четырем ДП. Их 26:

I, П, Ш, IV: аэ - ү (10): баэх (байх - стоять) - бух (бык);

а - үү (10): тах (подкова) - туух (история);

аа - ү (10): хаах (закрывать) - хух (синий);

о - ий (10): он (год) - ийм (ийм - такой);

оо - и (10): оош (глотка) - иш (рукоятка);

ү - ээ (10): хур (дождь) - хээр (степь);

үү - э (10): туух (гнать) - тэх (козел);

аэ - ү (10): аэл (айл - семья) - үл (не);

оэ - и (10): оэр (ойр - близкий) - ир (приди).

I, П, Ш, У: аэ - уи (9): аэл (айл - семья) - уйл (уйл - водоворот);

аа - уи (9): гаа (имбирь) - гуи (беги);

уаа - ий (9): хуаа (хуа - каурый) - хий (хий - воздух);

уи - ээ (9): гуйх (гуйх - просить) - гээх (терять);

аэ - уи (9): аэл (айл - семья) - уйл (уйл - дело);

уаэ - ий (9): гуаэ (гуай - вежливое обращение) - гийх (гийх - рассветать).

I, П, IV, У: уаэ - ү (7): хуаэс (хуайс - акация) - хус (баран);

о - уи (7): гох (крюк) - гуйх (гуйх - бежать);

уаа - ү (7): гуаанс (гуанз - столовая) - гунзгий (глубокий);

уи - ө (7): уйл (уйл - водоворот) - өл (питательность);

уаэ - ү (7): гуаэ (гуай - вежливое обращение) - гун (глубокий);

I, Ш, IU, У:

а - уаэ (4): хас (яшма) - хуаэс (хуайс - акация);

уаа - э (4): хуааран (хуаран - казарма) - хэрэм (крепость);

уи - и (3): уил (водоворот) - ил (ясный);

уаэ - э (4): хуаэс (хуайс - акация) - хэсэг (часть).

II, Ш, IU, У:

а - уи (I): бар (тигр) - буир (буйр - важность);

э - үл (3): гэх (говорить) - гуйх (гуйх - бежать).

Оппозиции, члены которых противопоставлены друг другу по всем пяти ДП. Их 4:

I, II, Ш, IU, У:

а - уи: зах (край) - зуйх (зуйх - шить из лоскутков);

уаа - и: гуаанс (гуанз - столовая) - гинж (цепь);

уи - э: гуйх (гуйх - просить) - гэх (говорить);

уаэ - и: хуаэс (хуайс - акация) - хир (мера).

Приложение 2

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОППОЗИЦИЙ МОНГОЛЬСКИХ ГЛАСНЫХ В СЛАБОЙ ПОЗИЦИИ

Под действием позиционных и комбинаторных ограничений при употреблении гласных в пределах неначальных слогов слова в этой слабой позиции функционируют не 190 оппозитивных пар гласных, как в сильной позиции, а всего 38 пар. Из них по одному ДП противопоставлены члены 13 пар, по двум ДП - члены 13 пар, по трем ДП - члены 9 пар, по четырем ДП - члены 3 пар ($13 + 13 + 9 + 3 = 38$).

По одному ДП противопоставлены члены 13 пар:

I: аа - аэ (4, 6, 9, 10): хараах (ругаться) - хараэх (харайх - прыгать);

оо - оэ (4, 7, 9, 10): ороо (точка) - ороэ (орой - вершина);

II: ии - ээ (3, 6, 9, 10): гэриин (домашний) - гэрээр (кровать);

оо - уу (1, 7, 9, 10): соктоо (соктоо - опьянел) - соктуу (согтуу - пьяный);

еэ - үү (3, 7, 9, 10): дөрвөөт (дөрвөөд - по четыре) - дөрвүүлэн (вчетвером).

Ш; ий - уу (3, 5, 9, 10): сэриих (сэрийх - возвышаться) - сэруун (прохлада);

ээ - өө (3, 4, 9, 10): хөмрөөтээ (хөмрөөтэй - перевернутый) - хөлчөөх (греть).

IV: ө - өө (3, 4, 7, 10): хөрөх (охлаждаться) - хөрөөх (охлаждать);

э - ээ (3, 4, 6, 10): элэх (изнашиваться) - элээх (изнашивать);

и - ий (3, 5, 6, 10): сарих (мочиться) - сариих (быть кри-
вым);

а - аа (1, 4, 6, 10): харах (видеть) - хараах (ругать);

о - оо (1, 4, 7, 10): хорох (убавляться) - хороох (убав-
лять).

уу - уи (1, 5, 7, 9): даруу (низкий) - даруи (даруй - не-
медленно).

По двум ДП противопоставлены члены 13 пар:

I, П: аа - ий (6, 9, 10): ал'аа (алиа - резвый) - ал'ийк
(алийт - которого);

уу - оэ (7, 9, 10): оруулах (вводить) - ороз (орой - вер-
шина).

I, Ш: уу - ий (5, 9, 10): харуу (скупой) - хариин (чужой).

I, IV: а - аэ (4, 6, 10): харах (смотреть) - хараэх (ха-
райх - прыгать);

о - оэ (4, 7, 10): орон (страна) - орозн (оройн - вершин-
ный).

П-Ш: аа - уу (1, 9, 10): валаа (кисточка) - залуу (моло-
дой);

ээ - уу (3, 9, 10): хэрээ (ворон) - хэруул (ссора).

П-IV: о - уу (1, 7, 10): хонох (ночевать) - хонуур (ку-
ратник);

и - ээ (3, 6, 10): жиших (сравнивать) - жишээ (пример);

ө - уу (3, 7, 10): хөхөл (возбуждение) - хөхүүл (грудной).

П-У: оо - уи (1, 7, 9): чоноор (волком) - чонуин (чонын -
волчий);

Ш-IV: ө - ээ (3, 4, 10): өртөх (делать долги) - өртээ (өр-
тэй - имеющий долг);

и - уу (3, 5, 10): өчих (говорить) - өчуулэх (заставить
говорить).

По трем ДП противопоставлены члены 9 пар, из них:

И, П, Ш: оо - ии (9, IO): бол'оо (болио - перестал) - бол'иш (перестань);

уу - аэ (9, IO): харуу (скупой) - хараэ (харай - прыгай).

И, П, IU: и - аа (6, IO): алин (который) - ал'аа (алии - резвый).

И, П, У: оэ - уи (7, 9): хоолоэ (хоолой - горло) - хоол-нуи - (хоолны - еды).

И, Ш, IU: и - уу (5, IO): хар'ин (харин - однако) - хар'уу (хариу - ответ).

П, Ш, IU: э - үү (3, IO): ширэм (чугун) - шируун (шершавый);

а - уу (I, IO): хамар (нос) - хамуур (метла).

П, Ш, У: аа - уи (I, 9): дараа (после) - даруи (дары - медленно).

П, IU, У: о - уи (I, 7): олом (брод) - олнуи (олны - общественный).

По четырем ДП противопоставлены члены трех пар:

И, П, Ш, IU: и - оо (IO): хор'их (хорих - запрещать) - хор'оон (хорион - запрет).

И, П, Ш, У: аэ - уи (9): ахаэ (ахай - почтительное обращение) - ахуи (ахуй - бытие).

П, Ш, IU, У: а - уи (I): уулан (гора) - уулуин (уулын - горный).

О НОРМАХ СОЧЕТАЕМОСТИ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ
В РУССКОМ И БУРЯТСКОМ ЯЗЫКАХ

Типы сочетаний согласных в русском и бурятском языках в большинстве своем не совпадают, что обусловлено прежде всего различием в консонантной и вокальной структурах фонетической системы русского и бурятского языков.

Это различие проявляется в том, что если русский язык обладает стройной системой консонантизма, менее подверженной позиционным изменениям, тогда как система вокализма характеризуется широким диапазоном модификации гласных фонем, то бурятский язык имеет состав согласных, отличающийся большими возможностями варьирования, и вокализм, практически лишенный позиционных изменений. Следовательно, в русском языке функционально более значимы согласные, в бурятском — гласные.

Следствием консонантного характера фонетической системы русского языка является преобладание в ней сочетаний согласных причем в любой позиции слова (в начале, середине и конце слова); в бурятском же языке, где функциональная нагрузка больше падает на гласные, чаще встречаются сочетания типа "гласный + согласный" и "согласный + гласный". Консонантные сочетания, только двухфонемные, возможны исключительно в вокальном окружении.

На комбинаторику согласных фонем в сопоставляемых языках влияют и особенности слога и слогоделения, определяемые системным различием, которые и диктуют в конечном итоге особенности и порядок сочетаемости фонем в пределах слога.

Слог, как известно, не простая комбинация фонем, а "... минимальная произносительная единица"¹ и является чисто фонетической категорией во всех языках.

К числу общих тенденций в сегментной организации слога в

сопоставляемых языках относится построение слога по восходящей звучности, которая в направлении от начала слога к его концу создается прежде всего за счет преобладания консонантного начала и вокалистического конца, а также благодаря тому, что шумные согласные, особенно глухие, обнаруживают явное тяготение к началу слога. Причина заключается в ослаблении напряженности артикуляции от начала слога к его концу.

Спад артикуляторной напряженности, вызывая усиление ассимилятивных процессов и ослабление контраста между сегментными единицами по мере приближения к исходу слога, на фонемном уровне отражается в форме разного рода ограничений в дистрибуции фонем.

И то, и другое сказывается на "... реализации артикуляторно-акустических контрастов, в том числе слоговых, а это значит, что и фонетическое строение слога, и его фонетическая реализация определяются местом данного слога в слове"². Следовательно, комбинаторные возможности фонем, их сочетаемость друг с другом в пределах слога в известной мере регламентируются тем, насколько эти сочетания благоприятствуют реализации физических различий. Недаром сочетания согласных и гласных являются универсально допустимыми.

Для консонантной структуры слога характерна сочетаемость согласных, контрастирующих по тому или иному признаку. Это может быть и контраст по звучности (в русском языке), и контраст по силе – слабости артикулирующего органа (в бурятском языке), и по месту и способу образования.

Степень контрастирования согласных по тому или иному признаку значительно варьирует в зависимости от их позиций в слове и качества. Вероятно, поэтому слоговые контрасты в сочетаниях плавных согласных с гласными чрезвычайно ослаблены. Шумные согласные, а также носовые сонанты как менее сонорные по сравнению с плавными образуют более сильные слоговые контрасты с гласными. Соответственно контрастные тенденции в сочетаниях шумных с носовыми согласными выражены слабее, нежели в сочетаниях шумных с плавными.

Выявление характерных особенностей консонантной сочетаемости в русском и бурятском языках возможно при установлении "... дозволённых последовательностей фонем"³, удобных для групп согласных, так как именно в них выражаются основные закономер-

ности сочетаемости согласных. "Дозволенная последовательность фонем" определяется особенностями слога и слогаделения, ибо "в каждом языке фонемы сочетаются по специфическим для данного языка законам, и правила сочетаемости фонем характеризуют язык не в меньшей степени, чем фонемный состав"⁴.

Сопоставляемые языки характеризуются общими тенденциями в организации слога: спадом артикуляционной напряженности от начала к концу и обусловленным им построением по восходящей линии.

Различия в характере слога в сопоставляемых языках относятся к фонемной структуре, позиции в слове и границам слога-раздела.

Русский язык в пределах слога довольно свободен в выборе сочетаемости согласных фонем и допускает двух-, трех-, четырех- и пятичленные сочетания; бурятский слог исключает в своих пределах всякое скопление согласных и допускает только слоги типа "согласный + гласный", "гласный + согласный" и "согласный + гласный + согласный" (СГ, ГС, СГС).

Консонантные группы в русском языке возможны, как было указано выше, в любой позиции слова: в начале, середине и конце. В бурятском языке в начале и конце слова сочетания согласных исключены, единственно возможные в интервокальном положении двухфонемные консонансы распределяют свои члены по разным слогам.

В начале русского слога консонантные группы строятся по закону возрастающей звучности. По этой причине в указанной позиции совершенно свободно функционируют сочетания "шумный + сонорный", наиболее частотным из которых является сочетание "шумный + сонант (р)" как самый звучный из всех сонантов.

Трех- и другие многофонемные сочетания согласных в начале русского слога строятся по принципу возрастающей звучности; в большинстве их в качестве последнего члена выступают сонорные, а в роли первого, как правило, - фрикативные. При скоплении шумных согласных в начале слога модель ССС, СССС завершается наиболее звучным фрикативным [в].

Таким образом, основной закономерностью сочетания согласных в начале слов в русском языке является их расположение по возрастающей звучности, причем наиболее "удобными" являются артикуляторно и акустически более контрастные, а "неудобными" - менее контрастные.

В конце русского слова, как известно, встречаются закрытые слоги, в том числе и со стечением двух, трех и более согласных, что, казалось бы, должно противоречить фонологической структуре русского слога (в середине слова русский слог оканчивается либо на гласный, либо может быть прикрыт сонорным).

Наличие конечных закрытых слогов, тем более слогов с финальным сочетанием согласных, в русском языке объясняется, вероятно, тем, что здесь отражаются закономерности не слога, а следующей по иерархии единицы — слова.

Как известно, в абсолютном конце русского слова наблюдается спад звучности, причем в пределах только этого слога.

Эта закономерность конца слова обуславливает, вероятно, оглушение звонких шумных в этой позиции, а также некоторое оглушение сонорных. "В современном русском языке, — пишет Н.А. Любимова, — сонанты испытывают тенденцию к полной утрате сонантных признаков в позиции абсолютного конца слова"⁵.

Наиболее активными из двухчленных финальных сочетаний являются консонансы типа "сонорный + смычный", "сонорный + фрикативный", "сонорный + аффриката", то есть двухчленные сочетания с сонорным первым членом, которые отвечают требованию спада звучности.

Между тем в русском языке встречаются и конечные консонантные сочетания, которые, казалось бы, не отвечают закономерности спада звучности ("шумный + сонорный"), однако артикуляционно сочетания типа "фрикативный + сонорный", "смычный + сонорный" реализуются с эпентетическим вокальным элементом: театр, рубль.

Этот факт свидетельствует о том, что названные типы сочетаний в финале слова либо вовсе не реализуются, либо их второй член теряет сонантные признаки.

Таким образом, в конечных консонантных сочетаниях наиболее активными в качестве первого члена являются сонорные, тогда как в начале слога они предпочитают позицию последнего члена, что вполне соответствует закономерностям начала слога и конца слова.

Сочетания типа "смычный + смычный", "смычный + аффриката" и наоборот пассивны как в начале, так и в конце слова. Видимо, сочетания взрывных вообще (аффрикаты в своей экскурсии, как известно, имеют взрывной элемент) затруднены антропофонически.

Финальные трехчленные сочетания показывают активность консонантных сочетаний с сонорным первым членом. При наличии сочетаний с последним сонорным членом, противоречащих закономерности построения конечных консонантных комбинаций, на фонетическом уровне происходят всевозможные изменения: либо развивается дополнительная слоговость, либо сонорные "теряют" часть своих сонантных качеств, то есть противоречие снимается или разрушением сочетания, или потерей звучности сонорными.

Возможности сочетания четырех согласных в абсолютном конце русского слова еще более ограничены, и реальные четырехчленные группы состоят в основном из согласного и суффикса "-ств-".

Как и другие типы конечных сочетаний согласных, четырехчленные комплексы отражают спад звучности и в основном построены из сонорного и шумных согласных, причем спад звучности наблюдается в самом сочетании шумных согласных. При наличии комплексов, не соответствующих закономерности конца слова, противоречие снимается так же, как и в трехчленных сочетаниях.

Таким образом, основной закономерностью финальных консонантных сочетаний русского языка является их построение по принципу спада звучности.

Бурятскому языку, как было указано выше, не свойственно скопление согласных не только в конце слова, но и слога.

В отличие от русского слога бурятский слог может быть закрытым не только в конце слова, но и в середине. При этом он может быть прикрыт либо сонорным, либо заканчиваться, как явствует из данных экспериментальной фонетики⁶, слабыми смычными шумными <б>, <г>, <д>. Следовательно, бурятский слог исключает в своем финале все фрикативные и сильные глухие смычные.

Конец бурятского слова характеризуется, как и в русском языке, спадом звучности, что влечет за собой не только оглушение шумных, но и сонорных: слабые смычные <б>, <г>, <д> артикулируются в этой позиции в глухих оттенках с едва заметной смычкой, из сонорных большему оглушению подвергается плавный <р>. Следовательно, финал бурятского слова демонстрирует не только спад звучности, но и в отличие от русского спад напряженности артикулирующего органа. Данная закономерность подтверждается отсутствием в этой позиции сильных глухих, всех фрикативных и мягких согласных, требующих дополнительной среднеязычной артикуляции.

Наглядно это проявляется в фонетическом освоении заимствованных из русского языка слов: смычный сильный глухой конец русского слова преобразуется в слабый смычный в глухом варианте (шисноог - чеснок, паартиг - фартук, яшаг - ящик), сильные глухие фрикативные, как правило, переводятся в интервокальное положение (гороохо - горох, тёосо - тес, хирбиисэ - кирпич), мягкие согласные субституируются парными твердыми (оожом - озимь, эшмээн - ячмень).

Эти же закономерности действуют в финале неконечных закрытых и прикрытых слогов, слог также оканчивается либо на сонорный, либо на слабые смычные <б>, <г>, <д>, но не только в глухих, но и в звонких оттенках в зависимости от качества согласного справа: перед глухими сильными - в глухих, перед звонкими - в звонких⁷, что отражается в фонетическом облике заимствованных слов (хообто - кофта, пороохо - пробка, хурубшаадха - крупчатка).

Слабые фрикативные <з>, <ж> в заимствованных словах преобразуются в другие звуки: хуудинсэ (кузница), хотя в более поздних заимствованиях это явление уже почти не наблюдается, например, бураздаа (борозда).

Таким образом, общей закономерностью закрытого конца русского и бурятского слов является спад звучности, но в бурятском финал слова характеризуется предельным спадом напряженности артикулирующего органа и отсутствием всякого скопления консонантов. Кроме того, если в русском языке слог в середине слова может быть прикрыт только сонорным и исключает присутствие шумных в этой позиции, то бурятский неконечный слог допускает в своем конце, кроме сонорных, и наличие слабых шумных смычных.

Общей закономерностью интервокальной системы русского и бурятского языков является наличие двухфонемных консонантных сочетаний. Вероятно, вокальное окружение - наиболее благоприятная позиция для сочетаемости согласных, поэтому не случайно все "неудобнопроизносимые" сочетания видоизменяются за счет развития протетического и эпентетического гласных.

Однако интервокальная система консонантной сочетаемости современного русского языка характеризуется большими возможностями, чем бурятская: она допускает не только двухфонемные, но и многофонемные сочетания.

В вокальном окружении в русском языке, как известно, не

представлены сочетания противоположных членов коррелятивной пары по глухости - звонкости, в нем отсутствует ряд консонантных групп либо из-за лексической незаполненности⁸, либо из-за фонетического запрета (сш, сч, мц, зж).

Интервокальные двухчленные консонантные сочетания современного русского языка одинаково допускают как сочетания типа "шумный + сонорный", так и "сонорный + шумный", активность которых обусловлена фонологическими качествами сонорных, позиционной возможностью всех шумных при сонорных.

Если сочетания шумных с сонорными отвечают требованию возрастающей звучности, то между членами сочетания с сонорным в препозиции возникает слогораздел, поэтому такая структура не является чуждой для синтагматической фонетики русского языка.

Менее активны сочетания шумных с шумными в этой позиции, в особенности взрывных и аффрикат с другими шумными, а сочетания аффрикат с аффрикатами отсутствуют в любой позиции слова.

В современном русском языке реально функционируют и трех-, и четырехчленные интервокальные группы согласных, больше половины которых составляют сочетания с первым и последним сонорными членами или с конечным звучным [в]. В целом консонантная группа в начале слога в середине слова строится по возрастающей звучности.

В бурятском языке при двухчленных интервокальных сочетаниях согласных слогораздел обязательно проходит между ними.

Анализ типов интервокальных сочетаний согласных бурятского языка выявляет следующую закономерность: все сочетания строятся не только по принципу возрастающей звучности, как было указано выше, но и в отличие от русского по принципу возрастающей напряженности артикулирующего органа: первый член наиболее слабый - это [с], [г], [д] из шумных с едва заметной смывкой⁹ и сонорные, наиболее активными из которых являются плавные как менее напряженные по сравнению с носовыми; из плавных - дрожащий [р], который уступает в напряженности боковому [л]¹⁰, второй член - всегда сильнее и звонче, поскольку оказывается в превокальном положении. Вот почему позицию второго члена занимают чаще всего сильные глухие и слабые звонкие, которые по напряженности всегда превосходят первые члены в силу своей превокальности. После слабых и сонантов могут стоять из сонорных носовые и частично боковые плавные [л], [л'] .

Плавные [p], [p'] артикулируются в бурятском языке при более слабом подъеме языка по сравнению с аналогичными русскими звуками с меньшей вибрантностью, что объясняется слабостью мускульного напряжения¹¹. Этим, вероятно, и объясняется "игнорирование" позиции второго члена ими. Эпизодически в постпозиции могут употребляться вибранты в заимствованных словах, но исключительно перед долгими, более напряженными гласными (батрааг - батрак).

Таким образом, самое активное русское сочетание "шумный + сонорный" является самым пассивным, а "шумный + плавный [p]" в исконно бурятских словах не встречается.

Нет в бурятском языке и нейтрализации по глухости - звонкости членов консонанса, вернее, по напряженности - ненапряженности: глухие и звонкие пары четко противопоставлены в одной и той же позиции (борбоосгой - шишка хвойного дерева; шаазгай - сорока).

Эти несоответствия в сочетаемостных возможностях согласных русского и бурятского языков объясняются, на наш взгляд, несовпадением в них фонологической значимости признаков "глухость - звонкость" и "напряженность - ненапряженность".

Как известно, фонологическая система русского языка характеризуется важным коррелятивным признаком "глухость - звонкость", который тесно переплетается с интегральным признаком "напряженность - ненапряженность" артикулирующего органа: глухие всегда сильнее, слабые - звонкие¹².

В бурятском языке фонологически значимой является корреляция по силе мускульного напряжения артикулирующего органа, по которой все согласные разграничены на сильные и слабые. Признак "глухость - звонкость" носит оттеночный характер. При этом сильные всегда глухие, а слабые могут проявляться в глухих и звонких оттенках¹³.

Это фонологическое несовпадение и определяет различия в коартикуляции согласных фонем в сопоставляемых языках: в русском - по возрастающей звучности, напряженность - ненапряженность сопутствует этому принципу; в бурятском - по возрастающей напряженности при сопутствующем характере глухости - звонкости. При этом контраст по напряженности и звучности в бурятском языке, вероятно, проявляется более последовательно, и не

только в консонантных сочетаниях, где исключаются более чем двухфонемные комплексы, но и в сочетаниях согласных и гласных в начале слова.

В бурятском языке (в исконно бурятских словах) в начале слова не употребляются сонорные плавные, особенно последовательны здесь дрожащие [р], [р'] , Объясняется это, вероятно, тем, что контраст по напряженности артикулирующего органа между плавными вибрантами и гласными сведен к минимуму.

Неупотребительность вибрантов в начале слова особенно четко проявляется в русской речи бурят в виде акцентных явлений — их огласованности, причем в большей степени в сочетании с безударными гласными; перед ударными гласными степень огласованности намного меньше. Следовательно, увеличение контраста по напряженности делает сочетание более удобопроизносимым.

На сочетаемость согласных в интервокальном положении бурятский язык накладывает запрет и с точки зрения их коартикуляции по твердости — мягкости, по месту и способу образования.

Мягкие согласные встречаются гораздо реже в сочетании с последующими согласными, вероятно, потому, что дополнительная средняяязычная артикуляция требует большей напряженности, что не характерно для конца бурятского слога и слова: очень ограничено в препозиции выступают [д'], [л'], [р'], [н'], причем последующими за ними компонентами являются согласные другого локального класса (гетерогантные) или другого способа образования, естественно, более напряженные и звучные в силу их превокального положения. Чаще всего ими (соседями справа) оказываются заднеязычный [х] или губно-губной [б].

В случае, когда последующим согласным оказывается мягкий согласный, мягкость первого члена, как правило, нивелируется. Например, в фонетических вариантах: арьбан — арбин (конское сало), ьорьбо — ьорби (трость).

Не представлены в качестве первого члена из возможных в этой позиции слабых смычных и сонорных мягкие [б'], [г'] и носовой [н'], слабые фрикативные и сильные глухие. Сильные фрикативные [с], [ш] могут соседствовать слева только с заднеязычным [х] и переднеязычным [т], то есть практически в бурятской лексике представлены лишь сочетания (сх), (ст), (шх), (шт). Это не противоречит принципу восходящей звучности и напряженности, поскольку препозитивные фрикативные "уступают" вторым членам

как по звучности, так и по напряженности. Контраст в них создается и по локальности, и по способу образования. Контрастирование по месту и способу образования свойственно и русскому языку, что ведет в нем к некоторым диссимилятивным явлениям на уровне произношения: ле(х)ко, тра(н)вай.

В современном бурятском языке в анализируемой позиции не встречаются трехчленные консонантные сочетания за исключением их наличия на стыке морфем, где они, как правило, характеризуются наличием сонорных в качестве первого и последнего члена (гэртнай – ваш дом). Другие консонантные сочетания в бурятском языке не представлены.

Все эти расхождения в фонетико-фонологических системах сопоставляемых языков, а именно: преимущественно консонантный характер русской фонетической системы и более вокальный – бурятской, большая функциональная нагрузка согласных в русском и гласных – в бурятском, различия в характере слога, несоответствия в закономерностях коартикуляции согласных фонем в двухчленных интервокальных сочетаниях (в русском – по принципу возрастающей звучности, в бурятском – по возрастающей напряженности и звучности), наличие консонантных сочетаний в начале и конце слова в русском и их отсутствие в бурятском, позиционная и сочетаемостная ограниченность бурятских мягких согласных, различные ограничения по месту и способу образования в обоих языках, – все это и делает потенциально возможным многочисленные отклонения от произносительных норм русского языка в устной русской речи бурят и изменения в области сочетаемости согласных, которые претерпевают русские слова в процессе их адаптации в бурятском языке.

¹ Бондарко Л.В. Звуковой строй русского языка. – М., 1977. – С. 122.

² Трубецкой Н.С. Основы фонологии. – М., 1960. – С. 24.

³ Ахманова О.С. О фонетических и морфологических вариантах слова / Академику В.В. Виноградову к его 60-летию. – М., 1956. – С. 28.

⁴ Трубецкой Н.С. Указ. соч. – С. 284.

⁵ Любимова Н.А. Влияние позиции на фонетические характе-

ристики русских сонантов // Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению. - М., 1973. - С. 105.

⁶ См.: Бураев И.Д. Звуковой состав бурятского языка. Улан-Удэ, 1959. - С. 59-61; Бураев И.Д., Бажеева Т.П., Павлова Е.С. Атлас звуков бурятского языка. - Улан-Удэ, 1975. - С. 40, 46, 63.

⁷ См.: Бураев И.Д. Указ. соч. - С. 60.

⁸ См.: Иванов В.В. Некоторые проблемы синтагматики и парадигматики фонем современного русского языка // Теоретическая фонетика и обучение произношению. - М., 1975. - С. 3-II.

⁹ См.: Атлас звуков бурятского языка. - Улан-Удэ, 1975. - С. 40, 46, 63.

¹⁰ См.: Дырхеева Г.А., Бухаева О.Д. Статистико-комбинаторная характеристика парадигм сочетающихся согласных в бурятском языке // Исследования по бурятской филологии. - Улан-Удэ, 1978. - С. 103.

¹¹ См.: Бураев И.Д. Указ. соч. - С. 91.

¹² См.: Матусевич М.И. Современный русский язык. Фонетика. - М., 1976. - С. 122.

¹³ См.: Бураев И.Д. Указ. соч. - С. 60-61.

ПЕРВИЧНЫЕ ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ
В СРЕДНЕМОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема "первичных" (неконтракционных) гласных обсуждается в монголистике уже не один десяток лет¹. Она затрагивает довольно широкий круг вопросов, связанных с исторической фонетикой монгольских и алтайских языков. Среди них вопрос о существовании первичных долгот в среднемонгольском представляется весьма актуальным: его положительное разрешение даст прочный фундамент для дальнейшей разработки этой темы, отрицательное, если не снимет ее вообще с повестки дня, то, во всяком случае, значительно усложнит.

Практически в любом монгольском диалекте (исключая дунсянский язык) имеются так называемые неконтракционные долгие гласные, то есть гласные, не имеющие соответствия с долготными комплексами старописьменного языка. Например: халх. xi:- (делать; класть), бур. ni:d- (летать), калм. sö:ne (ночь), даг. mo:d (дерево), мнгр. fo:di (звезда), монг. mo:rt- (забывать). Соответствующие письм. формы: ki-, nis-, süni, modun, odun, umarta-.

Наибольшее количество подобных долгот наблюдается в монгорском языке и языке моголов Афганистана. Показательны в ряде случаев и дагурские формы.

Из неконтракционных долгот необходимо исключить те, которые могут оказаться позиционными или заимствованными — далеко не каждая долгота восходит к протомонгольской. Так, для халхаского типично удлинение гласных в корнях типа (согласный + гласный), напр., ta: (Вы) в абсолютном употреблении, ta (Вы) — в энклитике: saembaenu:-ta². Поэтому долготы типа халх. xi:- скорее вторичны. Не имеют отношения к первичной долготе и такие формы, как халх. yadzayu:r (корень) или x'adzaya:r (край), сло-

жившиеся под влиянием письменного языка³.

"Подлинность" первичной долготы – один из первых вопросов, которые следует решить при отборе материала. Основным критерием служит следующий: неконтракционные долгие могут оказаться первичными, если встречаются в таком же фонетическом окружении, что и краткие. По большинству диалектов мы располагаем достаточными данными, чтобы пользоваться этим критерием. Ср., например, мнгр.: ya:ra (рана) – xara (черный), džio:rgo- (встречать) – džio:ro (иноходец).

Другим существенным моментом представляется совпадение первичных долгот в различных современных языках. Из рассмотренных нами 44 форм могольского, монгурского и дагурского языков только 5 имеют долгие гласные во всех трех языках, около десятка форм имеют долготы в двух языках, остальные – только в каком-нибудь одном из них. Естественно предположить, что первичные долготы сокращались в разных языках при разных условиях и, возможно, в разное время. Детали этого процесса пока неясны, поэтому основное внимание следует уделять долгим гласным, совпадающим в разных языках.

Если считать, что в протомонгольском противопоставление долгих и кратких гласных имело место, то в среднемонгольском должны найтись хотя бы рефлексy такой оппозиции.

Среднемонгольский известен по источникам трех типов: 1) "квадратное письмо", 2) арабографичные глоссарии, 3) китайская транскрипция "Сокровенного сказания" и монголо-китайские словари. В "квадратном письме" долгота гласных не отражена⁴. Арабографичные источники передают долготу крайне непоследовательно: дирекционные алиф, вав и йа иногда используются для обозначения долготы, но основное назначение этих букв – передача качества гласного.

В китайских транскрипциях один и тот же слог передается разными знаками. В ряде слов знаки чередуются, в других случаях – употребление знаков выглядит вполне последовательно. С. Мураяма обратил внимание на то, что иероглиф tuo³ (гроздь) употребляется в словах, соответствующих формам с первичными долгими в современных диалектах, а иероглиф tuo¹ (много) в подобных словах не встречается⁵. Например, : dolo'an (семь), dorben (четыре), doro (внизу), dote (близкий, прямой путь), ordo (дворец) и ряд других.

Все эти формы имеют соответствия с неконтракционными долготами в современных монгольских языках: монг. do:lo:n (семь), мнгр. die:ran (четыре), мнгр., халх. do:ro (внизу), монг. do:to:na (близкий), монг. ordo: (дворец). Примеры со знаком ᠳᠤ dobtul- (нападать), doki- (указывать) не имеют соответствий с долгими гласными.

Ряд слов, для которых не находится современных соответствий с первичными долгими, транскрибируются также со знаком ᠳᠤ: domoysi (болтун), dorona (восток) и др. Это можно объяснить тем, что в среднемонгольском могло существовать значительно большее количество первичных долгот, чем в современном языке.

В шести словах эти знаки варьируются. Из них - три - собственные имена, не имеющие определенных соответствий.

В целом употребление данных знаков дает следующую картину:

	Используется один знак		Используются оба знака
	<u>ᠳᠤ</u>	<u>ᠳᠤ</u>	<u>ᠳᠤ</u> ~ <u>ᠳᠤ</u>
Формы, имеющие соответствия среди первичных долгих в современных диалектах	23 примера	-	2 примера
Формы, долгота которых не зафиксирована	7 примеров	11 примеров	1 пример
Имена собственные, не имеющие определенных соответствий	-	-	3 примера

Такое распределение знаков вполне может трактоваться как обозначение долгих (ᠳᠤ) и кратких (ᠳᠤ) гласных, поскольку их распределение коррелирует с первичной долготой.

Э. Хениш противопоставляет китайские транскрипционные иероглифы 雨 cye² (снег) и 速 su⁴ (скоро) как знаки

слов с гласными переднего (sü) и заднего (su) рядов⁶. Однако не исключена возможность, что эти знаки использовались для различения долгих и кратких гласных. Так, 雨 используется в транскрипции слов sulsu (желчь), suni (ночь). Этим словам соответствуют современные формы с первичным долгим: мнгр. su: rdze (желчь), мого. so:ni (ночь), даг. so: - id., калм. sö:ne (ночь).

Знаком 雨 обозначены и слоги, не имеющие соответствий среди первичных долгот, например, südurgen (подстрекательство)⁷, süno'eku (гасить) (письм. sonugeku - id.). Среди слогов, обозначенных знаком 速 в таких словах, как surimusu (волосы) (халх. soṛmu:sa (ресницы), suke (топор), suralca (учиться вместе) и др., нет ни одного, сопоставимого с современной первичной долготой.

Употребление этих знаков в "Сокровенном сказании":

	Используется один знак		Используются оба знака
	<u>雨</u>	<u>速</u>	<u>雨</u> ~ <u>速</u>
Формы, имеющие соответствия среди первичных долгих	2 примера	-	-
Форма, долгота которых не зафиксирована	3 примера	20 примеров	1 пример

Аналогия с предыдущей схемой очевидна. Правда, здесь меньше примеров на долгий гласный (всего два), но это слова высокой частотности (особенно süni).

Таким образом, знак 雨 (снег) мог обозначать первичный долгий в словах su: или so: если эти слоги существовали в языке "Сокровенного сказания". К этому надо добавить, что знак

雨 входит еще в одну корреляцию: в большинстве случаев слог, изображаемый им, соответствует халх. so или sö:. Не исключено, что этот знак участвует в противопоставлении слогов so и vo (основной иероглиф для слога vo - 莎 so¹ (осока)⁸.

То, что некоторые иероглифы коррелируют с первичными долготами, должно иметь и чисто фонетическое обоснование. Чтение рассмотренных знаков, представленное в "Мэнгу цзы юнь", показывает, что их финали, действительно, отличались друг от друга, и это различие может интерпретироваться как противопоставление долгих и кратких гласных⁹.

Транскрипционные иероглифы "Сокровенного сказания"	Транскрипция "квадратным письмом" в "Мэнгу цзы юнь"	Современное чтение
	dwo (с. 125)	tuo ³
	do (с. 124)	tuo ¹
	swe (с. 126)	cye ²
	su (с. 109)	su ⁴

Однако не всегда иероглифы, предположительно обозначающие слог с долгим гласным, имеют особую финаль. Так, для обозначения монгольского слога dzu употребляются иероглифы tsu² (хозяин) и tsu² (бамбук), помимо других, употребление которых не имеет упорядоченного характера. Первый из них используется очень часто: в большинстве слов, начинающихся со слога dzu и в окончании прошедшего времени глагола -dzu'ui -dzu'u. Второй — мы встречаем исключительно в слове dzug (направление). Оба эти знака находятся в одном и том же разделе "Мэнгу цзы юнь" и записаны там на с. 109 как , то есть džeu или džü.

Слово dzug (направление) — единственное на džu-, имеющее соответствие с первичной долготой: даг. džu:r — id. Но можно ли предполагать, что знак "бамбук" введен здесь именно для обозначения долготы гласного?

Вопросов подобного рода возникает довольно много. Мотивы выбора знаков бывают совершенно неясны. Лишь в некоторых случаях видны фонетические основания для уточнения транскрипции. Чаще же китайская фонетика не дает таких оснований. Например,

мало шансов на отыскание первичных долгот в слогах с финалью -а, поскольку в финалях этого типа нет таких вариаций, которые могли бы использоваться для противопоставления гласных по долготе, как не было их и в XIV веке.

Не было, вероятно, возможности для выражения противопоставления слогов мо и мо:. Разновидности слогов, которые используются в транскрипции "Сокровенного сказания", это mwо и mw (по "Мэнгу цзы юнь"), но их употребление не коррелирует с первичной долготой даже в таких словах, как мор (дорога, след), modun (дерево), где она наиболее очевидна (реконструируется по большому числу внутренних и внешних соответствий).

По гипотезе С. Хаттори¹⁰, второй слог долготных комплексов VCV (гласный + согласный + гласный) содержал первичный долгий гласный. Под его влиянием интервокальный согласный ослабевал и в конце концов исчез. В среднемонгольском мы видим этот процесс, близкий к завершению, то есть в среднемонгольском первичная долгота гласных уже "вошла во взаимодействие" с фонетическим окружением. Вполне вероятно, что это взаимодействие в ряде случаев (не только в долготных комплексах) должно было привести к сокращению долгих гласных. По этой причине среднемонгольский может содержать рефлексы далеко не всех первичных гласных, и дело тут вовсе не в китайской транскрипции, которая в отдельных своих фрагментах оказывается на удивление точна.

В среднемонгольском должны быть первичные долгие гласные, если они были в протомонгольском, но среднемонгольские долгие могут быть не идентичны, например, монгорским, поскольку нельзя с уверенностью утверждать, что язык "Сокровенного сказания" — переходный этап от протомонгольского к монгорскому. Это сообщение мы также должны учитывать.

¹ См.: Murayama Sh. Die Entwicklung der Theorie von den primären langen Vokalen im Mongolisch // *Mongolian Studies*. Bibliotheca Orientalis Hungarica. — Amsterdam, 1970, XIV. — P. 359-370.

² См.: Лувсандорж Ж. Монгол авианы дуудлга. — Улаанбаатар, 1975. — С. 39 и 97.

³ См.: Лувсанвандан III. К проблеме долгих гласных средне-

монгольского языка // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал.
- Улаанбаатар, 1977. - 2 боть.

⁴ См.: Лувсанвандан III. считал, что знак употребляется для обозначения долготы (Указ. соч. - С. 94-96). Даже если это и так (что весьма сомнительно), эта "долгота" не дает дополнительной информации, потому что связана со вторым слогом исчезнувших "долготных комплексов".

⁵ См.: Murayama. Указ. соч. - Р. 365. Мураяма считает, что среднекитайское чтение этих знаков идентично. Это, видимо, надо расценивать как вольность, которую может позволить себе знаток в обращении с хорошо известным материалом.

⁶ См.: индекс слогов "Сокровенного сказания" в: Haenisch E. Wörterbuch zu Manghol un niuca tobca'an. - Wiesbaden, 1962. - S. 187.

⁷ См.: Козин С.А. соотносит это слово с письм. südürgen (язвы на ногах у лошади). См.: Козин С.А. Сокровенное сказание. - М.-Л., 1941. - С. 547.

⁸ Ср. транскрипцию этого знака как so у С. Хаттори и С. Ивамуры: Хаттори С. Гантё хисси (Юань чао би ши)-но мокого-о аравасу кандзи-но кэнкю. (На японском языке). - Токио, 1946. - С. 143; Iwamura Sh. The Zirni Manuscript. A persian-mongolian Glossary and Grammar. - Kyoto: 1961. - P. 133.

⁹ В других старых словарях эти знаки также помещают в разные рифмы. См.: Чжао Иньтан. Чжун юань инь юнь янь цзю. - Шанхай, 1956. Знак дается здесь в рифме tuo (с. 245), а знак в рифме to (с. 243). Данные "Мэнгу цзы юнь" цитируются по изданию: Ло Чанпэй, Цай Мэйбяо. Басыба цзы юй юань. ДаЙ хань юй. - Бэйцзин, 1959.

¹⁰ Hattori Sh. The Length of Vowels in Proto-Mongol. - Mongolian Studies. Bibliotheca Orientalis Hungarica. - Amsterdam, 1970. - XIV. - P. 181-193.

ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОВОГО СТРОЯ ЯЗЫКА
ОКИНСКИХ БУРЯТ И СОЁТОВ

Данный очерк является продолжением начатого нами описания особенностей строя языка современного населения долины реки Оки¹.

Как уже нами отмечалось², население Окинской долины состоит из собственно бурят и соётов. Горная Ока, как ее иногда называют, бурятоязычным населением обжита издавна. Соёты, в прошлом тувинцы-оленоводы, выходцы из Прихубсугулья, тоже давно все говорят только на бурятском языке, а их исконный соётский, то есть тувинский, язык вышел из употребления полтора-два столетия тому назад, о чем свидетельствовал М.А. Кастрен³, посетивший эти края в 1848 г. и не нашедший ни одного соёта, знавшего свой язык. Все говорили только по-бурятски.

Из истории и из устных преданий местных жителей мы знаем, что некогда, до бурят, в Оке жили тюркоязычные племена. Об этом же свидетельствуют и данные топонимики⁴. О дотюркском языке населения долины данных нет. Своим происхождением окинские буряты связаны с бурятами Тунки и Алари. Соёты - относительно недавние выходцы из Монголии, из окрестностей оз. Хубсугул.

Строй языка окинских бурят и ныне бурятоязычных соётов не подвергался научному исследованию и по нему нет каких-либо опубликованных сведений, поэтому единственным источником данной работы являются наши полевые материалы, собранные в 1977 г. в Окинском районе Бурятской АССР у представителей местного бурятского и соётского населения.

Весь материал в процессе сбора фиксировался нами знаками точной фонетической транскрипции, представляющей значительные трудности при типографском воспроизведении. Только по этой причине весь фактический материал подан знаками современного бурятского алфавита с добавлениями в необходимых случаях знаков из алфавитов других монгольских языков.

Рассмотрим ниже особенности звукового состава языка окинских бурят и соётов дифференцированно по гласным и согласным.

Вокализм

Для окинского говора в целом характерна все же система гласных фонем общебурятского типа, получившая отражение в литературном бурятском языке. В языке окинцев употребительны в 1-м слоге те же краткие кардинальные фонемы а, о, у, э, и, у. Например:

окин.	лит.-бур.	х.-монг.	ст.-монг.	значение
саһан	саһан	цас	časun	снег
арбан	арбан	арав	arban	десять
гээзэгэ	гээзэгэ	гэдзэг	gejige	коса
эртэ	эртэ	эрт	erte	рано
ойодол	оёдол	оёдол	oyudul	шов
һонин	һонин	сонин	sonin	интересный
гутаха	гутаха	гутах	yutaqu	портиться
шуһан	шуһан	цус	cisun	кровь
урубтэр	урэбтэр	өрөвтөл	örübtül	рашпиль
һулиһэн	һулиһэн	цөс	sölsün	желчь
ирзаэха	ирзайха	ярдзайх	irjayiqu	скалить зубы
илакка	илгаха	ялгах	ilyaqu	различать.

По нашим наблюдениям, в произношении бурят Окинской долины, как и в произношении всех остальных групп бурят, в особенности иркутских, слышится смешаннорядный характер гласного э, чем бурятский язык вообще отличается от халха-монгольского и калмыцкого языков и о чем нами уже говорилось⁵. Так, например, окинцы произносят зэд [zэд] - красная медь, хэнгэргэ [xəŋgərgə] - ламский барабанчик, нэмэхэ [nəmэхэ] - добавить, ср. соответственно лит.-бур. зэд [zэд], хэнгэрэг [xəŋgəræg], нэмэхэ [nəmэхэ]; х.-монг. зэс [dzəs], хэнгэрэг [xəŋgəræg], нэмэх [nəmэх] и т.п.

В то же время как у бурят-окинцев, так и у соётов, пожалуй чаще даже у соётов, приходилось нередко слышать и переднерядный гласный э типа халхаского или калмыцкого. Уловить какую-либо закономерность, объясняющую различие в употреблении этих гласных, не удалось. Часто параллельно употребляются оба варианта. Так, например, нами фиксировалось двойное произноше-

ние слов типа тэргэ [tɛryɛ] наряду с [tɛryɜ] - телега, нэхэй [nɛxɛi] наряду с [nɛxɛi] - овчина, тэрээнийе [tɛrɛ:n'i:jɛ] наряду с [tɛrɛ:n'i:jɜ] - того, его и т.п.

Объяснить такое произношение можно, видимо, влиянием монгольского языка, поскольку соёты сравнительно недавно, как и буряты-хонгодоры, одни из предков окинских бурят, вышли из Монголии и могли сохранить переднерядный э [ɛ] как рудимент.

И окинские буряты, и соёты произносят на месте общемонгольских *ö и *ü гласные е и у центрального ряда [ɛ] и [u], которые характерны для всех остальных бурятских говоров и калха-монгольского языка. Такое произношение резко отличает эти языки от калмыцкого языка, в котором сохраняются переднерядные [oe] и [y].

Характерной чертой фонетики окинского говора является то, что у соётов, и у бурят, особенно у лиц старшего возраста, фонема е существует как самостоятельная и противопоставленная фонеме у. Например: хөрхө (замерзать) - хурэхэ (достигать), х.-монг. хөрөх (замерзать) - хурэх (достигать); өргөн (широкий) - үргэн (подбородок) (ср. лит.-бур. үргэн (широкий) - үргэн (подбородок), х.-монг. өргөн (широкий) - эруу (подбородок). Нами зафиксировано очень много слов, в которых окинцы произносят обычно е вместо литературного у. Например:

<u>окин.</u>	<u>лит.-бур.</u>	<u>х.-монг.</u>	<u>ст.-монг.</u>	<u>значение</u>
мөндөр	мүндэр	мөндөр	möndür	град
өрөм	үрэм	өрөм	örüm	сверло
төрө	турэ	төр	törü	свадьба
хөрөккө	хургэхэ	хөргөх	körgükü	заморозить
өнгө	үнгэ	өнгө	önggü	цвет
сөбө	сүбэ	цөв	çöbe	вытопки сала
өвгөн	үбгэн	өвгөн	ebügen	старик.

Множество слов представлены в двойной форме: то с е, то с у:

<u>окин.</u>	<u>лит.-бур.</u>	<u>х.-монг.</u>	<u>ст.-монг.</u>	<u>значение</u>
дөрбөн ~ ~ дүрбэн	дурбэн	дөрөв	dörben	четыре
дөшөн ~ ~ дүшэн	душэн	дөч	döcün	сорок
хөрөө ~	хорөө	хөрөө	kirüge	пила

· ~ хурёө

хөл ~ хул	хүл	хөл	köl	нога
хөхө ~ хүхэ	хүхэ	хөх	köke	синий
өдөр ~ үдэр	үдэр	өдөр	edür	день
өбөл ~ убэл	үбэл	өвөл	ebül	зима
өлөн ~ үлэн	үлэн	өлен	ölün	голодный
дөшө ~ дүшэ	дүшэ	дөш	döši	наковальня
өбөхөн ~	үбхэн	өвс	ebesün	трава.
~ үбхэн				

Явление сосуществования фонем ө и ү в тех случаях, где отсутствует их смысловое противопоставление, можно объяснить, на наш взгляд, теми же причинами, что и сосуществование переднерядного [ɛ] с смешаннорядным [з], то есть остатками монгольского влияния, когда еще не выработалось единой нормы произношения.

Смешение ө и ү в языковом сознании вызвало, видимо, произнесение ө зачастую там, где исторически его и не было, а был этимологический *ü. Например:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
төрйән	турьән	турс	türisü	икра рыб
зөһөхө	зүһэхэ	зүсэх	jüsüku	разрезать
һөрөг	һүрэг	сүрэг	sürüg	стадо
һөхө	һүхэ	сүх	süke	топор
һөбө	һүбэ	сүв	sübe	ушко иглы
һәмө	һүмэ	сүм	süme	церковь.

Кроме того, наблюдается в говоре и произнесение фонемы о вместо исконного у в твердорядных словах:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
хобсаһан	хубсаһан	хувцас	qubcasun	одежда
һорха	һураха	сурах	surqu	спрашивать
һомон	һуман	һум	numun	лук (оружие)
һомон	һуман	сум	sumun	стрела.

Для окинского говора характерно в ряде случаев произнесение разгубленных э и а на месте соответственных огубленных ө, о или у, ү. Например:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
эбэднэ	үбдэнэ	өвднө	ebedmüi	болит
баһэ	бүһэ	бүс	büse	пояс

баряад	буряад	буриад	buriyad	бурят
баргааһан	бургааһан	бургаас	buryasun	ивняк.

Это разгубление иногда прослеживается и в заимствованных словах. Ср. например, тэжүүрхэ < русск. тужурка, сэндүүг < русск. сундук.

В некоторых случаях пары с огубленным и разгубленным гласными сосуществуют. Зафиксированы следующие варианты:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
тэриһэн ~ төриһэн	түрһэн	түрс	türisü	икра рыб
зэлгүүр ~ зүлгүүр	зүлгүүр	зүлгүүр	jülgegür	веничек для котла
бөлеэн ~ бүлеэн	бүлеэн	бүлээн	büliyen	теплый
бөлэхэ ~ бөлэхэ ~ ~ бүүлэхэ	бүлэхэ	бүлэх	bülekü	пахтатъ
эмэдэн ~ емэдэн ~ ~ үмэдэн	үмдэн	өмд	ömüdüün	штаны.

Во многих же случаях, напротив, наблюдается появление огубленного у на месте исконного широкого э, который фиксируется в литературном бурятском языке:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
нураһэн ~ ~ нөрөһөн	нэраһэн	нэрс	nersün	голубика
шунэһэн	шэнэһэн	шинэс	zinesün	лиственница
улэһэн	элһэн	элс	elesün	песок
гүдэһэн	гэдэһэн	гэдэс	gedesün	живот
гүдэргээ	гэдэргэ	гэдрэг	gedergüü	назад
шуртаһэн	шэртэһэн	-	-	заноза
сүмэхэ	сэмэхэ	цөмөх	comükü	грызть
гушууһэн	гэшууһэн	гишуу	gesigün	ветка
бүдэр	бөдир	бидэр	bider	красинка.

Исторический гласный *i в окинском говоре претерпел в общем такое же развитие, как и в других бурятских говорах, западных и восточных, то есть в огромном количестве случаев этот *i диссимилировался, претерпев так называемый перелом, но в то же время есть немало примеров, когда он и сохраняется:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
индзаган	инзаган	яндзга	injayan	козленок ан- тилопы

илааһан	илааһан	ялаа	ilaya	муха
илакка	илгаха	ялгах	ilyaqu	различать
хируу	хюруу	хяруу	kirayu	иней.

Примеры на перелом *i:

<u>окин.</u>	<u>лит.-бур.</u>	<u>х.-монг.</u>	<u>ст.-монг.</u>	<u>значение</u>
шудэн	шудэн	шуд	šidün	зуб
нюдэн	нюдэн	нуд	nidün	глаз
шудэр	шудэр	чөдөр	čidür	пути
шуһан	шуһан	цус	čisun	кровь
шанар	шанар	чанар	činar	качество
шоно	шоно	чоно	činu-a	волк
нялха	нялха	нялх	nilqa	младенец
ямаан	ямаан	ямаа	imayan	коза
мяхан	мяхан	мах	miqan	мясо
мянган	мянган	мянга	mingyan	тысяча
жолоо	жолоо	жолоо	jiluya	поводья.

Как известно, исторический *i в первых слогах мягкорядных слов в бурятских восточных говорах отражается в виде смешаннорядного э [з] в анлауте и в виде того же э [з] и более узкого и [i] после шипящих ш, ж и й. В окинском говоре наблюдается в общем та же картина, только чаще слышится в анлауте и наряду с э, а после шипящих и й преимущественно и. Приведем примеры:

<u>окин.</u>	<u>лит.-бур.</u>	<u>х.-монг.</u>	<u>ст.-монг.</u>	<u>значение</u>
эдихэ ~ идихэ	эдихэ	идэх	idekü	кушать, есть
эдир ~ идир	эдир	идэр	ider	молодой
эли ~ или	эли	ил	ile	ясно, видно
инеэдэн	энеэдэн	инээд	iniyedün	смех
йихэ	ехэ	их	yike	большой
жил	жэл	жил	jil	год
йирэ	ерэ	ир	ire	приходи
шинэ	шэнэ	шинэ	sine	молодой
жиргэнэ	жэргэнэ	жиргэнэ	jirgemüi	щебечет.

Под влиянием гласного i в окинском говоре в речи бурят и соётов, наблюдается опереднение, смягчение твердорядных согласных, чем окинский говор сближается с другими западными говорами бурятского языка и с калмыцким языком, отличается от восточных бурятских говоров и соответственно литературного бурятского языка:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>КАЛМ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
нэрин ~ ~нариин	нарин	нарийн	нэрин	narin	тонкий
нэрэй	нарай	нярай	нирэ	nirai	новорожденный
эрбин	арбин	харвин	-	qarbing	брюшной жир
эмьтан	амитан	амьтан	эмтн	amitan	живое существо
табин	табин	тавь	тэвн	tabin	пятьдесят
тэвжур	табжур	тавиур	тэвжур	talbiyur	подставка
дэвирхай	дабирхай	давирхай	-	dabirqai	смола.

Однако следует отметить, что подобное определение твердых гласных в окинском говоре не столь развито, как это наблюдается в эхиритских бурятских говорах.

Другой особенностью окинского говора и некоторых других западных бурятских говоров является отпадение (полная редукция) аялаутных кратких гласных в некоторых словах:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
мээл	эмээл	эмээл	emegel	седло
неэн	үнеэн	үнээ	üniyen	корова
неэхэ	энеэхэ	инээх	iniyekü	смеяться
неэдэн	энеэдэн	инээд	iniyedün	смех
неедөр	үнее үдэр	өнөөдөр	önüdür	сегодня
нээни	энээнэй	үүний	egün=ü	этого.

В отношении сингармонизма окинского говора следует отметить, что здесь как бы сосуществуют две системы - хоринского типа и халха-монгольского. Употребляющийся тип сингармонизма зависит от того, какой гласный, е или ү, произносится в первом слоге. Если е, то и в последующих слогах будет однотипный звук, но только менее напряженный, например: өбөһөн [öböhön] - трава, сено, өмөдөн [ömödön] - штаны, өбгөн [öbögön] - старик, хөрөккө [xörök:k:ö] - заморозить, ср. соответственно лит.-бур. үбһэн, үмдэн, үбгэн, хүргэхэ; х.-монг. өвс(өн), өмд(өн), өвгөн, хөргөх.

Если же в первом слоге произносится ү, то в последующих - либо смешаннорядный ненапряженный э [э], либо более открытый э [э̃]. Например: үбэдэг [übädäg] - колено, хүмэлдэргэ [xümälädärgä] - нагрудная шлея седла, үндэгэн [ündägän] - яйцо. Ср.

соответственно лит.-бур. үбдэг, хүмэлдэргэ, үндэгэн, х.-монг. өвдөг, хөмөлдрөг, өндөг(өн).

Очень часто гласный о [ɔ] в ауслaute произносится с очень заметным разгублением, переходя в ненапряженный а [ʌ]: торха [tɔrxʌ] наряду с торхо [tɔrxɔ] - бочка, ошха [ɔʂxʌ] наряду с ошхо [ɔʂxɔ] - пойти, хотига [xɔtʰiɣʌ] наряду с хотиго [xɔtʰiɣɔ] - нож, болха [bɔlxʌ] наряду с болхо [bɔlxɔ] - быть; стать. Ср. соответственно лит.-бур. торхо, ошохо, зап.-бур. хотиго, лит.-бур. хутага, болохо.

Относительно качества долгих гласных, употребляющихся после первослогового у [ü], современные бурятский, калмыцкий и халха-монгольский языки не дают единообразной картины. В каждом из этих языков свои закономерности. Так, в халхаском после у первого слога может следовать только долгий ээ, после е - ее: үзээгүй (еще не видел), өгөөгүй (еще не дал).

В калмыцком языке после первослогового у и даже е следует долгий открытый гласный [æ:], обозначаемый в калмыцкой орфографии в виде э или ээ: например: үзэд уга (не видел), өгэд уга (не дал).

В литературном же бурятском языке после у первого слога может следовать как долгий ээ, так и ее: үнеэн (корова), тулеэн (дрова), но үзөөгүй (не видел), үгөөгүй (не дал). В этом существенное отличие сингармонизма бурятского языка от других монгольских языков.

В то же время в хоринском говоре, легшем в основу бурятского литературного языка, употребление ее после первослогового у носит более регулярный характер. Ср. хор. үнеэн (корова), гузеэн (брюшина), гуйгөөд (бежав) соответствуют лит.-бур. үнеэн, гүзээн, гуйгээд; х.-монг. үнээ, гүзээ, гуйгээд; калм. үнэн, гүзэн, гүүнэд; ст.-монг. uniyen, güjegen, güyigeged. При этом важно, что гласный у первого слога имеет здесь этимологический характер, являясь первичным, так как в других случаях появление ее можно объяснить сохранением остаточного состояния бурятской фонетики от тех времен, когда в бурятском языке в первом слоге был не у, а е, как и в монгольском языке, и за этим е должен был следовать ее.

После перехода ж в у в бурятском языке этот ее сохранился в виде рудимента. Однако приведенные выше примеры из хоринского говора и ряд форм из литературного языка типа үзөөгүй,

(не видел) - х.-монг. үзээгүй, в которых өө следует за этимологическим у (< *ü), а не ү (< *ö), говорят о том, что в бурятском языке, особенно в его восточных говорах (типа хоринского), выработалась своя система сингармонизма, оторвавшаяся от той закономерности, что өө следует только после у (< *ö). Она стала распространяться и на ү (*ü).

В окинском бурятском говоре в отношении губного сингармонизма действует закономерность, согласно которой употребляется долгий өө, если стоящий перед ним первослоговой у восходит либо к е, который развился из *ö, либо к ө, который появился на месте *i. Если такой у представляет собой развитие *ü, то за ним, как и в монгольском языке, следует долгий ээ:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>КАЛМ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
үзээд	үзээд	үзээд	үзэд	üjegeд	увидев
ухээд	ухээд	ухээд	үкэд	ükegeд	умерев
хүрээ	-	хүрээ	күрә	küriye	ограда
гүзээн	гүзээн	гүзээ	гүзән	güjegeн	брюшина
гүрээ	гүрөө	гүрээ	гүрә	gürege	сонная артерия
үдээри	үдөөри	үдээр	үдәр	üdegeri	крепёжные ремешки.

Примерами сингармонизма типа у - өө могут служить слова:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>КАЛМ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
дүрөө	дүрөө	дөрөө	дөрә	dörüge	стремя
тулөө	тулөө	төлөө	төлә	tölüge	ради, для
зүндөө	зүндөө	зөндөө	зөндән	jöngdegen	стихийно
гүрөөнэн	гүрөөнэн	гөрөөс	гөрәси	görügesün	зверь
хүрөө	хөрөө	хөрөө	көрә	kirüge	пила
сүлөөн	сүлөөн	чөлөө	челән	čilüge	свободное время.

Как видно из сравнительного материала, в этих словах в первом слоге на месте у был гласный ө, как и в халха-монгольском языке. После перехода ө в ү характер сингармонизма остался. Но в то же время в окинском говоре есть ряд исключений из этого общего правила, когда здесь, как и в хоринском говоре, вместо долгого ожидаемого ээ видим долгий өө. Но таких слов немного:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>КАЛМ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
гүбөө	гүбээ	гүвээ	гөвә	gübege	пригорок

тургөөр тургөөр тургээр тургар түрген-ийер быстро.

Долгие гласные, стоящие в конечном открытом слоге, главным образом в показателе исходного падежа (лит.-бур. -һаа), произносятся в окинском говоре как краткие гласные полного образования (но не как краткие редуцированные). Например: гэрһэ [gərɬɛ] - из дома (лит.-бур. гэрһээ), эндэһэ [ɛndʒɬɛ] - отсюда (лит.-бур. эндэһээ), тээ тэндэһэ [tɛ:tɛndʒɬɛ] - вон отсюда (лит.-бур. тээ тэндэһээ), туунһэ [tu:nɬɛ] - от него (ср. лит.-бур. тэрээнһээ), дайна урдүүр [dʒɛnɬa] - до войны (лит.-бур. дайнаа урдүүр).

Для окинского говора характерно появление дифтонгов -ай, -ой, -уй на месте конечных кратких гласных в именах существительных, представляющих собой названия животных или растений. При этом большинство из них имеет в своем составе словообразующий аффикс -гана: хулганай (мышь) вместо лит.-бур. хулгана, хулганаан; харганай (карликовая березка) вм. лит.-бур. харгана, харганаан (карагана); шасарганай (облепиха) вм. лит.-бур. шасаргана, шасарганаан; долоогонай (боярышник) вм. лит.-бур. долоогоно id; табилганай (таволга) вм. лит.-бур. таволга (< русск.), ср. х.-монг. тавилгана (таволга); сургууй (наряду с сурга) - болотный багульник, ср. х.-монг. сургар, ст.-монг. surɣar id. Сходное явление отмечено в тункинском говоре, например: шасарганай (облепиха), хулганай (мышь), алаганай (окунь) (ср. лит.-бур. алагана)⁶. Это же характерно и для закаменского говора, в котором тоже встречаются, по нашим наблюдениям, словоформы типа хэдэгэнэй (шмель) вм. лит.-бур. хэдэгэнэ.

Как известно, весьма разнообразную картину по бурятским говорам дает развитие исторических обшемонгольских дифтонговых комплексов⁷. В одних говорах, главным образом западных, на их месте в массовом количестве развились долгие монофтонги, причем опережденные в твердорядных словах. Восточные говоры больше сохранили дифтонгов, как и халха-монгольский язык. Западные бурятские говоры в этом отношении ближе стоят к калмыцкому языку.

В окинском говоре, как показывают наши наблюдения, нет пока единой твердой нормы произнесения дифтонгов. В речи одного и того же человека, носителя говора, исторические дифтонги либо сохраняют свой дифтонговый характер, либо переходят то в долгие монофтонги с э- или и-образным призвуком в конце, то в чистые долгие монофтонги. Рассмотрим все это подробнее:

-ayi- (-ai) дает аэ [æ], ээ [æ:], эй [æi], ээ³ [æ:ɛ] ээ [ɛ:], например: дээн [dæɛŋ] - война (лит.-бур. дайн, зап.-бур. дээн, х.-монг. дайн, калм. дээн, ст.-монг. dayin); бээ [bæɛ] - стой (лит.-бур. бай, зап.-бур. бээ, х.-монг. бай, ст.-монг. bai); ээха [æχχʰ] - бояться (лит.-бур. айха, зап.-бур. ээха, х.-монг. айх, калм. ээх, ст.-монг. ayiqu); ээ³ даг [æ:ɛ-dʌg] - пугливый (лит.-бур. айдаг, зап.-бур. ээдаг, х.-монг. айдаг, калм. ээдг, ст.-монг. ayiday); хэйр [χæir] - гравий (лит.-бур. хайр, зап.-бур. хээр, х.-монг. хайр, ст.-монг. qayir); гахаэ [qaxaxæ] - свинья (лит.-бур. гахай, зап.-бур. гахээ, х.-монг. гахай, калм. наха, наха, ст.-монг. yaqai); хоолээ [χo:lɛ:] - горло (лит.-бур. хоолой, х.-монг. хоолой, ст.-монг. qoyulai); хойортээ [xɔjɔrte:] - двухгодовалый (лит.-бур. х.-монг. хоёртой, калм. хойрта, ст.-монг. qoyartai);

-eyi- (-ei) дает ии [i:], ий [i:¹], и [i:], ээ [ɛ:], ээ^й [ɛ:¹], эй [ɛi]: тиимэ [ti:mɛ] - такой (лит.-бур. тиимэ, х.-монг. тийм, калм. тиим, ст.-монг. teyimü); сиидэм [sɪ:dɛm] - вода, забеленная молоком (лит.-бур. сиидэм, калм. чиидмг, ст.-монг. seyidem); иимэ [i:mɛ] - такой (лит.-бур. иимэ, х.-монг. ийм, калм. иим, ст.-монг. eyimü); зүгн [zuyɪ:] - пчела (лит.-бур. зүгн, х.-монг. зөгий, калм. зөг, ст.-монг. jögei); дули ~ дулээ [duli:~dülɛ:] - глухой (лит.-бур. дули, х.-монг. дулий, калм. дулэ, ст.-монг. dülei); тури ~ турээ ~ турээ^й [turi:~türɛ:~türɛ:¹] - голенище (лит.-бур. тури, х.-монг. турий, калм. турэ, ст.-монг. türei); үгээ ~ үгээ^й ~ үгн ~ үгн^й [üɛ:~üɛ:¹~üyɪ:~üyɪ:¹] - нет (лит.-бур. үгн, х.-монг. үгуй, калм. уга, ст.-монг. ügei); эрбээхэй [ɛrbɛ:χɛi] - бабочка (лит.-бур. эрбээхэй, х.-монг. эрвээхий, калм. эрвэке, ст.-монг. erbegekei); нэхээ^й [nɛχɛ:¹] - овчина (лит.-бур. нэхн, х.-монг. нэхий, калм. некэ, ст.-монг. nekei); дэмэй [dɛmɛi] - зря, напрасно (лит.-бур. дэмн, х.-монг. дэмий, ст.-монг. demei); нэгн ~ нэгээ ~ энэгэй [nɛɣɪ:~nɛɣɛ:¹~ɛnɛɣɛi] - большой кусок войлока (лит.-бур. нээн, х.-монг. эсгий, калм. ишкэ, ст.-монг. isegei, evegei - войлок);

-oyi- (-oi) дает оо [œ:], оо³ [œ:ɛ], оэ [œɛ], оэ [ɔɛ], ой [ɔi], например: оорхон [œ:rχɔŋ] - близко (лит.-бур. ойрхон, зап.-бур. оорхон, х.-монг. ойрхон, калм. оорхн, ст.-монг. oyiraqan); оолокко ~ оо³ локко [œ:lɔq:ɔ~œ:ɛlɔq:ɔ] - понимать (лит.-бур. ойлгохо, х.-монг. ойлгох, ст.-монг. oyil-

yaqu); нөөтөн [nœ:tɔŋ] - мокрый (лит.-бур., х.-монг. нойтон, зап.-бур. неетон, калм. неэти, ст.-монг. nouitan); эа [œɛ] - лес (лит.-бур., х.-монг. ой, зап.-бур. еа, калм. е, ст.-монг. oi); эалгосотэа [œɛlqɔsɔtœɛ] - понятный (лит.-бур. ойлгосотой, ст.-монг. ouilyasatai); толгээ [tɔlɔœɛ] - голова (лит.-бур., х.-монг. толгой, калм. толна, ст.-монг. toluyai); могээ ~ могөө [mɔqɔɛ ~ mɔqɔœɛ] - змея (лит.-бур., х.-монг. могой, калм. моъа, ст.-монг. moyai); нохээ ~ нохөө [nɔxɔɛ ~ nɔxœɛ] - собака (лит.-бур., х.-монг. нохой, калм. ноха, ст.-монг. noqai); хорхээ ~ хорхөө [xɔrɣɔɛ ~ xɔrɣœɛ] - червяк (лит.-бур. х.-монг. хорхой, калм. хорха, ст.-монг. qorɣai); нээр ~ нойр [nœɛr ~ nɔir] - глухарь (лит.-бур. нойр, х.-монг. сойр, ст.-монг. soyr); нээр [nœɛr] - сон (лит.-бур., х.-монг. нойр, зап.-бур. неэр, калм. нёр, ст.-монг. nouir); мөөнөн [mœɛhɔŋ] - черемуха (лит.-бур. мойл, х.-монг. мойл, зап.-бур. мееһон, ст.-монг. moyilsun);

-uyi- (-ui) дает уэ [uɛ], уй [ui], ий [bi], ый, ий [bi:ⁱ], например: уэлаха [uɛlɔxɔ] - плакать (лит.-бур. уйлаха, х.-монг. уйлах, калм. уульх, зап.-бур. уулаха, ст.-монг. uylaqu); уэтан [uɛtɔŋ] - узкий; тесный (лит.-бур., х.-монг. уйтан, зап.-бур. уутхан, калм. уутъхн, ст.-монг. uyitan); гуйлга [ɣuilɣɔ] - подарок (лит.-бур., х.-монг. гуйлга, ст.-монг. yu-yilya - просьба; милостыня); ургый [urɣai] - подснежник (лит.-бур. ургы, х.-монг. яргуй, ст.-монг. irayui); харгый [xarɣbi] - дорога (лит.-бур. харгы, х.-монг. харгуй, ст.-монг. qarɣui); мансий [mansɔi] - пеленки (лит.-бур. мансы, х.-монг. манцуй, калм. манцу, ст.-монг. mansui); хансын [xansɔ:ⁱ] - рукав (лит.-бур. хамсы, х.-монг. ханцуй, калм. ханцн, ст.-монг. qansui);

-üyi- (-üi) дает үэ [üɛ], үй [üi], үү [ü:ⁱ], ий [i:], ий [i:ⁱ], например: хуэтэн [xuɛtɔŋ] - холодно; холодный (лит.-бур., х.-монг. хүйтэн, зап.-бур. хуутэн ~ хиитэн, калм. кйитн, ст.-монг. küyiten); хүйнэн [xuihɔŋ] - пуп (лит.-бур. хүйнэн, зап.-бур. хуунэн, х.-монг. хуйс, калм. кйисн, ст.-монг. küyisün); дургээ [durɣuɛ] - не хочет (лит.-бур. дургауй, х.-монг. дургуй, калм. дурн уга, ст.-монг. duragüi); эзэгүэ [zɛɣüɛ] - пустой, без хозяина (лит.-бур. эжагуй, эзэгуй, х.-монг. эдзгуй, калм. эзн уга, ст.-монг. ejegüi); үүнэн [ü:ⁱhɔŋ] - береста (лит.-бур. үйнэн, зап.-бур. үүнэн,

х.-монг. уйс, ст.-монг. uyisün); гүүхэ [gü:ⁱxэ] - бежать (лит.-бур. гуйхэ, зап.-бур. гүүхэ ~ гиихэ, х.-монг. гуйх, калм. гүүх, ст.-монг. güyükü); түүмэр [tü:ⁱm'ər] - лесной пожар (лит.-бур., х.-монг. туймэр, зап.-бур. туумэр, калм. туумр, ст.-монг. tüimer); муэлэ ~ миилэ [mü:elə ~ mi:ⁱlə] - десны (лит.-бур. муйлэ, х.-монг. буйл, калм. буул, ст.-монг. büyile); худы [xudı:] - сколько (лит.-бур. хэды, зап.-бур. ху-дн, х.-монг. хэд, хэдий, калм. кеду, ст.-монг. kedüi).

Такой разнотой в эволюции и рефлексах исторического комплекса ГС со вторым гласным *i*, а также конечных дифтонгов указывает на незавершенность процесса развития долгих монофтонгов из дифтонгов и дифтонговых комплексов в окинском говоре как в языке бурят, так и соётов.

Консонантизм

Среди особенностей состава согласных окинского говора можно отметить следующие.

Самым существенным отличием говора окинских бурят от говоров других бурят является наличие аффрикат ч [tʃ], ц [tʃ], дж [dʒ], дз [dʒ] на месте общебурятских щелевых ш [ʃ], с [s], ж [ʒ], з [z]. При этом аффрикаты окинцами произносятся в достаточном количестве слов как в их начале, так и в конце и середине. Различий в употреблении аффрикат между бурятами и соётами не обнаруживается. Их произносят в равной степени как буряты, так и соёты. Произнесение аффрикат вместо общебурятских щелевых согласных для окинцев не является обязательной нормой. Видимо, только по этой причине один и тот же человек, носитель говора, произносит слова то с аффрикатами, то без них, так как аффрикаты и упоминавшиеся выше варианты гласных э [э ~ -э], е ~ ү [э ~ ү] могут рассматриваться в окинском говоре тоже как монгольское влияние.

Обнаружено все же несколько слов, в которых всеми произносятся преимущественно аффрикаты. Например:

окин.	лит.-бур.	х.-монг.	ст.-монг.	значение
гандзага	ганзага	гандзага	yanʃuʒa	торока
янгарцаг	-	янгиццаг	yanggirʃay	вьючное седло
олонцог ~	олонсог	олонцог	olunʃuʒ	седельная
~ олгонцог				подушка
индзаган	инзаган	яндзга	inʃayan	козленок
				антилопы.

Свистящий характер сохраняющихся аффрикат свидетельствует о том, что они связаны своим происхождением в окинском говоре с халха-монгольским языком.

Наблюдения показывают, что из всех аффрикат в наибольшем объеме сохранилась шипящая аффриката дж [dʒ ~ tʃ]:

ОКИН.	ЛИТ.-БУР.	Х.-МОНГ.	СТ.-МОНГ.	ЗНАЧЕНИЕ
һәһьджи	һәнжә	сэндж	senʃi	дужка
хэмджуур	хэмжуур	хэмджүүр	kemʃigür	мерка
үлэмджи	үлэмжә	үлэмдж	ülemʃi	остаток
һөөльджуу	һөөлжүү	сөөлджүү	sögөлʃigüü	наискось
хольджирхо	-	холцрох	qolciraqu	скользить
мельджихэ	мулжэхэ	мелджих	mölʃikü	грызть
хөһьджил	хүнжэл	хөнджил	könʃile	одеяло
өһьджихэ	үнжэхэ	өнджих	önʃikü	ночевать
һараальджин	һараалжан	сараалджин	saralʃin	бекас
сусальджин	суусаалжан	цууцаль	cuucali	кулик
хабтагаальджин	хабтагаалжан	хавтгалдж	qabtayalʃi	чибис
туутальджин	туутэй	-	-	горлица
бульджамар	булжамар	болджмор	bolʃumur	жаворонок
тэрмээльджин	тэрмээлжэн	тэмээлдзгэ- нэ	temelʃi- gene	стрекоза
хульджиргэнэ	-	-	-	смородина
шальджилдзуур	-	-	-	копчик.

Примеры во фразах и словосочетаниях: тордж унаха - споткнуться (лит.-бур. торожо унаха); мяхаа шаньдж бэна - варит мясо (лит.-бур. мяхаа шанажа байна); амтээрхадж бэна - вкусно во рту - после вкусной пищи (лит.-бур. амтайрхажа байна); эмэ шоно мяха идеэд хубуудтэ бөөльджидж өгөнө - волчица дает мясо своим детенышам, срыгнув (лит.-бур. эмэ шоно мяха эдеэд хубуудтэ бөөлжжэ үгэнэ); уйладж бэна - плачет (лит.-бур. уйлажа байна); морин гуйдж ямна - конь бежит (лит.-бур. морин гүйжэ ябана); гал носадж бэна - огонь горит (лит.-бур. гал носожо байна); менее хавар больджи бэна - сейчас настает весна (лит.-бур. мунее хавар боложо байна); йижэ ьальтин больдж бэна - начинается большой ветер.

Примеров, когда носителями говора были произнесены слова и со свистящей аффрикатой дз [dʒ] (типа х.-монг. дз), тоже зафиксировано немало: андзаан - соха (лит.-бур. анзаан, х.-монг. анджис, калм. андсх, ст.-монг. anjisun); шоргоолдзон (на-

ряду с шоргоолджон) - муравей (лит.-бур. шоргоолзон, х.-монг. шоргоолдж, калм. шорһлжн, ст.-монг. širyuljin); мандза номон - лук - оружие (ср. закам. банза ~ бандза, банза [~ бандза] номон - лук - оружие); яндз бурийн ~ яндза бурийн - всякий разный (ср. лит.-бур. янза, х.-монг. яндз - вид, форма, тип, х.-монг. яндз бурийн - всякий, всевозможный, разнородный); гундзэгэй - глубокий (лит.-бур. гунзэгы, х.-монг. гундзгий); халдзан - лысый (лит.-бур. халзан, х.-монг. халдзан, ст.-монг. qaljan).

Часто в устах окинцев слышится и шипящая аффриката ч [tʃ]. Например: оччо - уезжая (ср. зап.-бур. одожо), хурч йирээб - я дошел (лит.-бур. хурэжэ ерээб, х.-монг. хурч ирэв); ниичч бээнэ - летит (лит.-бур. ниидэжэ байна, х.-монг. нисч байна); наачч бээнэ - играет (лит.-бур. наадажа байна, х.-монг. наадаж байна); бэльчир - стрелка - место слияния двух рек или дорог (лит.-бур. бэлшэр, х.-монг. бэлчир, ст.-монг. belcir); бульчин - икроножные мышцы (лит.-бур. булшан, х.-монг. булчин, ст.-монг. bulcin); хатарч ямна - бежит рысью, рысит (лит.-бур. хатаржа ябана, х.-монг. хатирч явна); абчинабди - мы берем (лит.-бур. абшанабди, х.-монг. бид авчина).

Нередким является произнесение свистящей аффрикаты ц [tʃ] наряду с с [s], хотя таких случаев и не так много, как это было зафиксировано в отношении дж [tʃ] : мал цагаан (наряду с мал сагаан) - домашний северный олень (ср. зап.-бур. сагаан, х.-монг. цаа, цаа буга, калм. цаа - домашний северный олень); монгол цанан - снежная крупа (букв. монгольский снег); ср. лит.-бур. саган, х.-монг. цас, калм. цасн, ст.-монг. šavyn - снег); ганцхан - единственный (лит.-бур. гансахан, х.-монг. ганцхан, калм. һанһрһн, ст.-монг. уансақан); ганцаараа - в одиночку (ср. лит.-бур. гансаараа, х.-монг. ганцаараа, калм. һанцарн, ст.-монг. уансауар-йуан); хөнгөн цагаан - алюминий (букв. легкий белый; ср. лит.-бур. хунгэн сагаан, х.-монг. хөнгөн цагаан алюминий); цамца - рубашка (наряду с самса) (ср. лит.-бур. самса, х.-монг. цамц, калм. цамца, ст.-монг. šamša).

Как можно видеть из сопоставительного материала, аффрикаты окинского говора, как шипящие, так и свистящие, находят полную аналогию в соседнем халха-монгольском языке, будучи идентичны калмыцким аффрикатам. Однако, учитывая, что предки окинцев тесно связаны своим происхождением с Монголией⁸, уместнее

в данном случае рассматривать такое сходство как монгольское влияние.

Другой существенной особенностью консонантизма окинского говора является деформация древнего исконного общемонгольского комплекса *ki, который здесь трансформировался в ти ~ хи ~ си ~ ши [t'i ~ x'i ~ s'i ~ ʃi]. В количественном отношении реализация в речи этих вариантов неравномерна. Наибольшее количество примеров зафиксировано с вариантом хи:

<u>окин.</u>	<u>лит.-бур.</u>	<u>х.-монг.</u>	<u>ст.-монг.</u>	<u>значение</u>
зубахи	зубхи	зовхи	ʃobki	веко
мохин	мохин	бохъ	boki	сера
захи́ха	захи́ха	захи́х	ʃakiqʉ	заказать
хю́рөө	хю́рөө	хөрөө	kirüge	пила
хю́руу	хю́руу	хяруу	kirayu	иней
жэ́рхи	жэ́рхи	жирх	ʃirki	бурундук
хива́хэ	хива́хэ	хивэх	kibekü	жевать
э́рхи	э́рхи	эрх	erike	четки.

Однако довольно много примеров можно привести и с переходом *ki → ти;

<u>окин.</u>	<u>лит.-бур.</u>	<u>х.-монг.</u>	<u>ст.-монг.</u>	<u>значение</u>
ту́льтихэ	ту́лхихэ	ту́лхих	tülkikü	толкать
му́льтихэ	му́лхихэ	му́лхех	mölkikü	ползаты
та́льти	та́лхи	та́лхи	talki	кожемялка
на́льти	на́лхи	на́льх	naliqa	заболонь
ти́заалан	хи́заалан	хя́заалан	kiʃayalang	4-летний
сэ́ньтир	сэ́нхир	цэ́нхэр	ʃengkir	голубой
дээ́тти	дээ́дэхи	дээ́дэх	degedeki	верхний.

В то же время на месте *ki довольно часто наблюдается не хи или ти, а особый щелевой глухой согласный звук - среднеязычный глухой щелевой [ç], который здесь варьирует в произношении с сибиллянтами сь [s] и шь [ʃ]. Например, древнемонгольское kilü - граница звучит в говоре как силэ ~ шилэ [çilɛ ~ šilɛ ~ ʃilɛ] (ср. лит.-бур. хилэ, х.-монг. хил); kirbekü - укоротить, подрезать - звучит как сирбэхэ ~ ширбэхэ [çirbɛxɛ ~ ʃirbɛxɛ] (ср. лит.-бур. хирбэхэ, х.-монг. хирвэх); халхаскому хиисэх, лит.-бур. хиидэхэ - развеяться на ветру - здесь соответствует шиидэхэ [ʃi:dɛxɛ]; dakin - снова - звучит здесь как дасин [daʃiɳ] (ср. лит.-бур. дахин, х.-монг. дахин); orkiqʉ - бросить, оставить - как орси́хо [ɔrçiχɔ] (ср. лит.-бур. орхи́хо, х.-монг. орхих).

Многие слова произносятся то с хи, то с си ~ ши или с ти. Твердой нормы нет. Это свидетельствует о незавершенности процесса модификации комплекса *ki и в то же время подтверждает смешанный характер окинского бурятского говора, так как хи и си характерны для тункинского говора⁹, а также для аларского¹⁰, ти - для нижнеудинского говора¹¹, а ши ~ си ~ ти - для боханского¹², то есть для говоров, которые соседствуют или территориально недалеко от окинского говора.

Следующие примеры могут иллюстрировать смешанный характер произношения в устах окинцев рефлексов *ki: так, древнее sal-kin - ветер-произносится как хальхин ~ хальтин (ср. лит.-бур. халкин, х.-монг. салхи); kirmaу - снег-пороша - как хярмаг ~ шярмаг (ср. лит.-бур. хирмаг, х.-монг. хярмаг); araki - вино, водка - как архи ~ арси ~ арши (лит.-бур., х.-монг. архи); tamaki - табак - как тамахи ~ тамси (лит.-бур. тамхин, х.-монг. тамхи); зап.-бур. хии - сухой навоз-здесь звучит как хии ~ сии ~ шии; зап.-бур. хилмаа - удочка; крючок-произносится окинцами как хилмаа ~ хялмаа ~ шилмаа ~ тялмаа.

Менее разнообразны в окинском говоре модификации комплекса *gi. Так, здесь он, как и во всех традиционных бурятских говорах без исключения, развился в йэ, йа, йо (по гармонии гласных):

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
харьяйа	харья	харги	qargi	быстрина
баайаха	бааяха	баагих	bayagiqu	дымить
шууйаха	шууяха	шуугих	suugiqu	шуметь
шаайаха	шааяха	шаагих	sagiqu	журчать
сорьяохо	сорьёхо	цоргих	corgiqu	продырявить
йалаэха	ялайха	гялайх	gilayiqu	блестеть
йалгар	ялагар	гялгар	gilayar	блестящий
горьяо	горьё	горхи	yorki	пряжка
эрьйэ	эрье	ирэг	irge	валух
эрьйүүлэ	эрьюулэ	эргүүлэг	ergigülge	водоворот.

Ряд слов в окинском говоре имеет й, хотя в литературном языке вместо него представлен г:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
бэрьйэн	бэригэн	бэргэн	bergen	невестка
хурьйэн	хурьгэн	хургэн	kurgen	зять
тэрьйэлхэ	тэргэлхэ	-	-	убегать.

Это говорит о дальнейшем развитии процесса перехода *в перед *i в щелевой й.

Согласный же *г перед *i, сохранивший свою смычность и не перешедший в й, дал в окинском говоре, как правило, смычный палатализованный дь. Эта закономерность здесь, можно сказать, универсальна, свидетельством чего является масса зафиксированных нами случаев, в которых комплекс *gi дал только один вариант — ди. Иллюстрацией могут послужить нижеследующие примеры:

окин.	лит.-бур.	х.-монг.	ст.-монг.	значение
тээнди	тээнги	-	-	столб в юрте
эньди	энгин	-	-	самка лося
тэрэньди	тэрэнги	-	-	багульник
шэрэньди	шэрэнги	ширэнгэ	-	молодой лес
аньдир	ангир	ангир	anggir	турпан
хоньдино	хонгино	сонгино	songginu	лук (растение)
маньдинан	мангир	мангир	manggir	дикий чеснок
заньдилаа	зангилаа	зангилаа	janggilaya	узел
хоньдинуур	хонжинуур	хонгинуур	qongginayur	ботало
дольдин	долгин	долгио	dolgiyan	волна
буланьди < * bulang-i	булангай	булангийн	bulang-un	угловой
зальдиха	залгиха	залгих	jalgiqu	глотать
гульдиха	гулгиха	гулгих	yulgiqu	срыгивать.

Появление палатализованного дь на месте палатализованного гь и даже щелевого й отмечается в говоре и в русских заимствованиях, например: шааньди < русск. шаньги; ханьдяаг < русск. коньяк.

Из соседних бурятских говоров переход *gi в ди характерен для тункинского¹³ и нижнеудинского¹⁴ говоров. В языке аларцев в данной позиции отмечается развитие щелевого й¹⁵. Возможно, что окинцы принесли эту закономерность с собой из Тунки, выходами из которой являются основные их предки.

В отношении столь специфичного для традиционных бурятских говоров перехода *в в һ и д следует отметить, что и окинский говор не является исключением. В нем тоже *в, если он исторически не стоял перед *i (ибо в этой позиции оь, как и в большинстве монгольских языков вообще, перешел в ш), развился в

h в предвокальной позиции и в д в поствокальной позиции как перед консонантом, так и в ауслауте. Например:

окин.	лит.-бур.	х.-монг.	ст.-монг.	значение
улад	улад	улс	ulus	народ
зэд	зэд	дзэс	ᠵев	медь
урдаха	урдаха.	урсах	urusqu	течь
адхаха~ ~ атакка	адхаха	асгах	asyaqu	проливать
бодохо	бодохо	босох	bosqu	вставать
дуудаха	дуудаха	дуусах	dayusqu	кончатся
саһан	саһан	цас	ᠴасун	снег
һээн	һайн	сайн	sayin	хороший
һара	һара	сар	sar-a	месяц
тоһон	тоһон	тос	tosun	масло
һуни	һуни	шөнө	ᠰöni	ночь
шинэ	шэнэ	шинэ	ᠰine	новый
душэ	душэ	дөш	dösi	наковальня.

Особенностью окинского говора в данном случае является то, что ауслаутный д, развившийся из *в, а в некоторых случаях и исконный д, попав в позицию перед гласным и в основах имен существительных при наращении показателей винительного и родительного падежей, совпавших здесь с и, заменяются проточным фарингальным h. Например: улад (народ) - улаһи (народа); хуунууд (люди) - хуунууһи (людей); хонид (овцы) - хониһи (овец); морид (кони) - мориһи (коней); бургэд (орел) - бургэһи (орла) и т.п.

Примечательно, что восстанавливающееся с не переходит перед и в ш, как это происходило когда-то в монгольских языках. Видимо, к тому времени, когда в окинском говоре *в стал давать h, процесс развития *в перед и в ш уже завершился и в дальнейшем *в перед и переходил только в h. По аналогии всякий конечный д стал ассоциироваться с д (< *в).

Интересно, что в глагольных основах перехода *в → д → h не наблюдается и д здесь остается без изменений. Например: бод- (встать) (< вос-) - бодоо (встал); дууд- (кончиться) (< dayus-) - дуудаа (кончился) и т.п.

Полностью идентичная картина поведения д (< *в) в именах, где он дает h, и в гласных, где он сохраняется, наблюдается, судя по данным Н.Н. Поше, и в соседнем аларском говоре¹⁶. Чередование д и h, возникших из *в, отмечается и для тункинского говора¹⁷.

Сохранение же в ряде окинских слов и форм согласного *с в виде того же свистящего сибиллянта с, безусловно, следует рассматривать как влияние соседнего монгольского языка. Но таких фактов немного. К ним относятся, например, суу - молоко (ср. х.-монг. суу, лит.-бур. хун, зап.-бур. уьун, уьан), сургаал - учение, теория (ср. х.-монг. сургаал, лит.-бур. хургаал), йалас гээ - сверкнул (ср. х.-монг. гялс хийв, лит.-бур. ялад гээ), суусари - помесь соболя и куницы (ср. х.-монг. суусар - куница). Но есть слова, имеющие с, которые совпадают с литературным бурятским языком. Эти лексемы не только для говора, но и для литературного языка являются монголизмами. Примеры:

<u>окин.</u>	<u>лит.-бур.</u>	<u>х.-монг.</u>	<u>ст.-монг.</u>	<u>значение</u>
сойол	соёл	соёл	soyul	культура
абьяас	абьяас	авьяас	abiyaas	талант
ноёрсохо	нойрсохо	нойрсох	noyirsaqu	почивать
саэн	сайн	сайн	sayin	здравствуй
адагуусан	адагуусан	адгуус	adyusun	животное
хэрэгсэл	хэрэгсэл	хэрэгсэл	keregsel	оснащение.

Следующей особенностью консонантизма окинского говора является употребление удвоенного согласного кк [qɑ или kɑ] (по характеру сингармонизма) на месте сочетаний г + х, х + г, х + х, которые представлены в других бурятских говорах и монгольских языках, хотя в речи окинцев могут встретиться оба варианта. Данное удвоение возникло за счет редукции и полного отпадения гласных звуков, стоявших между этими согласными. Особенно последовательно эта закономерность проявляется при быстром темпе речи, хотя нельзя в то же время утверждать, что она не характерна для нормальной речи. Именно из-за данного явления общепурятские слова в окинском говоре несколько видоизменяют свой фонетический облик. Например:

<u>окин.</u>	<u>лит.-бур.</u>	<u>х.-монг.</u>	<u>ст.-монг.</u>	<u>значение</u>
гаракка	гаргаха	гаргах	garɣaɣu	выводить
токко	тохохо	тохох	toququ	седлать
хакка	хахаха	хахах	qaqaqu	поперхнуться
атакка	атхаха	атгах	adququ	схватить
мурэккэ	мургэхэ	мөргөх	morguku	горстью
Уккэ	ухэхэ	үхэх	ükükü	молиться
				умереть

урэkkэ	ургэхэ	ургэх	urgeku	отпрянуть
гэkkэй	гэхэгүй	гэхгүй	kemekü ügei	не говорит
хэлэkkэй	хэлэхэгүй	хэлэхгүй	kelekü ügei	не скажет
мэдэkkэй	мэдэхэгүй	мэдэхгүй	medekü ügei	не знает
баэkkэй	байхагүй	байхгүй	bayiqu ügei	отсутствует.

Из других говоров подобное явление отмечается в виде характерной черты еще в тункинском¹⁸ и аларском¹⁹ говорах, в которых тоже представлены словоформы типа мэдэkkээ - не знает и гаракка - выводить. По нашим наблюдениям такого же типа удвоения кк представлены и в закаменском говоре, в котором тоже говорят мэдэkkээб - я не знаю, хэлэkkээб - я не скажу и т.п.

Согласный л в позиции перед *n (< l) реализуется в окинском говоре двояким образом: буряты произносят л ([ɔ] или [g] в зависимости от сингармонизма слова), а соёты сохраняют ң [ŋ]. Так, нами зафиксирована разница в произношении следующих слов, содержащих исторический комплекс *nn (< **ŋl):

<u>буряты</u>	<u>Оки</u>	<u>соёты</u>	<u>лит.-бур.</u>	<u>х.-монг.</u>	<u>калм.</u>	<u>ст.-монг.</u>
агнаха		аңнаха	агнаха	агнах	аңнх	angnaqu - охотиться
шагнаха		шаңнаха	шагнаха	чагнах	чиңнх	cingnaqu - слушать
хагнаха		хаңнаха	гагнаха	гагнах	хаңнх	yangnaqu - паять
тэгнэхэ		тэңнэхэ	тэгнэхэ	тэгнэх	теңнх	tengnekü - уравновесить вьюки.

Как видно из сравнения, соёты сохраняют в данном случае более архаичную форму, как и калмыки. Сохранение ң в этих примерах не отмечается ни в тункинском, ни в аларском, ни в других бурятских говорах. Возможно, что соёты сохраняют более архаичный облик этих слов под влиянием соседнего языка прижубсугульских монголов-дархатов, которые тоже произносят в словах подобного типа согласный ң [ŋ], насколько можно судить по материалам Г.Д. Санжеева, где находим дархатскую словоформу чаңнаха (прислушиваться)²⁰.

Появление соётов в Оке связано именно с районом Прижубсугуля, где и поныне обитают, кроме тувиноязычных племен, монголоязычные дархаты. Именно от них предки нынешних бурятских

соётов могли в свое время усвоить дархатский язык и принести с собой его знание при переселении к бурятам. Это обстоятельство помогло, видимо, им довольно быстро адаптироваться среди бурят и обурятиться в отношении языка, а также повлияло, возможно, и на сохранение в речи соётов фонемы ө (<*ö), переднеязычного характера фонемы э (<*e), шипящих и свистящих аффрикат дж, ч, ц, дз, хотя подобные особенности встречаются и в речи бурят Окинской долины. При этом в речи бурят они тоже могли сохраниться под воздействием языка соседних монголов, с которыми некоторые окинские бурятские роды связаны своим происхождением. В Окинской же долине при последующем смешении бурят и соётов монгольские черты в речи обеих групп могли взаимодействовать, усиливаться и тем самым сохраняться.

Произведенный нами краткий общий анализ звукового строя окинского говора, особенностей речи как бурят, так и соётов, показал, что основу звукового строя говора составляют общепурятские черты. Специфика же его вызвана не только сохранением монгольских, а у соётов, видимо, дархатских, черт, но и влиянием соседних аларского и тункинских говоров, с которыми окинский говор объединяется в одну группу, к которой в свою очередь примыкает и закаменский говор. Во всяком случае собранные нами недавно материалы по строю закаменского говора во многом содержат аналогичные черты.

Дальнейшей задачей является проведение более широкого сравнительно-сопоставительного исследования внутри этой выявленной группы, чтобы точнее определить объемы сходства и расхождений. Подобное же исследование предстоит осуществить и с другими выявленными группами бурятских говоров: ахирит-булагатской, хоринской, цонголо-сартуло-хамниганской. Без подобных исследований невозможно уточнение диалектной структуры бурятского языка, а также его ареальное и историческое изучение.

¹ См.: Рассадин В.И. Лексические особенности говора окинских бурят // Лексико-фразеологическое своеобразие бурятского языка. - Улан-Удэ, 1985. - С. 3-20; его же. Промысловая лексика в говоре окинских бурят // Диалектная лексика в монгольских языках. - Улан-Удэ, 1987. - С. 3-20.

² См.: Рассадин В.И. Указ. соч. - С. 3.

- 3 См.: Castrén M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845-1849, hrsg von Anton Schiefner. - St.-Pb., 1856. - S. 396.
- 4 См.: Рассалин В.И. Система гидронимов бассейна р. Оки // Исследования по ономастике Бурятии. - Улан-Удэ, 1987. - С. 41-48.
- 5 См.: Рассалин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. - М.: Наука, 1982. - С. 14-16.
- 6 См.: Черемисов К.М. Заметки по бурят-монгольскому языку. III. Несколько замечаний о тункинском диалекте // Зап. Бур.-Монг. НИИЯЛИ. - Улан-Удэ, 1941. - Вып. 3-4. - С. 123.
- 7 Подробнее см.: Рассалин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. - С. 59-65, 65-68; Бураев И.Д. Становление звукового строя бурятского языка. - Новосибирск: Наука, 1987. - С. 94-101, 104-105, III-III2.
- 8 См.: Дугаров Б.С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. - Улан-Удэ, 1983. - С. 90.
- 9 См.: Абашеев Д.А. Тункинский говор // Исследование бурятских говоров. - Улан-Удэ, 1965. - Вып. I. - С. 11-12.
- 10 См.: Поппе Н.Н. Аларский говор. - Л., 1930. - Ч. I. - С. 8.
- 11 См.: Дарбеева А.А. Влияние двуязычия на развитие изолированного диалекта. На материале монгольских языков. - М.: Наука, 1978. - С. 49-50, 57-58.
- 12 См.: Хомонов М.П. Боханский говор // Исследование бурятских говоров. - Улан-Удэ, 1965. - Вып. I. - С. 47.
- 13 См.: Абашеев Д.А. Указ. соч. - С. 12.
- 14 См.: Дарбеева А.А. Указ. соч. - С. 61.
- 15 См.: Поппе Н.Н. Указ. соч. - С. 26.
- 16 См.: Поппе Н.Н. Указ. соч. - С. 25.
- 17 См.: Черемисов К.М. Указ. соч. - С. 129.
- 18 См.: Абашеев Д.А. Указ. соч. - С. 9.

19 См.: Поппе Н.Н. Указ. соч. - С. 9.

20 См.: Санжеев Г.Д. Дархатский говор и фольклор. -
Л., 1931. - С. 51.

АФФРИКАТА С В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Аффриката с неравномерно представлена в современных монгольских языках. Наиболее активное ее присутствие зарегистрировано в монгольских языках Китая. Ступение изоглоссы с на территории Китая вызвано следующими причинами. Почти все монгольские языки Китая имеют в своих консонантных системах только две аффрикаты: с и \int , так как в свое время в данных языках из шипящих звуков с и \int не развились свистящие сложные согласные с[•] и \int . Языки, диалекты, говоры, система аффрикат которых состоит только из звуков с и \int , именуют "шипящими".

Ару-хорчинский и харачин-тумутский говоры восточного диалекта, а также чахарский и ордосский говоры центрального диалекта монгольского языка Внутренней Монголии КНР, судя по материалам Б.Х. Тодаевой¹, являются типичными для "шипящих" говоров. Географически эти говоры занимают центральное место по отношению к другим говорам монгольского языка Внутренней Монголии. Территория распространения данных говоров является "ядром", центральным ареалом скопления изоглоссы с.

Аффриката с в рассматриваемых говорах зарегистрирована как в позиции аялаута, так и в позициях инлаута, ауслаута. Например, в аялауте: архорч^ж, хар.-тум. чедам, чах., орд. чаедам (солончак, солончаковая местность) - пис.-монг. caɣidam; архорч., хар.-тум., чах. чаадж, орд. чааджи (закон, запрет, казнь) - пис.-монг. caɣaɣi; в инлауте: архорч., хар.-тум. жерчмел, чах., орд. герчмел (нарезанный, разрезанный) - пис.-монг. kerɕimel; архорч. товчло-, хар.-тум. товчло-, чах., орд. довчло- (застегивать (пуговицу) - пис.-монг. tovɕila-; в ауслауте: архорч., хар.-тум., чах. ооч (глоток (жидкости) - пис.-монг.

^ж Здесь использованы оокрашения языков и диалектов, принятые в привлекаемых работах Б.Х. Тодаевой.

оџиџи; архорч., хар.-тум., чах. онгоч (водопойная колодца, ко-
рыто) - пис.-монг. онџиџа².

К западу от шипящих говоров идет затухание изоглоссы \check{s} вследствие присутствия свистящей аффрикаты \check{s} в шилингольском Говоре центрального диалекта и дарх-мянганском говоре. Напри-
мер: шгол., дарх-мянг. цутга- (лить, обливаться) - архорч., хар.-
тум. чутга, пис.-монг. cidqu; шгол., дарх.-мянг. целмег (ясный,
чистый, безоблачный) - архорч., хар.-тум., чах. челмег, пис.-
монг. selmeg; в инлауте: шгол., дарх.-мянг. дзерегцуул- (срав-
нивать, сопоставлять) - архорч., хар.-тум., чах. джирегчуул-,
пис.-монг. jergesegül-; шгол., дарх.-мянг. нучегле- (снимать
всю одежду, обнажать) - архорч., хар.-тум. нучегле-, пис.-монг.
nicügüle-; в ауслауте: шгол., дарх.-мянг. ууч (крестец, пояс-
ница) - архорч., хар.-тум., чах. ууч, пис.-монг. ууџа; шгол.,
дарх.-мянг. цамц (рубашка, сорочка) - архорч., чах. чамц, пис.-
монг. самца³.

Шилингольский и дарх-мянганский говоры расположены в мар-
гинальном, а точнее латеральном ареале распространения изоглос-
сы \check{s} . Территория распространения этих говоров на юго-востоке
граничит с территорией МНР. Свистящие аффрикаты \check{s} и \check{z} в шилин-
гольском и дарх-мянганском говорах появились под влиянием хал-
ха-монгольского языка, так сказать, адстратного ареала, второ-
го центра притяжения для маргинального ареала изоглоссы \check{s} и \check{z} .

Государственная граница между МНР и КНР изолировала некогда
тесные контакты этих ареалов. Последствия в языке носите-
лей шилингольского и дарх-мянганского говоров не замедлили
сказаться. Началось постепенное угасание аффрикаты \check{s} и \check{z} . В
сравнении с носителями халха-монгольского языка носители шилин-
гольского и дарх-мянганского говоров реже употребляют аффрика-
ту \check{s} , следовательно, чаще "чекают". Например, в анлауте: шгол.,
дарх.-мянг. чуутан (шум, гвалт, брань, скандал) - х.-монг. цуу-
гиан, пис.-монг. cuugiyan; шгол., дарх.-мянг. чеедж (грудь,
грудная клетка) - х.-монг. цээдж, пис.-монг. segeji; в инлауте:
шгол., дарх.-мянг. бөгчи- (горбиться, сутулиться) - х.-монг.
бөгчиџх, пис.-монг. bögciyi-; шгол., дарх.-мянг. өчигдөр (вче-
ра) - х.-монг. өцөгдөр, пис.-монг. öcügedür; в ауслауте: шгол.,
дарх.-мянг. дзарч (слуга) - х.-монг. дзарц, пис.-монг. jaruца;
шгол., дарх.-мянг. өртөмч (мир, свет, вселенная) - х.-монг. өр-
төнц, пис.-монг. yirtinci⁴.

В хорчинском говоре восточного диалекта изоглосса \dot{c} отсутствует: здесь произошла спирантизация аффрикаты $\dot{c} > \dot{z}$. Хорчинский говор распространен в восточной части Внутренней Монголии, на границе с Маньчжурией. Изоглосса \dot{c} отсутствует в баргу-бурятском диалекте монгольского языка ВМ. Например: хорч. шена- (варить), б.-бур. шана-, - архорч., хар.-тум., чах., шгол. чана, пис.-монг. šina-; хорч. шоно (волк), б.-бур. шоно - архорч., хар.-тум., шгол. чоно, пис.-монг. šina, šinwa; в инлауте: хорч. иши- (стыдиться, конфузиться), б.-бур. иши- - архорч., хар.-тум., чах. ичи-, пис.-монг. ici-; хорч. белшеер (пастбище), б.-бур. белшеер - архорч., хар.-тум., чах. белшеер, пис.-монг. belšiger; в ауслауте: хорч. буш (пшурок, тесьма), б.-бур. буш - архорч., шгол., чах. буч, пис.-монг. büse; хорч. меш (конечность), б.-бур. меш - архорч., шгол., чах., бар. меч, пис.-монг. moši.

Носители баргу-бурятского диалекта живут на востоке Внутренней Монголии, рядом с носителями хорчинского говора. Изоглосса \dot{c} проходит по территории баргутов и хорчинов и внешне на карте напоминает вытянутую непрерывную линию, что может поначалу создать видимость ее связанности. Однако "территориальная близость языков не всегда является признаком связанных изоглосс"⁵. Следует учесть, что в хорчинском говоре сохранилась аффриката \dot{z} , тогда как в баргу-бурятском диалекте спирантизовалась вся система аффрикат: $\dot{c} > \dot{z}$, $\dot{c} > \dot{s}$, $\dot{z} > \dot{s}$. Спирантизация аффрикат в баргу-бурятском диалекте происходила идентично спирантизации аффрикат в диалектах современного бурятского языка (за исключением селентинского диалекта). Здесь действовала одна и та же причина, вызвавшая спонтанное передвижение согласных: сокращение общего объема v за счет полного перехода этого звука во всех позициях слов в фарингальный h . Отсутствие звука v в бурятские диалекты компенсировали спирантизацией аффрикаты $\dot{c} > \dot{z}$, затем спирантизовалась вся система аффрикат.

Деаффрикатизация $\dot{c} > \dot{z}$ в хорчинском говоре также вызвана сокращением исконного v . В джалайт-дурбетском подговоре хорчинского говора исконный v во всех позициях слов полностью перешел в смычный согласный t . Например, в анлауте: джал.-дурб. теехан (красивый, прекрасный) - архорч., бар., хар.-тум. сеехан, х.-монг. сайхан, пис.-монг. zauiqan; джал.-дурб. там (гребенка, расческа) - архорч., хар.-тум., чах. сам, х.-монг. сам,

пис.-монг. sam; в инлауте: джал.-дурб. дутал (капля) - архорч., бар., шгол., чах. дусал, х.-монг. дусал, пис.-монг. disul; джал.-дурб. джатмал (исправленный, налаженный) - архорч., чах. джасмал, х.-монг. дзасмал, пис.-монг. javamal; в ауслауте: джал.-дурб. бут (хлопчатобумажная ткань, материя) - архорч., шгол., чах. бес, х.-монг. бес, пис.-монг. böv; джал.-дурб. джинт (шарик, узел на головном уборе) - архорч., шгол., чах. джинс, х.-монг. джинс, пис.-монг. jingse.

Исчезновение звука в джалайт-дурбетский подговор компенсировал за счет связанного процесса $\dot{c} > \dot{v}$, $\dot{v} > v$. Например, джал.-дурб. саган (белый) - архорч., хар.-тум., чах. чаган, пис.-монг. sayan; джал.-дурб. асара (благодаря) - пис.-монг. asi-bar; джал.-дурб. ос- (отправляться) - пис.-монг. ос-⁶.

Вследствии спирантизация $\dot{c} > \dot{v}$, $\dot{v} > v$ охватила весь хорчинский говор. Таким образом, изоглосса $\dot{c} > \dot{v}$ хорчинского говора и изоглосса $\dot{c} > \dot{v}$ диалекта баргу-бурят не являются связанными. Это конвергентные изоглоссы.

Изоглосса \dot{c} зарегистрирована на северо-востоке Китая - в провинции Хэйлунцзян, где в г. Цицикаре, в уездах Лунцзян, Фууй, Нэхэ, а также в Хулунбуирском аймаке автономного района Внутренней Монголии проживают носители дагурского языка⁷. Дагуры проживают также на крайнем западе страны - в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, в уезде Чугучак.

Система аффрикат дагурского языка состоит из двух звуков: \dot{c} и $\dot{ʃ}$. Согласный \dot{c} в дагурском языке представлен в алауте и инлауте слов. Например: даг. чачи- (брызгать, разбрызгивать) - пис.-монг. čača; даг. чэлэ (глубокое место в реке, ключ, источник, бьющий из-под земли) - пис.-монг. čegel; даг. очир (причина, основание, обстоятельство) - пис.-монг. učir.

Необходимо обратить внимание на частичную спирантизацию аффрикаты $\dot{c} > \dot{v}$ в дагурском языке. Спирантизация $\dot{c} > \dot{v}$ охватила в основном алаутную позицию слов, например: даг. шад- (мочь, быть в состоянии, уметь) - архорч., бар. чада-, пис.-монг. čida-; даг. шана- (варить) - архорч., бар. чана-, орд. чина-, пис.-монг. čina-; даг. шандаг (заяц-беляк) - архорч. чиндаг, орд. чиндага, чах. чандаг, пис.-монг. čindaɣa; даг. шимуг (костный мозг, трубчатая кость) - архорч., бар. чомог, пис.-монг. čimügen; даг. шолбур (поводья, чембур) - архорч., бар. чолбур, пис.-монг. čilbuɣur.

В инлаутной позиции спирантизация аффрикаты $\check{s} > s$ в дагурском языке встречается реже, чем в анлауте, например: даг. эгши (старшая сестра) - архорч. бар. өгч, пис.-монг. egesī; даг. гашкаар (только один, в одиночестве) - архорч., бар. ганчаараа, пис.-монг. гаусагар; даг. нурши - (миновать, проходить мимо) - архорч., чах. нехче-, пис.-монг. nögsi-; даг. нүшкэлэ- (снимать одежду, раздеваться догола) - архорч., бар. нучегле-, пис.-монг. ničügüle.

С деаффрикатизацией $\check{s} > \check{v}$ всегда связан звукопереход $\check{v} > v$, который мы наблюдаем в дагурском языке, например: даг. сааджиг (сорока) - архорч., бар., орд., чах. шааджигаа; даг. сэчин (умный, смысленный) - архорч., бар., чах., орд. джичин, пис.-монг. sičin; даг. саудар (игрневый (о масти лошади) - архорч., бар. чевдар, чах. чавдар, пис.-монг. šabidar. В интервокальном положении: даг. гасун (горький, печальный) - архорч., бар., чах., орд. гашун, пис.-монг. yašiyun.

Ротацизм зарегистрирован в дагурском языке в инлаутной и аусллаутной позициях слов, например: даг. гэрэ- (оттаивать (о мерзлом) - архорч., бар. гэсэ-, пис.-монг. gese-; даг. турта (пути (на передних ногах лошади) - архорч., бар., тушаа, орд., чах. душаа, пис.-монг. tušiya; даг. хэрки- (кроить, выкраивать) - архорч., бар. эсгэ-, пис.-монг. ešge-; даг. холордан (осина, тополь) - чах. улаас, орд. уласу, пис.-монг. uliyasun; даг. олор (народ, люди) - чах., орд. улус, пис.-монг. ulus; даг. элер (песок) - архорч., тум., чах. едс(ен), пис.-монг. elešin; даг. бур (хлопчатобумажная ткань, материя) - архорч., бар., орд., чах. бес, пис.-монг. bös.

Звукоизменения $\check{s} > s$, $v > s$, $v > r$ в дагурском языке взаимосвязаны причинно-следственными взаимоотношениями: одно звукоизменение потянуло за собой другие. В дагурском языке звук v переходил не только в r , наблюдаются изменения звука v в t : даг. тасбар (мелкая иноходь) - архорч., бар. сеевар, пис.-монг. vaibar; даг. тотло- (смазывать маслом) - архорч., бар. тосло-, пис.-монг. tosula-; даг. тоттуу (жирный, маслянистый) - х.-монг. тостой, пис.-монг. tosutai.

В дагурском языке частичный переход звука v в звуки r , t вызвал в свою очередь частичную деаффрикатизацию $\check{s} > \check{v}$ и сопутствующий последнему изменению фонетический сдвиг $\check{v} > v$.

Изогlossa \check{s} зарегистрирована в монгольских языках северо-

запада Китая: монгорском, баоаньском, дунсянском. Носители названных языков живут изолированно, но в непосредственной близости друг от друга. Монголы расселены в провинции Цинхай, в уездах Хуцзу, Минхэ, Тунжэнь, Датун. Небольшая часть монголов живет в провинции Ганьсу⁸. Баоани сосредоточены в г. Баоань и близлежащих селениях уезда Тунжэнь провинции Цинхай, а также в уезде Линься провинции Ганьсу⁹. В провинции Ганьсу живут и дунсяне¹⁰.

Система аффрикат монгорского, баоаньского и дунсянского языков представлена шипящими звуками ç и ʃ . В монгорском языке в заимствованных словах из китайского и тибетского языков изредка встречается аффриката ʃ . В этих островных микроареалах изоглосса ç представлена так же хорошо, как и в шипящих говорах монгольского языка Внутренней Монголии. Например: мнгр. чи-се (кровь) - баоан. чисон, дунс. чусун, пис.-монг. çisun ; мнгр. чичаг (цветок) - дунс. чиджэ, пис.-монг. çicig ; мнгр. чиги (ухо, уши) - баоан. чихон, дунс. чыкэн, пис.-монг. çikin ; баоан. хуичон (старый, изношенный) - пис.-монг. çayuçin ; мнгр. ночин (сирота) - дунс. ониэчин, пис.-монг. onecin ; мнгр. хачир (щека) - пис.-монг. qaçir . В ауслaute аффриката ç в монгорском, баоаньском и дунсянском языках не встречается.

В монгорском и дунсянском языках в некоторых словах древнемонгольский k в положении перед гласным звуком i перешел в аффрикату ç ; например: мнгр. чидого (нож) - пис.-монг. kituqa ; мнгр. чируу (пила), дунс. чирэу - пис.-монг. kirüge ; мнгр. чиргаа- (стричь, брить) - пис.-монг. kirqa ; мнгр. чидар, читад - пис.-монг. kitad (китаец); дунс. очин (девушка), мнгр. учин - пис.-монг. ükin .

Диахроническая фреквенталия (переход k перед i в ç) является результатом внутреннего развития монгорского и дунсянского языков. Фонетический сдвиг $\text{k} > \text{ç}$ является типичным для различных языков: "Превращение K в ç перед гласными переднего ряда E , I довольно распространено в диалектах современного греческого языка, например: тсерос "время" керос. Та же фонетическая тенденция зарегистрирована и в общеславянском. Ср., например: рус. четыре, литов. кетури и т.д."¹¹ Изоглосса $\text{k} > \text{ç}$ в монгорском и дунсянском языках является, таким образом, конвергентной.

На западе Китая, в Синьцзян-Уйгурском автономном округе,

проживают носители ойратского языка. Здесь изоглосса с встречается реже по сравнению с шипящими говорами монгольского языка Внутренней Монголии. В ойратском языке имеется свистящая аффриката с, чем и объясняется затухающий характер изоглоссы с. Аффриката с в ойратском языке зафиксирована в анлауте и инлауте слов, например: ойр. чалчг (лука); ойр. чимэн (шум, звук) - пис.-монг. simegen; ойр. чөдкр (черт) - пис.-монг. cidkür; ойр. чиирг (выносливый, крепкий, сильный) - пис.-монг. çigirai.

В интервокальном положении: ойр. бачм (спешный, экстренный) - пис.-монг. basim; ойр. орчлг (вселенная) - пис.-монг. orcilang; ойр. ачх (взваливать на спягу, грузить, навьючивать) - пис.-монг. aci-; ойр. нучин (тридцать) - пис.-монг. yucin; ойр. енчен (сирота) - пис.-монг. onesin; ойр. учир (причина) - пис.-монг. ucir.

Носители ойратского языка проживают и за пределами КНР: в СССР (калмыки - народ ойратского происхождения - Калмыцкая АССР, Иссык-Кульская область Киргизской ССР, Челябинская область, Башкирская АССР, Краснодарский край, Астраханская область), в МНР (торгуты, дербеты, захчины, олэты в Кобдоском и Убсу-Нурском аймаках).

Носители калмыцкого языка наиболее компактно живут в устье Волги (Калмыцкая АССР, Астраханская область). Сгущение изоглоссы с в калмыцком языке зарегистрировано на побережье Каспийского моря (Каспийский район Калмыцкой АССР) и у устья Волги (Лиманский район Астраханской области). В этом микроареале компактными массами проживают носители цаатановского подговора торгутского говора калмыцкого языка. Этот подговор отличается отсутствием свистящих аффрикат с и з. Ни значительная удаленность от шипящей семьи языков, ни даже трехвековое окружение цокающих торгутов не повлияли на систему аффрикат цаатановского подговора. Сравните; калм. цаг (время) - цаатан. чаг, пис.-монг. çay; калм. цоохор (пестрый) - цаатан. чоохор, пис.-монг. çoçur; калм. ганчхи (один, единственный) - цаатан. ганчхан, пис.-монг. yançaqa; калм. хурце (острый) - цаатан. хурчи, пис.-монг. qurça; калм. боорцг (лепешка) - цаатан. боорчиг, пис.-монг. bourçay.

В цаатановском подговоре происходила частичная спонантизация аффрикаты с. Например: лит.-калм. чирк (чарка) - цаатан. ширк; лит.-калм. читвыр (рогожа) - цаатан. шитвыр; лит.-

калм. читлыг (фундук) - цаатан. шитлыг; лит.-калм. цуу (уксус) - цаатан. шуу. Частичная спирантизация $\text{с} > \text{в}$ вызвала переход $\text{в} > \text{в}$. Например, суунчи (долото) в цаатановском подговоре возникло из слова чуунчи, через промежуточную ступень *шуунчи.

В калмыцком языке спорадические случаи дезаффрикатизации встречаются чаще, нежели в других сокающих монгольских диалектах, современном монгольском языке. Сравните: монг. цуугиан (шум, гвалт, брань) - архорч., бар., онн., найм., хеш., шгол., уцаб., чах., орд. чууган, калм., цаатан. шууган, пис.-монг. cuugiyan; монг. чихер (сахар), урат., архорч. чихер, калм. цаатан. шикер, пис.-монг. šiker, šiker. Затухание изоглоссы с объясняется значительной оторванностью калмыцкого языка от центра инновации.

В цаатановском подговоре зафиксировано также присутствие проточного X на месте заднеязычного K в литературном калмыцком языке. Например: хээрх (кричать) вм. хээкрх; хилхр (коленкор) вм. хилкр; гехад (живая) вм. гекад; хулд-хулд (звукоподражание глотанию) вм. кулд-кулд¹². Частичный звукопереход $\text{K} > \text{X}$ вызван частичной спирантизацией аффрикаты $\text{с} > \text{в}$ и последующим взаимосвязанным фонетическим сдвигом $\text{в} > \text{с}$. Подобное фонетическое явление распространено в восточном диалекте монгольского языка Внутренней Монголии, где произошла аналогичная спирантизация аффрикаты $\text{с} > \text{с}$. А.Д. Руднев пишет, что "в современных вост. мы имеем вместо "К" и "К" проточные Х"¹³.

В якутском языке, например, древний с превращался в в , аффриката ʃ видоизменилась в в , а заднеязычный K перед гласными заднего ряда и после них превращался в проточный X . Примеры свидетельствуют о том, что спирантизация смычного K и X причинно взаимосвязана со спирантизацией аффрикат. Следовательно, появление в цаатановском подговоре спиранта X на месте смычного K можно объяснить частичной спирантизацией аффрикаты с .

Система аффрикат сарт-калмыцкого подговора торгутского говора идентична системе аффрикат цаатановского подговора¹⁴. Например: сарт.-калм. читаас (бумага), цаатан. чаасн - лит.-калм. цаасн, пис.-монг. caγaasn; сарт.-калм. чириг (солдат, армия), цаатан. чериг - лит.-калм. цегр, пис.-монг. širig; сарт.-калм. чечиг (цветок), цаатан. чечиг - лит.-калм. цецег, пис.-монг. šeβeg; сарт.-калм. чечен (мудрый), цаатан. чечин - лит.-калм. цецен, пис.-монг. šičin.

На территории распространения халха-монгольского языка (МНР) изоглосса \dot{c} встречается реже, нежели в ойратском (КНР) и калмыцком языках. Затухание изоглоссы \dot{c} в халха-монгольском языке объясняется большим, чем в ойратском и калмыцком языках, присутствием аффрикаты c . Аффриката \dot{c} в халха-монгольском языке зарегистрирована в анлауте, инлауте и ауслауте слов; например: х.-монг. чухал (необходимый, важный, существенный) - пис.-монг. *ciqula*; х.-монг. чуденз (спички) - пис.-монг. *сүүденжи*; х.-монг. чихер (сахар) - пис.-монг. *сикир, сикер*; х.-монг. чисчуу (чесуча) - пис.-монг. *сиссүү*; х.-монг. чинээ(н) (замытость, состоятельность) - пис.-монг. *синеген*.

В интервокальном положении: арчи- (чистить, очищать, вычищать) - пис.-монг. *арси-*; х.-монг. ичгуур (стыд, позор) - пис.-монг. *исегүр*; х.-монг. навчла- (распускаться) (о листьях) - пис.-монг. *навчила-*; х.-монг. очин (искра) - пис.-монг. *ошин*. В ауслауте: х.-монг. гэрч (свидетель) - пис.-монг. *гереси*; х.-монг. саравч (навес, сарай, хлев) - пис.-монг. *саравчи*; х.-монг. туслагч (помощник) - пис.-монг. *тусалаучи*.

Таким образом, зоной сгущения изоглоссы \dot{c} являются шипящие говоры монгольского языка Внутренней Монголии. Изоглоссы $v > r$, $v > t$, $\dot{c} > v$, $v > v$ в дагурском языке являются связанными. Связанными следует назвать и изоглоссы $v > t$, $\dot{c} > v$, $v > v$ в джалайт-дурбетском подговоре хорчинского говора восточного диалекта монгольского языка Внутренней Монголии.

Изоглоссы $v > h$, $c > v$, $\dot{c} > v$, $\dot{z} > z$, $\dot{z} > z$ в баргу-бурятском диалекте монгольского языка Внутренней Монголии носят связанный характер.

¹ См.: Тодаева Б.Х. Язык монголов Внутренней Монголии. - М., 1981; ее же. Язык монголов Внутренней Монголии. - М., 1985.

² См.: ее же. Язык монголов Внутренней Монголии. - М., 1981. - С. 203, 257.

³ См.: ее же. Язык монголов Внутренней Монголии. - М., 1981. - С. 257-259.

⁴ См.: ее же. Язык монголов Внутренней Монголии. - М., 1981. - С. 130-257.

⁵ Гаджиева Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. - М., 1975. - С. 204.

- 6 См.: Руднев А.Д. Материалы по говорам Восточной Монголии. - СПб., 1911. - С. 171.
- 7 См.: Тодаева Б.Х. Дагурский язык. - М., 1986; Поппе Н.Н. Дагурское наречие. - Л., 1930.
- 8 См.: Тодаева Б.Х. Монгорский язык. - М., 1973.
- 9 См.: Тодаева Б.Х. Баоаньский язык. - М., 1964.
- 10 См.: Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. - М., 1961.
- 11 Сребренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. - М., 1974. - С. 143.
- 12 См.: Убушаев Н.Н. Некоторые особенности цаатановского подговора // 320 лет старокалмыцкой письменности. - Элиста, 1970.
- 13 Руднев А.Д. Указ. соч. - С. 175.
- 14 См.: Убушаев Н.Н. Фонетика торгутского говора. - Элиста, 1977.
-

ПРОСОДИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

Категория модальности является одним из самых сложных дискуссионных вопросов современной лингвистики. Имеются различные суждения относительно определения и объема модальности. Почти во всех грамматиках разных языков модальность трактуется как морфологическое явление и рассматривается в тесной связи с категорией наклонения.

Многие исследователи, определяя модальность как синтаксическое явление, считают ее конструктивным признаком любого предложения. Основные разногласия отмечаются в оценке соотношения категорий предикативности, в вопросах включения в модальность эмоционально-экспрессивных значений, утверждения и отрицания, а также значений по цели высказывания.

Широкое понимание языковой модальности в советском языкознании связано с именем В.В. Виноградова: "... отношение к действительности, устанавливаемое говорящим лицом"¹. Модальность рассматривается как отношение говорящего к содержанию речи, к собеседнику, к самому себе, к обстановке и форме речи, то есть в нее включаются и квалификация высказывания с точки зрения его достоверности, и выражение эмоционального отношения, и реакция говорящего (страх, гнев, жалость и т.д.), и модально-этические, и стилистические пояснения, различные формы изложения речи, и отношение говорящего к целевой направленности речевого общения². Таким образом, при широкой трактовке под модальностью понимается все то, что относится к отношению говорящего, имеет грамматический способ выражения и обслуживает речевое общение.

Критический анализ различных точек зрения на категорию языковой модальности дается Е.И. Беллевой³. Считая правомерным функционально-семантический подход при рассмотрении данной ка-

тегории, она определяет модальность как языковую категорию, выражающую оценку говорящим способа существования связи между объектом действительности и его признаком, а также степень познания или желательности этой связи говорящим. Причем это более общая категория оценки, не эмоциональная, а интеллектуально-рассудочная.

Проблема модальности в монголистике разработана недостаточно. В отдельных статьях, а также в грамматиках рассматриваются многообразие модальных значений и своеобразие языковых средств выражения их лишь в общем виде⁴.

Среди имеющихся работ полнотой исследования особенностей некоторых модальных частиц и модальных значений в монгольских языках отличаются статьи З.В. Шверниной и Г.Ц. Пюрбеева⁵. Г.Ц. Пюрбеев рассматривает основные типы и виды модальных значений в монгольских языках. В понимании логико-грамматической категории модальности он придерживается той концепции, в которой модальность отражает характер объективных связей, наличных в той или иной ситуации с точки зрения возможности, необходимости, реальности.

При существовании крайних точек зрения относительно семантического объема категории модальности бесспорным является выделение всеми исследователями объективной и субъективной модальности, хотя четкую грань между ними трудно определить. Основное различие между этими видами модальности заключается в том, что объективная модальность является обязательно присущим фактором любого предложения как предикативность (отношение содержания высказывания к действительности). А субъективная модальность рассматривается как факультативный фактор: отношения между предикатом и его признаком не являются фактом объективной действительности. Говорящий (субъект) лишь предполагает существование такой связи.

В субъективной модальности можно выделить ее широкое и узкое понимание. В широкое понимание данной категории входят различные значения как оценочно-характеризующие со стороны сообщаемого, так и собственно оценочные значения, заключающие в себе личное, субъективное отношение говорящего к содержанию сообщения: согласие/несогласие, принятие/непринятие в сочетании с эмоциональным отношением и другие⁶.

При узком понимании субъективной модальности оценка собы-

тиям и связям действительности не дается, дается только оценка высказыванию: возможному, вероятному, сомнительному или обязательному. И эта оценка зависит от степени познанности говорящего о действительности.

Мы разделяем точку зрения тех лингвистов, которые предусматривают два аспекта в сфере субъективной модальности: 1) как отношение говорящего к высказываемому в плане достоверности / недостоверности (эпистемическая модальность); 2) как отношение говорящего к высказываемому в экспрессивно-оценочном плане (собственно-субъективная модальность).

В статье рассматривается роль интонации в формировании субъективно-модальных значений в повествовательных высказываниях, выясняется характер взаимодействия интонационных средств со средствами других языковых уровней при выражении субъективно-модальных значений.

Узкое понимание модальности, отражающее степень познанности говорящим указанных объективных связей и отношений действительности, называют эпистемической модальностью. Степень познанности может меняться в пределах наибольшего сомнения – наибольшей уверенности говорящего в соответствии с содержанием данного предложения действительности (вероятность, сомнение, предположение, уверенность и т.д.). Эпистемическая модальность – это внешнесинтаксическая категория, относящаяся ко всему высказыванию в целом, выражается лексическим, грамматическим и интонационным средствами.

Модальность вероятности (предположение). Данное значение модальности выражает оценку говорящего, основанного на неполном знании о действительности. Основными модальными модификаторами значения предположения в бурятском языке являются модальные слова: магад (может быть), тухайлхада (предположительно), юрэдөө (по-видимому) и т.д.

Магад (может быть) употребляется в любой речи, при любых отношениях между коммуникантами, занимает преимущественно начальную и медиальную позиции в предложении: Магад, углөөдэр ерэхэ байха. Энэ номнай, магад, багшын унинэй угы хээн ном гээшэ.

Тухайлхада (предположительно) встречается в любых стилях речи, занимает начальную позицию: Тухайлхада, уни болоһон ушар

Юрэдөө тиймэ бэшэ гу (по-видимому). В бурятском языке модальное слово юрэдөө, употребляясь в сочетании с частицами, переводится словом "по-видимому": Газаа ерээшэмнай юрэдөө колхозой туруулэгшэ бэшэ гу даа.

Тухэлтэй, хэбэртэй, ёнотой, янзатай в сочетании с причастиями в значении (пожалуй, кажется, должно быть, по-видимому) распространены в основном в повествовании и вопросе. В высказывании данные модальные слова занимают конечную позицию в составе предиката: Минии нухэр Бата айлшалжа ерээн хэбэртэй. Багшын хөөрэнье булта ойлгоһон янзатай.

Глаголы болохо, байха с первоначальным значением (становиться, делаться) в сочетании с деепричастиями в составе сказуемого выражают значение вероятности, употребляются в любых коммуникативных стилях и при любых отношениях между коммуникантами: Тэрэш гэртээ угн байжа болохо. Аба углөө ерэжэ болохо. Долоон сагта ерээ хадаш, врач үзэжэ болохо.

Модальный глагол шадаха (мочь) в бурятском языке встречается в сочетании с вспомогательными глаголами и частицами, выражает модальное значение предположения: Эхэ хубуун хоёр бэе бэетээ хөөрэлдэжэ шадаха бээт. Тара олон номууд сооноо хэрэгтэй номоо оложо шадаха гу даа?

Аргатай (можно) в сочетании с частицей придает высказыванию значение вероятности, сомнения, возможности, употребляется в группе предиката: Энэ бороотой удэр самолет ниидэхэ аргатай гу даа? Хониной халуун мяха эдихэ аргатай хаш.

Модальные частицы

При выражении различных модальных значений в бурятском языке более употребительны частицы. По своим смысловым функциям модальные частицы многозначны. Например, частица алтай может обозначать и предположение, и возможность в зависимости от контекста: Мунөө залуу баатар энэл гэр соо нууна алтайш. Данному предложению частица алтай придает стенок предположения (Тот самый молодой богатырь, может быть, сидит именно в этом доме) или возможности (Возможно, тот самый молодой богатырь сидит именно в этом доме).

Бэээ – распространенная модальная частица, выражает сомнение, употребляется во всех видах коммуникации: Та хоёр хоо-

рондоо ойлголсожо хөөрэлдэнэ бээт. Магад, тиймэше ушар байжа болоһон юм бээ,

Хаяа обычно встречается в разговорной речи (в книжной - ха): Энэмнай ьурагта шэниисэ ха. Боосоогоо буляагдаба хаяаб.

Аабза отмечается в повествовательных и вопросительных высказываниях, одновременно с предположением обозначает сомнение: Амаралтын удэр хубүүмни ерэхэ аабза. Углөө сэлмэг удэр болохо аабза.

Гээбы, Частица обычно употребляется в сочетании со служебными словами юм, ьэн: Уйлэмни иимэл юм ьэн гээбы даа.

Агша редко встречается в разговорной речи: Энэ хубуумнай городто кутэйше юм агшаб.

Значение вероятности (предположения) может выражаться модальными фразами: минии ьанахада, ондоргоор хэлэхэдэ, хараад узэхэдэ и т.д. Модальные фразы выступают в предложении как вводящие члены, обычно в сложных предложениях в роли главной части, за которой следуют изъяснительные придаточные. Например, Минии ьанахада, бидэнэр дахин уулзаха болохобди.

Модальность неуверенности (сомнения). В модальном значении сомнения связь между объектом и его признаком говорящим познана недостаточно. Говорящий сомневается в существовании этой связи.

В бурятском языке модальность сомнения выражается модальными словами и частицами, хотя в количественном отношении они ограничены по сравнению с русским языком.

Хэбэртэй встречается в сочетании с причастиями и частицами: Баддан гэрэй даабари дуургэьэн хэбэртэй юм гү даа.

Аабы употребляется во всех сферах речевой деятельности: Тийгэжэ хэлээ аабы.

Аал чаще всего используется в вопросительных, реже в повествовательных предложениях: Басагамнай эсэьэндээ унташоо бэше аал.

Али; гу, али употребляются в разговорном и книжном стиле, в сочетании с вспомогательными модальными словами и частицами: Али харабашье гээшэ ьэн гүб. Аба углөө ерэхэ гу, уги гу мэдэгдээгүй. Энэш тэрэ хэлэгшэ хүнинь бэше аа гү. Али эндээ зогсожо хүлээхэмнай гээшэ гү даа.

Модальными модификаторами значения сомнения могут быть различные послелогии: Би энэ зураг хараһан шэнгиб. Энэ ном уншаһан шэнгиб.

Модальные фразы: миниихеэр болоходо, хэр зэргэ, хэн мэдэнэб, танигдахаар бэшэ и т.д. — употребляются обычно в инициальной позиции, реже — в медиальной. Модальные фразы несут функцию главного члена предложения, за которым следует придаточное предложение: Хэр зэргэ хун бологшо ааб. Хэн мэдэнэб, хаагуур ябадаг хун бэ.

Модальность логической необходимости (умозаключения). Говорящий, сопоставляя данные, делает заключение о существующей связи между объектом и его признаком. Модальными модификаторами данного значения в бурятском языке выступают модальные слова, модальные частицы, модальные фразы, модальные глаголы (байха, болохо).

Ёһотой (должен) в сочетании с причастиями прошедшего времени или с вспомогательными глаголами байха, болохо выражают большую степень предположения о наличии действительного факта. Например, Газаа бороо ороно. Аба гэртээ байха ёһотой.

Хэбэртэй (по-видимому, кажется, видимо) встречается в группе составного сказуемого: Багшамнай ерэхэээ болибо хэбэртэй.

Магадгүй (по всей вероятности, может быть). Данное модальное слово употребляется преимущественно в официальной речи: Нухэрни намтай юмэ захижа магадгүй. Удэшэндөө ехэ Һалхинше боложо магадгүй.

Аабза (очевидно), ха даа выражают логическую необходимость события: Һургуулидамнай вечер болохонь. Минии нухэрнууд булта сугларая аабза.

Модальность уверенности. Значение уверенности накладывается на объективное модальное значение действительности и усиливает данное значение. Основными модальными показателями являются модальные слова, модальные частицы, модальные фразы.

Надо замéтить, что модальных слов, выражающих значение уверенности, несколько больше, чем слов, придающих им другие значения.

Модальные слова могут придавать значение уверенности всему высказыванию или могут употребляться отдельно в качестве реплик-ответов.

Лаб, лабтай, сохом (конечно, несомненно) употребляются во всех типах речи: авторском, повествовании, диалоге, несобственно-прямой речи, а также при любых отношениях между коммуникантами.

Уверенность, выражаемая данными словами, основана на известных собеседнику фактах: Вокзал соо зон харагданагуй. Лаб поездноо гээгдэбэд.

Дамжаггуй (несомненно) используется в высоком стиле общения: Манай амалладай уялгаа дуургэхэнь дамжаггуй даа.

Заабол (непреречно), заатагуй - широко распространенные слова: Би углеодэр заабол танайда орохоб. Амаралтын удэр заатагуй худеэ гарахабди.

Унэхөөр (в самом деле, в действительности) встречается в разговорной речи, в начальной позиции: Унэхөөрөө хубуумнай айнан багаа,

Юрэдөө (действительно) употребляется во всех сферах речевого общения: Байза, юрэдөө, эндэ байжа сагаа нугшоёнэнэй хэрэггүй. Юрэдөө, эндэмнай юн болоноб даа. Шимни, юрэдөө, зоной орохо гарахые обёорхоо болёо ха юмши.

Одоол, одоолшье, одоолшье даа (теперь уж, наконец-то) в любой позиции придают высказыванию уверенность, основанную на долгом ожидании совершения чего-то: Одоол басагамни амаралтадаа ерэбэл даа,

Почти все рассмотренные слова находят применение в качестве вводных слов.

Модальные частицы

Значение уверенности выражают утвердительные частицы: даа, ха, юм, лэ (л).

Частица даа употребляется часто в сочетании тиимэ бэд даа в качестве утвердительного ответа: Та дуунда дуратай гүт? Тиимэ бэд даа.

Ха - придает высказыванию значение утверждения - уверенности: Мориндоо мордоод саашаа ябаба ха. Энэмнай бурагта шэнийсэ гээшэ ха юм даа. В данном предложении высшая степень уверенности высказывания выражается сочетанием нескольких частиц: ха, юм, даа.

Утвердительная частица лэ (-л) употребляется при усилении степени достоверности, добавляется к выделенному по смыслу слову: Мун эгээл тиимэ. Энэ болоһон ушар тухай эжымнай мэдэһэн лэ байха. Энэ нихэдээ оройдоол хорин долоон амалта удэр гээшэ гү? Тиимэл ха.

Частица -шье, присоединяясь к словам, усиливает степень

уверенности говорящего: Шамайе одоошье эдихэмни. Одоол бааб-гайнаа байтагай барастайшье барилдахаар болооб.

К модальным фразам, выражающим степень уверенности говорящего, можно отнести минии мэдэхээр, үнэн зурхэнһөө хэлэхэдэ, сэхнень хэлэхэдэ: Тэрэшни, минии мэдэхээр, үе наһан соогоо хургуулиин багша юм. Сэхнень хэлэхэдэ, би энэ ажал хэжэ шадахагуй байнаб.

Модальные фразы могут употребляться в начальной и средней позиции.

Анализ материала показывает, что в бурятском языке эпистемическая модальность выражается преимущественно лексико-синтаксическими средствами (модальными словами и модальными частицами), а в количественном отношении больше единиц, выражающих значение предположения и уверенности.

При широком понимании субъективной модальности к языковым средствам ее выражения, кроме указанных выше средств, относятся и интонация. Причем интонацию считают наиболее гибким и общим средством выражения субъективной модальности.

Ниже рассматриваются интонационные средства выражения эпистемической модальности. Интонационный анализ проводился по следующим параметрам.

А - частотный:

- 1) направление движения тона в высказывании;
- 2) частотный диапазон высказывания (в полутонах);
- 3) частотный интервал высказывания (в полутонах);
- 4) скорость изменения частоты основного тона (в полутонах);
- 5) глубина падения частоты основного тона в конце высказывания.

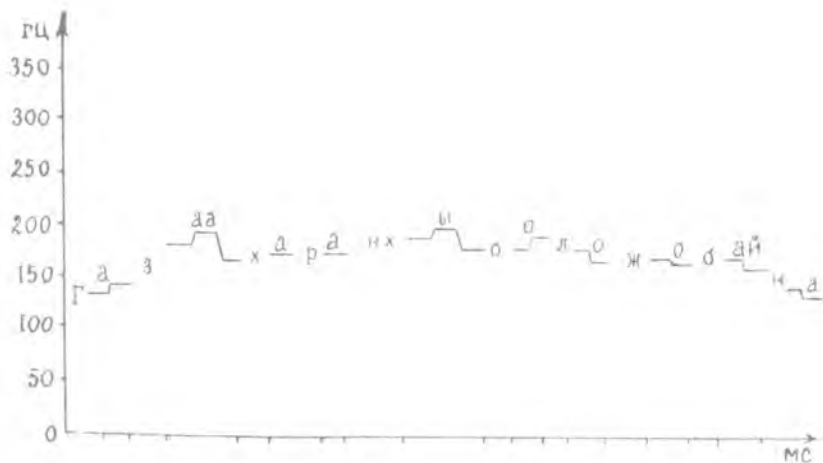
Б - темпоральный:

- 1) относительная длительность звука в высказывании.

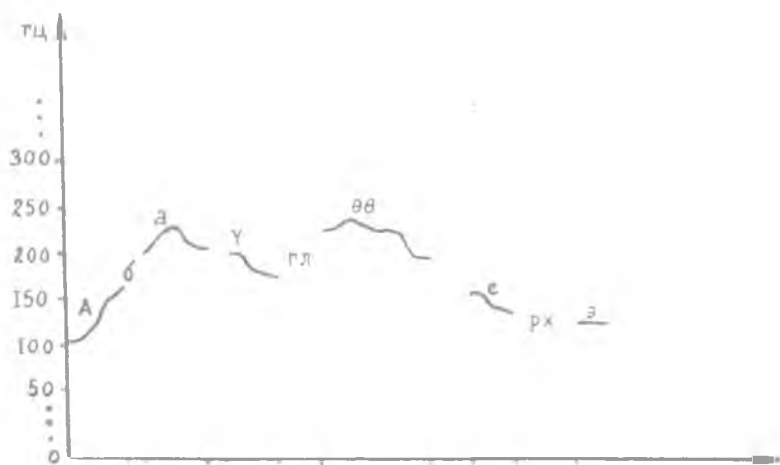
В - локализация максимума интенсивности.

В схематических графиках дается движение основного тона повествовательных предложений в нейтральном стиле (рис. 1), с модальным значением сомнения (рис. 7, 8), уверенности (рис. 2, 3, 4) и предположения (рис. 5, 6).

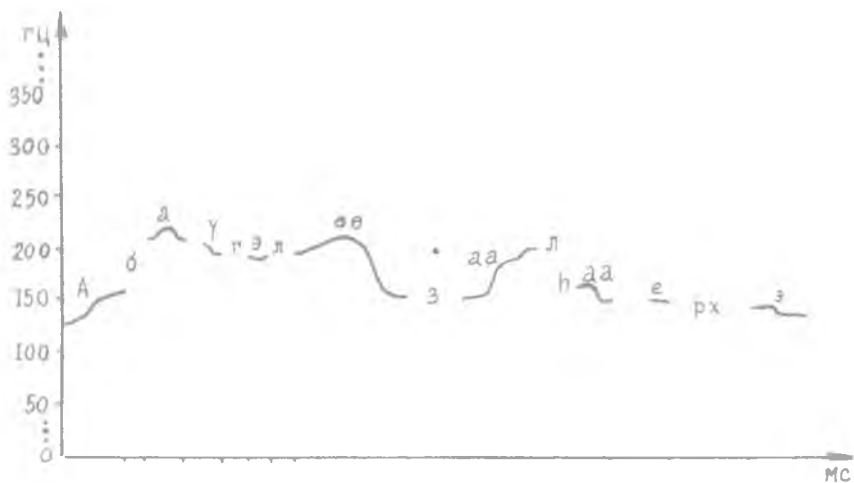
Экспериментальные данные по движению основного тона, интенсивности и длительности повествовательных предложений подтверждают выводы А.С. Жаргалова о сопутствующей роли интонационных средств при дифференциации коммуникативно-модальных разновидностей⁷.

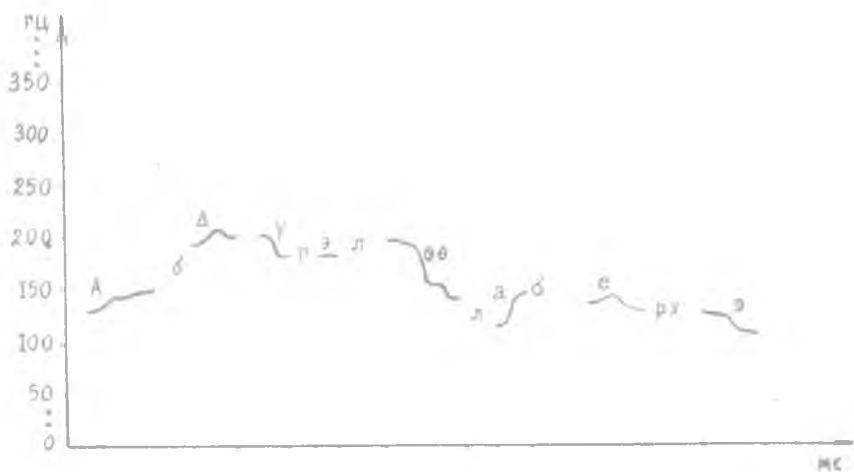
Р и с. 1. Мелодический график предложения Гагаа харанху боложо байна

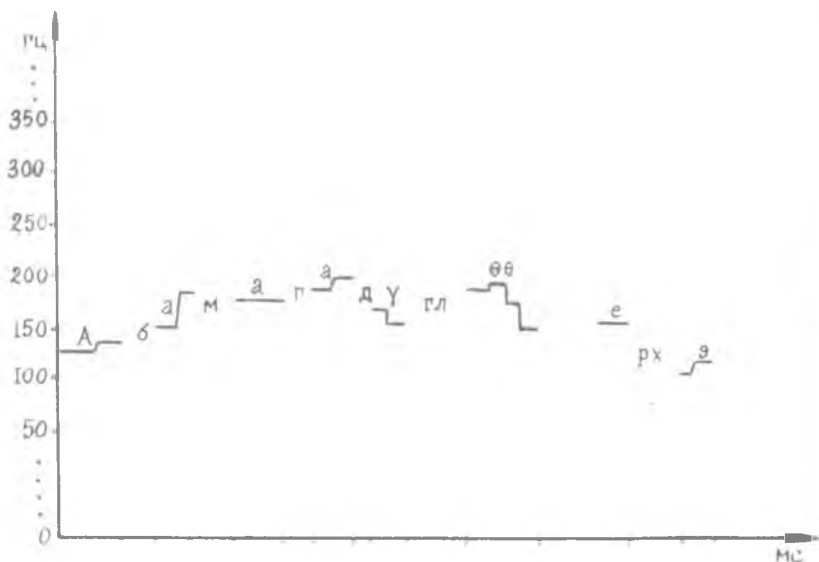
Р и с. 2. Мелодический график предложения Аба углөө эрэхэ

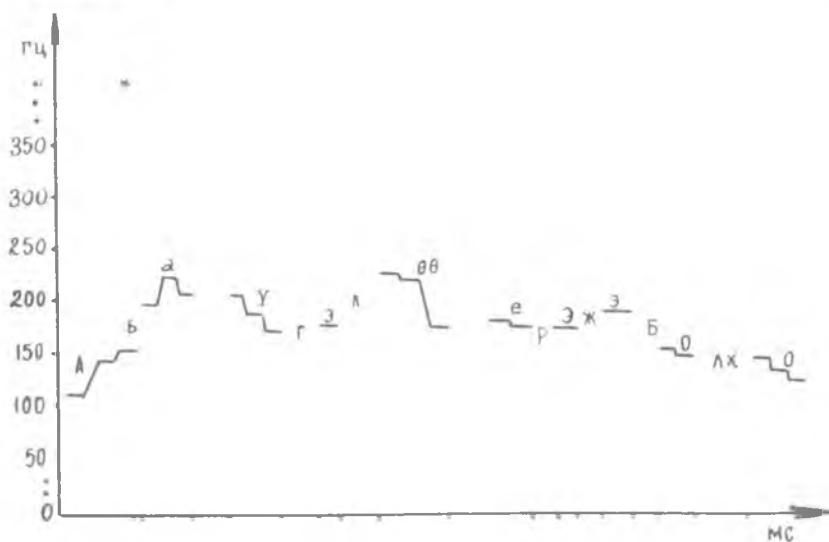
Р и с. 3. Мелодический график предложения Аба углөө заалнаа ерэхэ

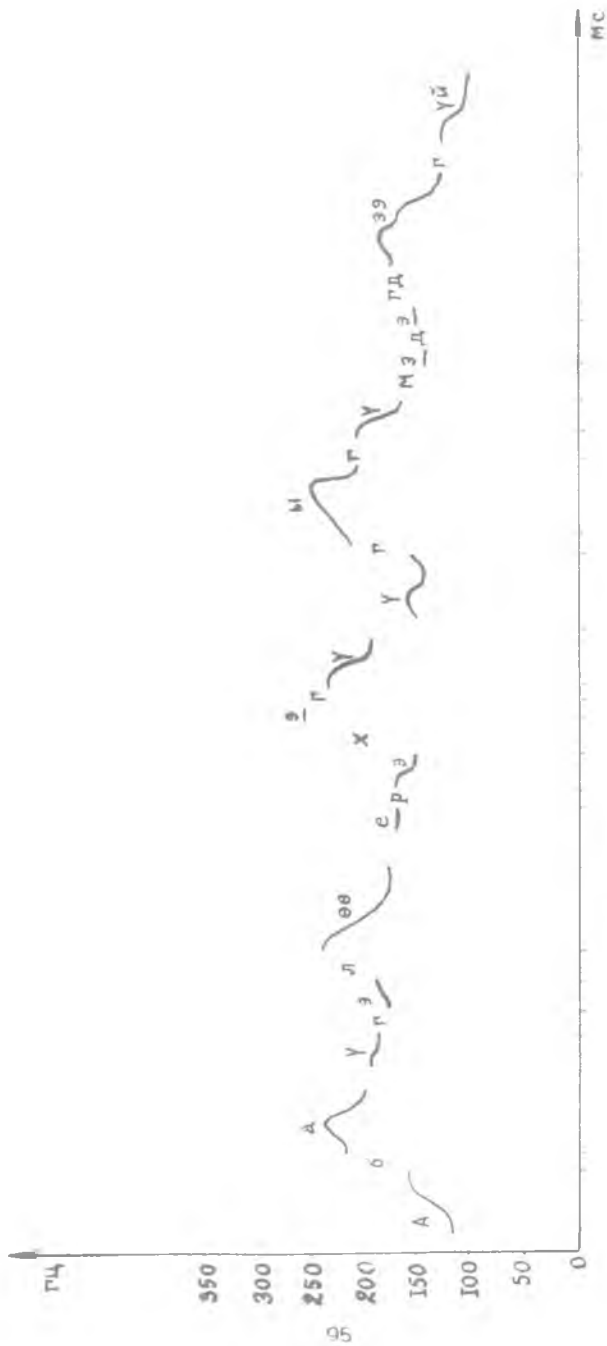
Р и с. 4. Мелодический график предложения Аба углөө лаб ерэхэ

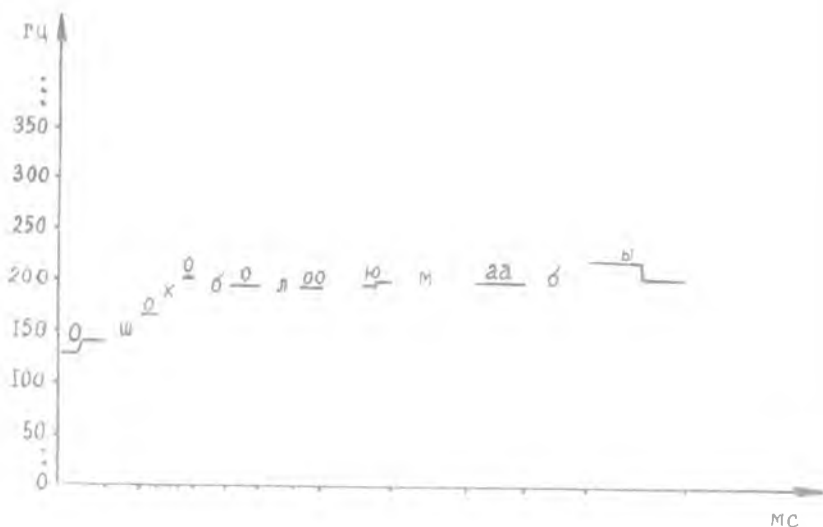
Р и с. 5. Мелодический график предложения Аба магад углөө ерэхэ

Р и с. 6. Мелодический график предложения Аба углөө ерэхэ болохо

Р и с. 7. Мелодический график предложения Аба углөө ерэхэ гү, угы гү мэдэгдээгүй

Р и с. 8. Мелодический график предложения Юхо болоо юм аабн

А. Характеристика ЧОТ (частоты основного тона).

І. Направление движения основного тона.

При сопоставлении интонационных характеристик модальных разновидностей повествовательных высказываний выявляется, что почти все фразы, за исключением предложений со значением сомнения, характеризуются общим восходяще-нисходящим движением основного тона. Значение неуверенности (сомнения) говорящего в высказывании передается восходящим тоном. При общем восходяще-нисходящем движении последний слог каждого слова фразы является смысловым центром фразы.

Во всех высказываниях на участке первого слова отмечается линейно восходящее движение тона в пределах сексты - септима (8-II полутонов), в единичном случае - на большую ноту (I3 полутонов) (см. рис. 2). Нисходящее движение тона охватывает всю группу сказуемого, включая модальные слова, с общим интервалом в II-III полутонов в утвердительных предложениях с модальными словами, в 9-10 полутонов - в предположительных предложениях, в 4 - 6 полутонов - в утвердительных предложениях без модальных слов.

2. Средний уровень частоты основного тона.

По средним арифметическим данным наиболее высокий средний частотный уровень присущ утвердительным фразам без лексико-грамматических показателей (см. рис. 1), на втором месте – модальные предложения со значением сомнения (см. рис. 7, 8), наименьший – предложениям со значением предположения (см. рис. 5, 6). Различия по среднему частотному уровню в сопоставляемых фразах незначительные: в пределах секунды – терции (2–4 полутона).

3. Локализация частотного максимума во фразе.

Частотный максимум в рассматриваемых модальных разновидностях приходится в основном на последние слоги первых двух слов. Исключением является реализация максимальной высоты на конец фразы в предложениях, выражающих сомнение и оформляющихся незавершенной мелодикой.

4. Уровень частоты основного тона в начале фразы.

Частотный уровень начала фразы во всех рассматриваемых фразах не имеет большого разброса: в пределах секунда – терция (1 – 4 полутона) на уровне 104 – 130 Гц. Данный показатель не является релевантным для сопоставляемых высказываний. Анализ материала выявил общую тенденцию к сужению диапазона от утвердительных высказываний к высказываниям со значением сомнения. Наиболее узкий диапазон соотносится с наименьшим уровнем частотного максимума, наиболее широкий – с максимальным тональным пиком.

5. Интервалы частоты основного тона.

В рассматриваемых предложениях интервал стыка между первыми словами преимущественно положительный, за исключением последнего отрицательного стыка. Данный признак не несет смысло-различительную функцию в модальных разновидностях повествовательных фраз.

Характеристика частотных признаков бурятских повествовательных высказываний показывает, что утвердительные предложения имеют наибольший частотный уровень фразы, средний уровень частоты основного тона, самый широкий диапазон фразы, наибольший интервал стыка.

Б. Характеристика длительности.

1. Среднеслоговая длительность в миллисекундах.

Данные электроакустического анализа показывают, что сред-

неслоговая длительность также не является различительным признаком модальных разновидностей повествования. Она колеблется в пределах 56 – 68 мс.

2. Локализация максимальной и минимальной длительности.

Максимально длительным является гласный первого слога, а также гласные выделенных по смыслу слов лаб, заал наа, усиливающих уверенность сообщения. Общее направление движения интенсивности не дифференцируют коммуникативно-модальные разновидности повествования.

В. Характеристика интенсивности.

1. Общее направление движения интенсивности.

Общее направление движения интенсивности не дифференцирует высказывания по модальности.

2. Локализация максимальной и минимальной интенсивности во фразе.

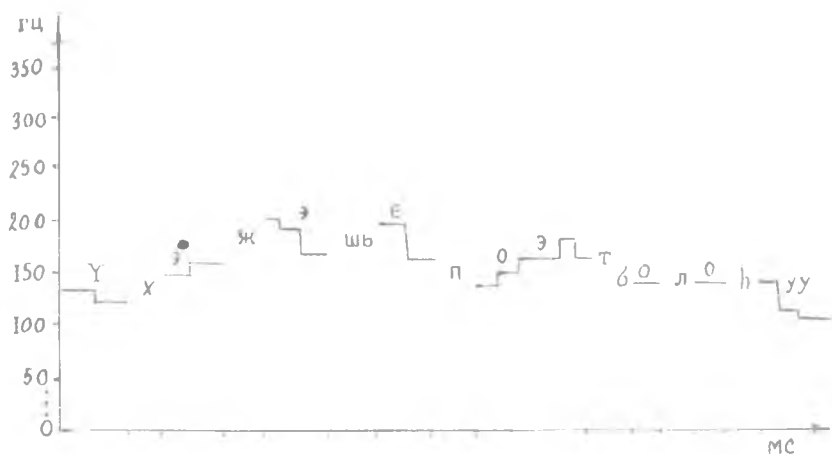
Максимальная интенсивность в проанализированных фразах приходится преимущественно на гласные первых слов. Исключение составляют предложения со значением сомнения, в которых максимум интенсивности приходится на слова, расположенные перед частицами.

Итак, при выражении субъективной модальности степени достоверности ведущая роль отводится словесным и синтаксическим средствам, а роль интонации заключается в усилении выражаемых модальных значений.

Функциональная нагрузка интонации превалирует при выражении второго аспекта субъективной модальности – отношения говорящего к высказываемому в экспрессивно-оценочном плане. В выражении данного аспекта модальности участвуют все интонационные средства: различные интонационные типы, синтагматическое и актуальное членение, темп, пауза, интенсивность, изменение места интонационного центра.

В модальных реализациях интонационных единиц отмечается высокий уровень тона, увеличение длительности, изменение направления движения тона, изменение (усиление) интенсивности. Для высказываний, произнесенных интенсивно, характерен высокий регистр, а для высказываний, произнесенных пассивно, характерен низкий регистр. Например, высказывания (Ямар гэр! и Хэзээ эгнэдээ сэдхэлээ худалгэдэг юм!), взятые из ситуативного контекста, хотя и выражают отрицательную оценку, произнесенные ин-

тенсивно, характеризуются высоким регистром. На рис. 9 дан мелодический график предложения "Ухэжэшье позэ болоуу", выражающего отрицательную (негативную) оценку.

Р и с. 9. Мелодический график предложения Ухэжэшье позэ болоуу даа

Движение основного тона имеет восходяще-нисходящий характер с интонационным центром на середине звуковой оболочки, интервалы подъема и падения значительнее, чем в высказываниях с эпистимической модальностью, темп произнесения убыстренный, интенсивность более ярко выражена.

Интонационное выражение оценочных высказываний в бурятском языке требует специального исследования.

¹ Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. Исследования по русской грамматике // Избранные труды. - М., 1975. - С. 55.

² См.: Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности. - Новосибирск, 1982.

³ Беляева Е.И. Модальность в различных типах речевых актов // Филологические науки. - 1987. - № 3.

⁴ См.: Балагунова С.С. О языковых средствах выражения мо-

дальности в бурятском языке // Грамматическое своеобразие бурятского языка. - Улан-Удэ, 1987. - С. 46-62; Черемисов К.М. К вопросу о модальности в бурятском языке // К изучению бурятского языка. - Улан-Удэ, 1969.

⁵ Пюрбеев Г.Ц. Категория модальности и средства ее выражения в монгольских языках // Вопросы языкознания. - 1981. - № 5; Шевернина З.В. Функционально-семантическое значение модальных частиц в монгольском языке // Вопросы грамматической системы монгольских языков. - Элиста, 1980.

⁶ См.: Русская грамматика. - Ч. П, 1982. - С. 215 - 217.

⁷ См.: Жаргалов А.С. Интонационное оформление коммуникативно-модальных разновидностей общего вопроса в бурятском языке в сопоставлении с русским. - Улан-Удэ, 1986.

ИНТОНАЦИОННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ
ПРОБЛЕМАТИЧЕСКОЙ И КАТЕГОРИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ
В ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

В современном бурятском литературном языке в процессе его исторического развития отработалось значительное количество видов вопросительных высказываний со своеобразными формально-синтаксическими моделями. Анализ вопросительных высказываний в бурятском языке показывает их специфическое языковое оформление, что объясняется исторической изменчивостью языка и его национальной спецификой.

В диалогической речи бурят вызывают несомненный интерес структуры предположительного и удостоверительного вопросов (проблематической и категорической модальности), которые выражаются не только контекстом и ситуацией речи, но и другими лексико-грамматическими средствами, представляющими самые широкие перспективы для изучения модальных значений степени достоверности и недостоверности (эпистемическая модальность).

Эпистемическая модальность представлена двумя разновидностями: проблематической модальностью (предположительной) и категорической модальностью (удостоверительной).

К вопросам проблематической достоверности эпистемической модальности относятся высказывания, целью которых является проверка спрашивающим правильности своего предположения в достоверности знаний. В этих вопросах конституативная обусловленность речи приводит к тому, что вопросительные высказывания в ней могут приобретать дополнительные модальные значения, определяемые структурно-семантическими особенностями предыдущего контекста. Одним из таких модальных значений является предположение:

— Шимни яагааби? ... Кундэ уьэ зүэшни шарлаад байнаб?

Уодэеэ гуш?

(Д. Мункуев)

(- Что с тобой? ... Почему так бледно выглядишь? Заболел?).

В таких вопросах вопросительное значение выступает в ослабленном виде.

В то же время проблематическая достоверность эпистемической модальности в бурятских вопросах выражается специальными модальными квалификаторами:

модальными частицами и словами аабза (кажется, пожалуй); эрээ (по-видимому, вероятно); алтай (должно быть, кажется, видимо); хаяа (поди, вероятно); магад (может); магадгуй (может быть);

сочетанием частиц типа бэшэ гү (кажется); ... - гуй бэшэ аабза (кажется не...) и т.д. Например:

- Байл даа! Энэ хүни хэн ерэбэ гээшэб? Хубуумнай эрээ бэшэ гү?

(Д. Мункуев)

(Услышав гул машины на улице, он спросил:

- Тсс! Кто это ночью приехал? Не сын ли наш приехал?)

Семантический анализ показал, что эпистемическая модальность степени достоверности (проблематическая достоверность эпистемической модальности) в бурятском языке представлена маркированным классом модальных значений.

Категорическая достоверность выражена так называемым удостоверительным вопросом, характеризующимся большей, чем в предположительном, уверенностью. Например:

Баатарай ороходо Дарима столой саана ном уншажа нууба.

Баатар ороод: - Зай мэндэ! Уншана гүбди?

(Когда Батор вошел в комнату к Дариме, та сидела и читала книгу, сидя за столом. Батор поздоровался и спросил: Здравствуй! Читаем?).

Подобные вопросы нельзя отнести к предположительным высказываниям. Высказывания такого вида констатируют уже имевшие место факты или действия, в значительной мере утрачивают свою вопросительность и часто остаются без ответа.

Удостоверительные вопросы в бурятском языке, выражающие категорическую степень достоверности, могут оформляться модальными частицами, модальными словосочетаниями и словами:

а) - Зай тиигээ наа, шимни ошохо болобо гүш?

(Б. Атуттов)

(- Так, значит, и ты собираешься ехать?)

б) - Та ерээ гээшэ гут? (Значит, Вы приехали?)

Следует отметить, что модальные частицы бэзэ, аабза в определенной ситуации выражают категорическую степень достоверности.

В настоящей статье будем рассматривать интонацию как одно из средств выражения проблематической и категорической модальности, так как интонация безразлична к морфолого-синтаксическому строю языка. Иными словами, "фраза в своей интонационной организации представляет взаимосвязь, взаимопроникновение фонетики и лексико-грамматических средств и суперсегментных явлений"¹.

Для полноты и яркости картины интонации в этих вопросительных высказываниях правомерным является рассмотрение каждого параметра в отдельности.

Итак, в статье экспериментально исследуются интонация предположительного (ПВф) и удостоверительного (УВф) вопросов с формальными показателями степени достоверности (ФПСД).

А. Характеристика частоты основного тона (ЧОТ)

Уровень ЧОТ всей фразы

При бинарном сопоставлении уровень ЧОТ всей фразы в ПВф и УВф не показал существенных различий и варьирует приблизительно в одном и том же диапазоне. Только максимальный уровень ЧОТ отмечен в ПВф с модально-вопросительным словом бэшэ аабза (табл. I).

Т а б л и ц а I

Диктор	ПВф			УВф		
	алтай	хаяа	<u>бэшэ аабза</u>	<u>бэшэ гү</u>	тийхэдээ	<u>бэзэ</u>
1	175	171	180	174	174	162
2	172	167	189	181	206	180

Уровни ЧОТ всей фразы в предположительных и удостоверительных вопросах с ФПСД, Гц.

Следовательно, уровень ЧОТ всей фразы в исследуемых вопросах с формальными показателями степени достоверности не показы-

ваает существенных различий, только в УВф со словом тиихэдээ заметен разрыв, но это связано с тем, что важные по смыслу слова выделяются при подчеркивании (в данном случае: Тиихэдээ ошоо гу? (Значит, он уехал?).

Средний уровень ЧОТ в ПВф и УВф с ФПСД не отличается, только в УВф с ФП тиихэдээ (стало быть, значит) выше, а во фразе с ФП бэээ (конечно, безусловно) эта тенденция не проявляется (рис. 1 и 2).

Локализация максимума и минимума ЧОТ в коммуникативно-модальных разновидностях общего вопроса (в ПВф и УВф с ФПСД)

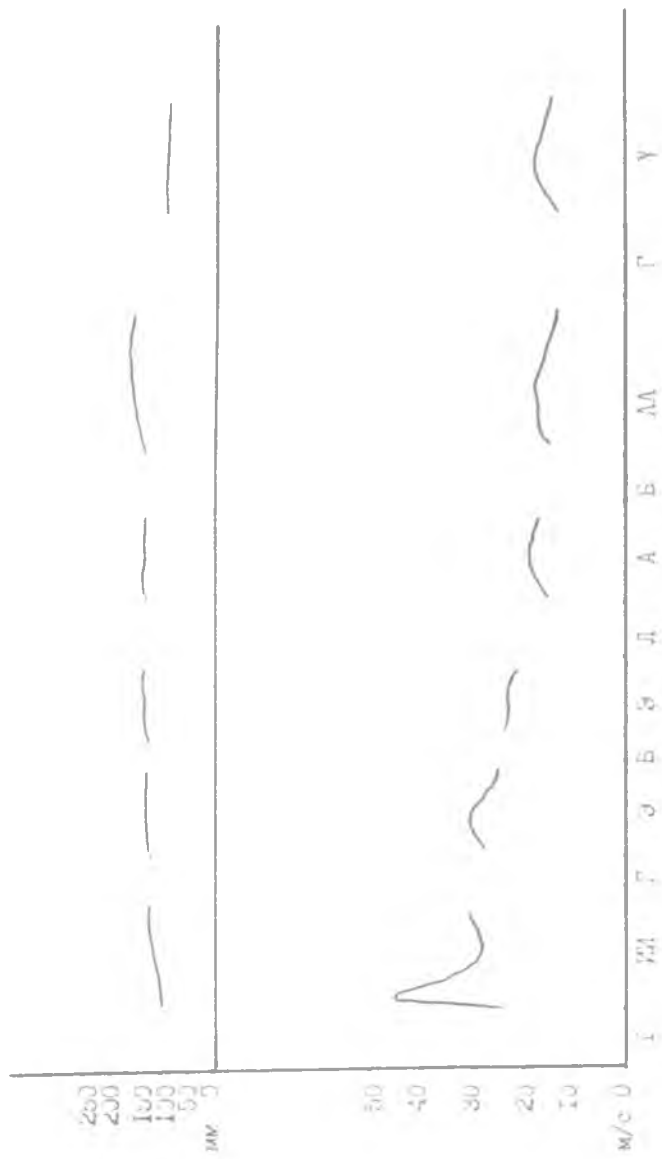
В ПВф и УВф наблюдается тенденция выделять ФП резким подъемом ЧОТ, достигающим максимальных значений как в ПВф, так и в УВф с незначительным падением в конце (как в УВф) или резким падением ЧОТ в конце звучания ФПСД, достигающего минимальных значений (как ПВф) (рис. 3, 4, 5).

В русском языке в отличие от бурятского введение во фразу ФПСД в большинстве случаев не влияет на локализацию максимума ЧОТ в ПВф и на локализацию минимума ЧОТ в ПВф, УВф. Введение во фразу лексико-грамматического показателя удостоверительной степени достоверности в отличие от ПВф не перемещает максимум ЧОТ с ядерного слога на предъядерный, но не на ФПСД, как в бурятском².

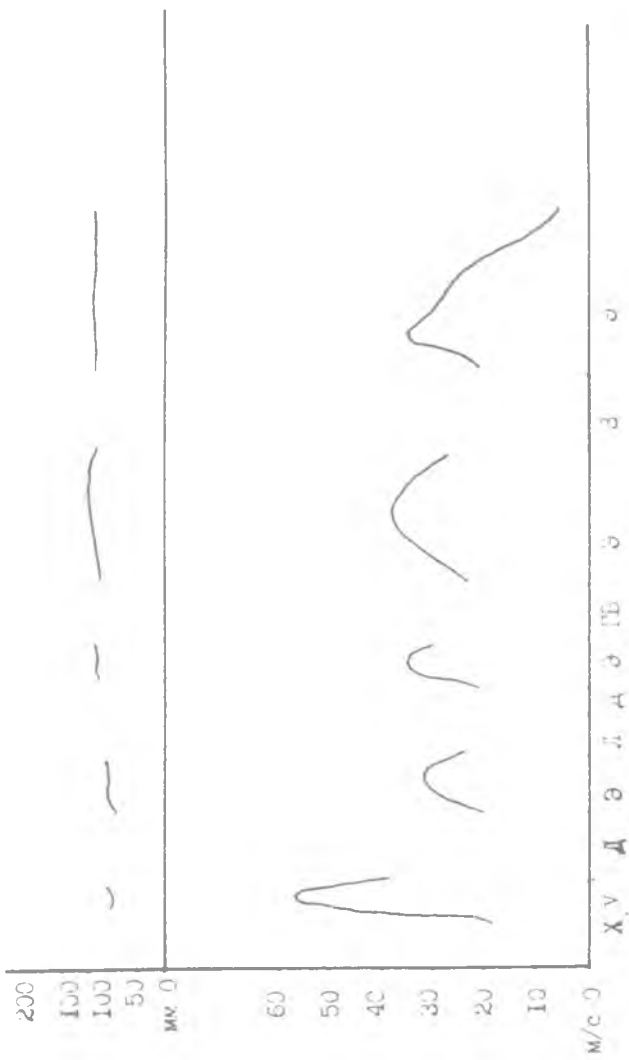
Таким образом, введение ФПСД в структуры фраз в бурятском языке существенно влияет на характер распределения максимума и минимума ЧОТ во фразе, то есть в большинстве случаев перемещает тональный максимум на ФПСД (в ПВф и УВф). Отмечается тенденция перемещения тонального минимума на ФПСД в ПВф (40 % случаев).

Уровень ЧОТ предъядерного слога

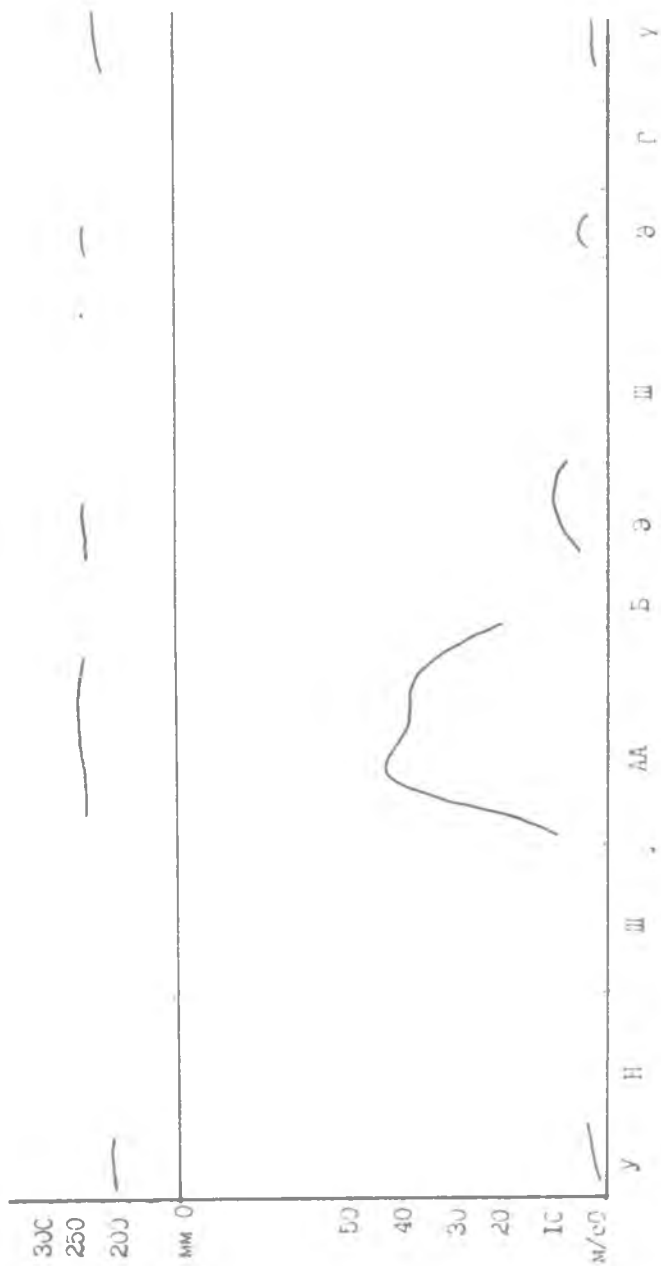
Акустический анализ уровней ЧОТ предъядерного слога при дифференциации интонации ПВ – ПВф и УВ – УВф не дает единой тенденции в характере распределения величины ЧОТ, показывает широкую вариативность интонации в рамках одного значения "предположительность" или "удостоверительность": так в ПВф с формальными показателями хаяа, бэээ гу и в УВф с формальным показателем бэээ уровень ЧОТ предъядерного слога ниже, чем в ПВф

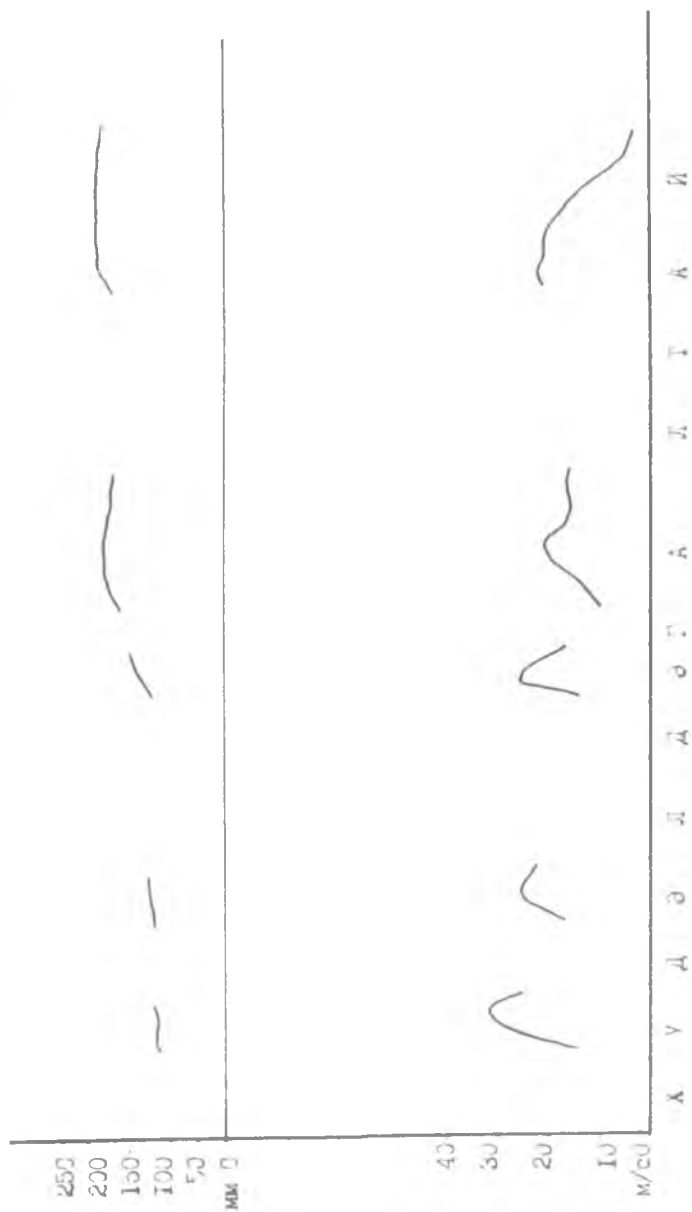
Р и с. 1. Уровень ЧОТ, интенсивности и длительности в УФФ с ФПСД

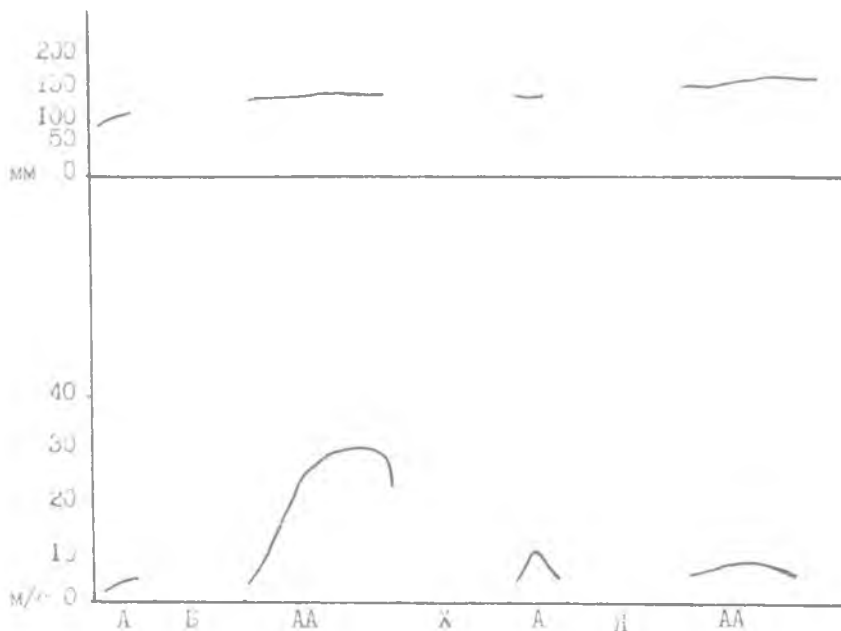
Р и с. 2. Движения ЧОТ, интенсивности и длительности в УВФ с частицей бэза

Р и с. 3. Общая картина движения ЧОТ, интенсивности и длительности в предположительном вопросе с ФПД

Р и с. 4. Уровни ЧОТ, интенсивности и длительности

Р и с. 5. Уровни ЧОТ, интенсивности и длительности

и УВ, а в ПВф с формальным показателем алтай и бэшэ гу и УВф с тиихэдээ интонация обнаруживает широкую вариативность исследуемого признака (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Диктор	ПВ	УВ	ПВф				УВф	
			алтай	хаяа	бэшэ аабза	бэшэ гу	тиихэдээ	бэээ
1	161	164	146	154	181	154	153	143
2	141	162	147	129	191	122	135	146
3	144	142	106	117	132	117	139	116

Величины уровня ЧОТ предъядерного слога в вопросах с формальными показателями степени достоверности в сравнении, Гц.

Уровень ЧОТ ядерного слога

Величина уровня ЧОТ ядерного слога является релевантным признаком при противопоставлении интонации ПВ и ПВф. В русском языке в отличие от бурятского наблюдается обратная тенденция: уровень ЧОТ ядерного слога в ПВф превышает ПВ, то есть $\text{ПВф} > \text{ПВ}^3$.

Таким образом, можно говорить о "подавлении" интонации лексико-грамматическими средствами в бурятском языке по сравнению с русским.

Уровень ЧОТ конца фразы

Акустический анализ показывает, что величина уровня ЧОТ исследуемого признака в ПВф в целом выше соответствующих показателей в ПВ, то есть $\text{ПВф} > \text{ПВ}$ (проверка по t -критерию подтвердила правильность выявленных различий на уровне значимости 0,05-0,10).

Диапазон ЧОТ фразы

Величина диапазонов ЧОТ отражает тенденцию на уменьшение величин анализируемого признака в ПВф. Причем минимальные величины диапазона ЧОТ отмечены в ПВф с составными ФПСД как бэшэ аабза и бэшэ гу (проблематическая модальность).

В УВф (категорическая модальность) в отличие от ПВф данные акустического анализа не позволили выявить однонаправленных изменений в распределении величин исследуемого признака.

Интервал подъема ЧОТ на ядерном слоге

Акустический анализ величин интервала подъема ЧОТ на ядерном слоге показывает, что исследуемый признак в ПВф варьирует от I до 3 полутонов.

А интервал стыка ЧОТ предъядерного и ядерного слогов показал, что исследуемый признак является положительным и колеблется от I до 4 полутонов в ПВф и от I до 3 полутонов в УВф.

Характеристики ЧОТ

на формальных показателях степени достоверности

Величины уровня начала и конца ЧОТ зависят от типа фор-

мальных показателей степени достоверности (ФПСД). В большинстве ФПСД (бэшэ аабза, бэшэ гү, хаяа, алтай, бэээ – проблематическая модальность) уровень начала ЧОТ приблизительно равен уровню конца ЧОТ. Исключение составляет ФПСД тихэдээ – категорическая модальность, где уровень ЧОТ конца выше уровня ЧОТ в начале фразы. Отмечая в современном бурятском литературном языке явную тенденцию в ПВф и УВф на перемещение максимума ЧОТ на ФПСД, можно сделать вывод о том, что для исследуемого языка характерно яркое выделение максимальными частотными признаками модальных слов и частиц в отличие от русского языка, где большинство модальных слов и частиц характеризуется незначительным интервалом подъема/падения ЧОТ. На них локализуется частотный минимум всей фразы, они органично "вписываются" в интонационную структуру высказывания, не выделяются на фоне остальных компонентов фразы⁴.

Особенности выделения частотными характеристиками ФПСД в бурятском языке показали, что они обусловлены:

а) принадлежностью ФПСД к определенному типу степени достоверности: предположительному и удостоверительному (проблематическая и категорическая модальности),

б) принадлежностью формальных показателей степени достоверности к определенному функционально-семантическому разряду модальных слов и частиц.

Направление движения ЧОТ на модальных частицах и словах

В процессе проведения акустического анализа были отмечены следующие формы направления движения ЧОТ на модально-вопросительных частицах:

а) плавно-восходящая или ровная восходящая: алтай (возможно, вероятно, по-видимому);

б) восходяще-нисходящая или ровная нисходящая: хаяа (кажется, видимо, пожалуй), бэшэ аабза (кажется не);

в) зигзагообразная с падением на гү: бэшэ гү (не ... ли);

г) восходящая: тихэдээ (стало быть, в таком случае).

Б. Характеристика интенсивности и длительности

Исследование по характеристикам интенсивности и длительности при выражении проблематической и категорической модаль-

ности в вопросительных высказываниях бурятского языка не показало закономерных изменений. Наличие формального показателя степени достоверности в вопросах является неотъемлемой частью грамматической структуры высказывания и не трансформирует предложения в целом по признакам (интенсивность и длительность).

Таким образом, каждый язык имеет свои специфические лексико-грамматические признаки и средства сегментной организации слова, соответственно функциональная значимость интонации проявляется в каждом из них по-разному.

Экспериментальное исследование показывает, что в бурятском и русском языках для интонации при выражении проблематической и категорической модальности в вопросительных высказываниях важна морфологическая принадлежность слова, с просодическими признаками которого она вступает в тесное взаимодействие, то есть функциональный вес интонации зависит от степени проявления взаимодействующих с нею средств реализации. Интонация, будучи автономной, вступает в тесное взаимодействие и переплетается с грамматическими средствами в современном бурятском языке.

¹ Петрянкина В.И. Межъязыковые различия интонации // Актуальные вопросы интонации. - М., 1984. - С. 113-130.

² См.: Ковалев Ю.В. Интонация коммуникативно-модальных разновидностей общего вопроса в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. - М., 1980. - С. 137-138.

³ См.: Ковалев Ю.В. Там же. - С. 137-138.

⁴ См.: Ковалев Ю.В. Там же. - С. 178-182, 141-142.

ИНТОНАЦИЯ НЕЗАВЕРШЕННОСТИ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

Одной из основных функций интонации является ее синтаксическая функция. Наиболее ярко связь интонации и синтаксиса проявляется при выражении синтаксических значений зависимости /независимости и законченности / незаконченности. С этими значениями связано общеизвестное деление интонационных типов на восходящий и нисходящий.

Восходящий тип мелодики соотносится со значениями незаконченности и зависимости, а нисходящий – со значениями законченности и независимости.

Задачей настоящей работы является рассмотрение интонационных средств выражения незавершенности (незаконченности) в бурятском языке. Поскольку восходящей мелодикой передается не только незавершенность высказывания, но и интонация предложения с однородными членами, сложных предложений с сопоставляемыми частями, то попутно исследуется такой вопрос: "Имеют ли последние самостоятельную мелодическую фигуру, отличную от мелодики незавершенности, или имеют единое интонационное оформление?"

Минимальным речевым отрезком, в котором реализуется связь интонации и синтаксиса, является синтагма. Например, предложение Шубууд дулаан орондо / ниидэн ошобо состоит из двух синтагм. Первая, неконечная, синтагма (Шубууд дулаан орондо) зависима, по смыслу подчиняется второй синтагме (ниидэн ошобо) и произносится восходящим движением тона. Вторая, конечная, синтагма (ниидэн ошобо) реализуется нисходящим движением тона. Характер синтаксических отношений внутри предложения предопределяет выбор того или иного интонационного типа.

При более тесной связи между компонентами высказывания употребляется восходящая мелодика, а при менее тесной связи и относительной самостоятельности в смысловом отношении – нисходящая мелодика.

Далее, выбор определенного интонационного типа определяет характер синтаксических связей между частями предложения: восходящая мелодика передает значение зависимости между ними, а нисходящая мелодика – независимости. Восходящее движение тона сигнализирует о том, что высказывание не закончено и будет продолжено, а нисходящее движение тона передает законченность коммуникации. Так, в предложении Зун болохо, / ойдо ошохобди произнесение первой синтагмы с восходящим тоном определяет отношение зависимости внутри предложения.

На данном этапе изученности просодического материала в бурятском языке смысловая незавершенность частей высказывания передается интонационными единицами: ИК-3, ИК-4, ИК-6^ж. Интонационные типы в повествовании, не выражая смысловых различий, используются как синонимы, но с разными оттенками. В обычной разговорной речи употребляется ИК-3, в дикторской, официальной речи – ИК-4, а при сообщении чего-то торжественного, радостного – ИК-6. Например, Углөөдэр / бидэ Москва ниидэхэмнай. Во время разговора собеседник сообщает, что завтра с семьей летит в Москву (нейтральный стиль). Здесь первая синтагма оформляется с ИК-3, главным повышением основного тона к концу.

При официальном произнесении этой фразы используется иной вариант восходящего тона со слабо выраженным понижением на середине звуковой оболочки неконечной синтагмы (ИК-4). Фраза, произнесенная повышенным, радостным тоном оформляется с ИК-6. Все высказывание отличается от предыдущих более высоким регистром, замедленным темпом произнесения.

Наиболее устойчивыми синтаксическими конструкциями, в которых употребляется интонация незавершенности, являются в простом предложении следующие синтагмы.

1. Неконечные (Сагаан шарайтай үндэр хун / турган гартэ оробо. Удэшын арбанда / бороо орожо эхилбэ. Манай классай эрхим нурагшадны / комсомолдо абаба). При отсутствии заударных слогов в бурятском языке движение тона может иметь двойное положение: плавно восходящее движение тона с высотным пиком в конце или волнообразно восходящее с небольшим понижением в абсолютном конце ударного слога.

В движении интенсивности не наблюдается определенной за-

^ж ИК – интонационная конструкция

кономерности, максимум тяготеет к началу синтагмы. Темп произнесения медленнее, чем в конечной синтагме, первая синтагма выделяется небольшой паузой.

Семантически незавершенные неконечные синтагмы могут произноситься и с ИК-3, и с ИК-4. Эти интонационные средства не содержат смысловозначительной функции, поэтому выражают стилистические различия и употребляются как синонимы.

На рис. 1 представлен мелодический рисунок повествовательного предложения Галуута нуурай эрэдэ, / сагаан талада, / шахта бодонхой. Предложение произносится как трехсинтагменное. В первой, неконечной, синтагме отмечается ровное повышение движения основного тона на большую септиму (II полутонов) с небольшим понижением в полтора полутона на последнем слове.

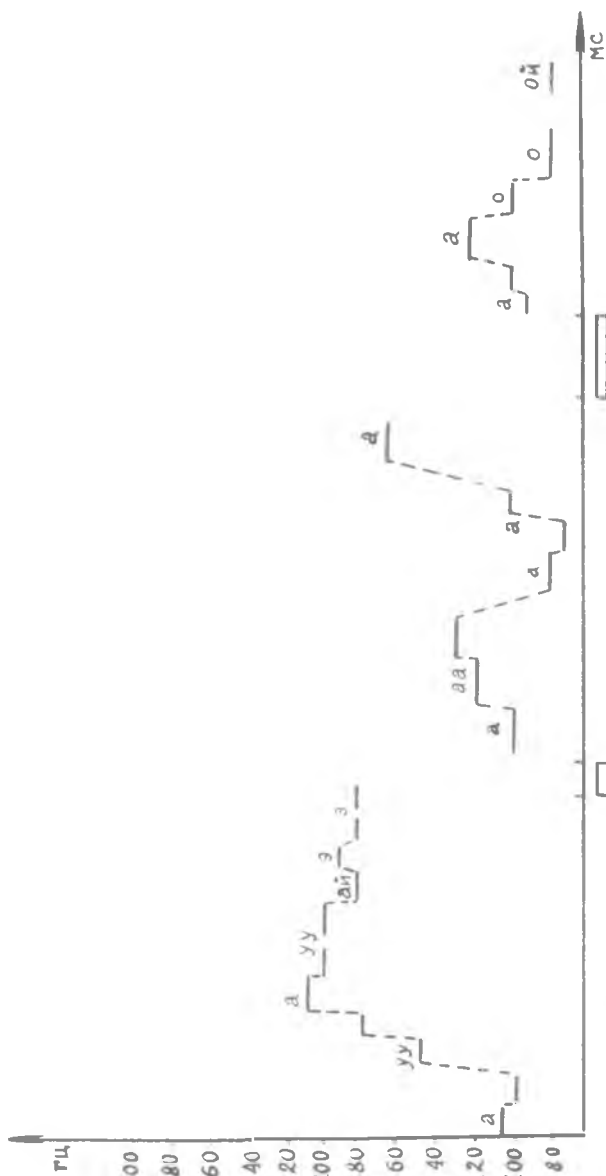
Вторая синтагма, поясняющая первую, также является неконечной и произносится с мелодикой незавершенности (восходящий интервал равен 8 полутонам), хотя по частотному уровню гораздо ниже первой. Последняя синтагма представляет собой нераспространенное двусоставное предложение с нисходящим движением основного тона.

Итак, для мелодики незавершенности характерен высокий и ровный тон на ударных слогах синтагм.

2. Синтагмы с однородными членами. При перечислении употребляются различные типы интонационных конструкций (ИК). Выбор интонационных единиц зависит от контекста и отношения говорящего к высказыванию. Члены перечисления, как правило, выделяются в отдельную синтагму и произносятся с мелодикой незавершенности, за исключением последнего члена, который подчиняется закономерностям мелодики всего предложения. Если же однородные члены более самостоятельны в смысловом отношении, то возможно употребление мелодики завершенности. Например, Намда булта харагдажа байба: голнууд, нуурнууд, таряалан, ой модон.

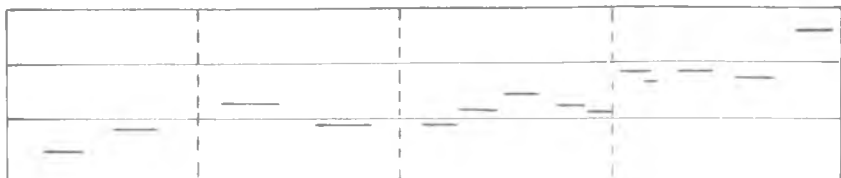
Манай конференцида олонхи городуудьяа эрдэмтэд ерэбэ: Москва⁴аа, Ленинград⁴аа, Новосибирск⁴ээ, Ирхуун⁴ээ. Тэдэнэр модо зөөнэ, халца, сомоно.

Однородные члены оформляются тем же мелодическим рисунком, что и незавершенность, то же восходящее движение тона от начала синтагмы к концу, только небольшой частотный диапазон, интервал общего повышения на первых членах перечисления в пре-

Р и с. 1. Мелодический график предложения Галуута нуурай эрьедэ, сагаан талада, шахта
 содонхой

делах терции, на последних - от квинты до септими. Надо отметить, что предупредные слоги относительно монотонны. Все однородные члены произносятся с относительно одинаковой длительностью и равным темпом. Ниже дается графическое изображение мелодии только однородных членов предложения Манай колхоздо элдэб машинанууд: трактор, / комбайн, / автомобиль, / экскаватор - бии болонхой.

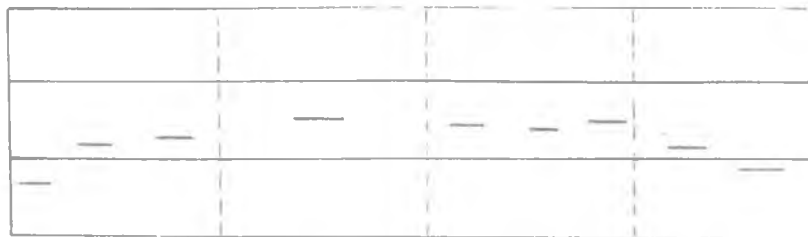

... трактор, комбайн, автомобиль, экскаватор...

Из графика видно, что общее повышение тона усиливается после первых членов перечисления.

3. Синтагмы, выражающие противопоставления и сопоставления. Например, хураанан - далай, хураагүй - балай. Эрхне хуранхаар, бэрхне хура. Аяга сай - эдээнэй дээжэ, "А" үзэг - эрдэмэй дээжэ. В данных предложениях первый член противопоставления оформляется восходящей мелодикой, второй - нисходящей. В отличие от мелодики незавершенности в движении тона отмечаются незначительные перепады, низкий частотный уровень, темп произнесения первого члена более медленный, чем темп второго.

Восходящее движение тона в первой части сопоставления показывает незавершенность высказывания и обычно оформляется с ИК-3, ИК-4. При ИК-3 отмечается восходящее движение тона с высотным пиком на гласном первого слова. После высотного пика основной тон, понизившись на 2 - 5 полутонов, сохраняет в одних случаях монотонность, а в других отмечается небольшой спад в абсолютном конце. При употреблении ИК-4 наблюдается восходяще-нисходящее движение тона в абсолютном начале звучания, а на остальной части сегментного отрезка повторяется тот же мелодический рисунок, что и в ИК-3. Максимальная интенсивность приходится на начало предложения.

Аяга

сэй

элезнэй

дээжэ

Итак, неконечное расположение в предложении и смысловая зависимость синтагм в простых предложениях предопределяет выбор мелодики незавершенности: на последнем слоге синтагмы, являющемся ударным, происходит повышение тона.

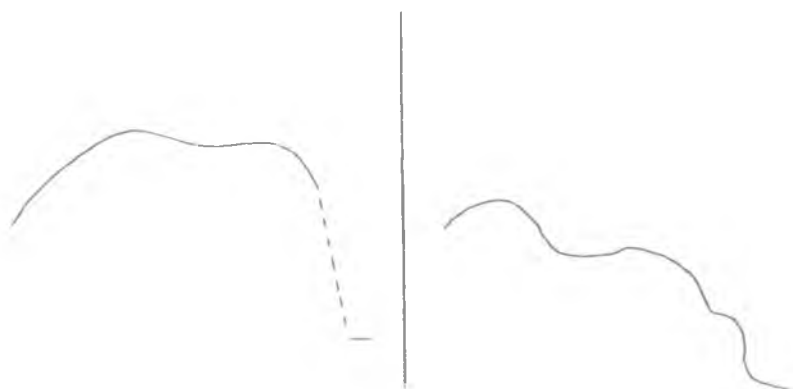
Интонационное оформление частей сложного предложения зависит от типа связи между ними и синтаксического строя предложения. При более тесной связи и смысловой зависимости между частями сложного предложения употребляется интонация незавершенности. Она может оформлять сложносочиненные предложения: 1) при выражении значения последовательности и результативности действия: Шоно унэгэн хоёр харайлдашаба, тийхэдэнъ зарья унэгэнэй Һуулдэ аьалдашаба; 2) при противопоставлении и сопоставлении: Минии аха Москвада Һурадаг, би - Улан-Удэдэ. Хада хадатаяа уулзахагуй, харин хун хунтэээ уулзадаг.

Подобные предложения имеют оттенок значения следствия. Простые предложения в составе сложного выделяются в отдельные синтагмы, пауза между предложениями большая, темп произнесения второй части более медленный, первая синтагма расположена на относительно высоком уровне.

Приведем конкретное описание наиболее типичного следующего предложения: Шоно унэгэн хоёр харайлдашаба, тийхэдэнъ зарья унэгэнэй Һуулдэ аьашаба. Все предложение произносится как двусинтагменное. Основной тон в первой синтагме при начале ее на высоком уровне выдерживается на этом уровне и лишь на исходе последнего слова на участке сказуемого значительно понижается в пределах дуодецимы (19 полутонов).

Резкий перепад в мелодике происходит на последних двух слогах: из общего интервала понижения на этот участок приходится 16 полутонов. Между синтагмами отмечается большая пауза, ин-

тервал стыка положительный, в пределах малой септумы (10 полутонов). Большая интенсивность приходится на первую синтагму темп произнесения более убыстренный по сравнению со второй. Схематически общий рисунок движения тона во всем предложении можно изобразить следующим образом:

I синтагма

II синтагма

Итак, при определенных условиях в зависимости от контекста связь между частями сложносочиненного предложения может быть более тесной. В таких случаях используется мелодика незавершенности.

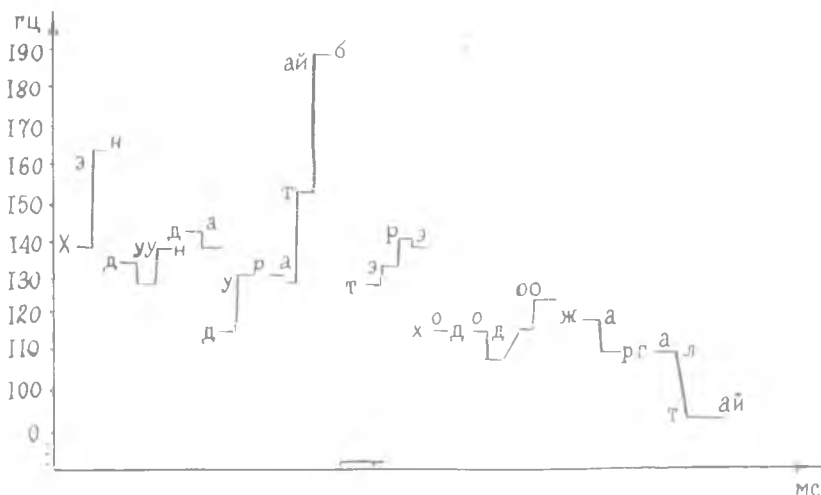
Тесную смысловую и грамматическую связь между частями сложноподчиненного предложения наряду с синтаксическими средствами (союзы, местоимения и наречия) выражает интонация. Наиболее общим интонационным средством объединения частей сложноподчиненного предложения является использование мелодики незавершенности в первой части предложения.

В бурятском языке, как правило, все придаточные предложения расположены впереди главного и характеризуются тесной связью с главным. Более тесная связь отмечается в предложениях с придаточными субъектными, объектными, определительными, временными и т.д., поясняющими какой-нибудь член главного: Хэн дуунда дуратай^{3/4}, / тэрэ ходоодо жаргалтай. Ямар шүлэг уншаа^{3/4}би, / тэрэнээ уншы^{3/4}. Хэн юу хэлэнэ^{3/4}, / тэрэниие үргэ аман болгоод ябаг-

шабши. Базар хэзээ ерэхэ нэм, тэрэл сагтаа ерэнэл бэээ. Тэдэ-
нэй Һанаанда таарама байдал тухээрхэ гэжэ / бодоно.

Неконечные, семантически незавершенные синтагмы в назван-
ных предложениях характеризуются более высоким уровнем произне-
сения или постепенным повышением тона на последних слогах. Меж-
синтагменные паузы незначительные, интервал стыка в мелодике от-
рицательный. Например, предложение Хэн дуунда дуратайб, / тэрэ
хододоо жаргалтай произносится как двухсинтагменное. Первая син-
тагма, являющаяся придаточным субъективным, начинается с отно-
сительно высокой точки на подлежащем, затем понижается на общий
интервал большая секта (9 полутонов).

На интонационном центре неконечной синтагмы, на последнем
слоге слова дуратайб происходит резкое повышение тона с после-
дующим внутрислоговым повышением тона в пределах чистой октавы
(12 полутонов). К началу второй синтагмы основной тон опять па-
дает до уровня предцентра (рис. 2).

Р и с. 2. Мелодический график предложения Хэн дуунда ду-
ратайб, тэрэ хододоо жаргалтай.

Роль интонации усиливается в бессоюзных сложных предложениях, где отсутствуют формальные показатели характера связи между частями. Если степень связи между частями в смысловом отношении тесна, то при оформлении первой синтагмы употребляется мелодика незавершенности. С мелодикой незавершенности произносятся бессоюзные условные, уступительные, предложения причины, следствия.

Различительные возможности интонации проявляются прежде всего на стыке частей: более высокий частотный уровень, интонационные признаки в бессоюзных предложениях имеют более яркую картину, большие мелодические интервалы, увеличение длительности пауз, разный темп произнесения частей сложного.

Таким образом, при выражении незавершенности (незаконченности) употребляются следующие интонационные средства: тип мелодики, локализация интонационного центра, синтагматическое членение. Определен конкретный круг синтаксических структур, где употребляется интонация незавершенности.

Анализ материала показал, что во всех рассмотренных предложениях употребляется мелодика незавершенности.

О СООТНОШЕНИИ ДЛИТЕЛЬНОСТИ И ИНТЕНСИВНОСТИ ЗВУКОВ
В ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ФРАЗАХ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Интонация, служащая для выражения смысловой и экспрессивной стороны речи, — это наиболее сильное синтаксическое средство. Л.В. Щерба допускал, что утрата флексии в разных языках может объясняться тем, что "самым могучим средством выражения связи между словами и группами слов является "интонация"¹.

Интонация служит обязательным средством реализации вопросительного значения. Формальными средствами выражения этого значения могут быть нулевое оформление, вопросительные слова и частицы, которые в свою очередь могут использоваться как в "чистом" виде, так и в различных комбинациях между собой. Важно, что два момента являются стержнями при классификации различных видов вопросительного предложения с точки зрения интонационного анализа: выделение характерных признаков интонаций; взаимодействие интонационных признаков и особенностей синтаксического строения предложения².

Интонация, оформляя вопросительное предложение, находится в тесном взаимодействии со всеми формальными средствами вопросительности. В этом случае действует закон взаимокомпенсации, выдвинутый А.М. Пешковским, согласно которому, "чем яснее выражено какое-либо синтаксическое значение чисто грамматическими средствами, тем слабее может быть его интонационное выражение (вплоть до полного исчезновения), и наоборот, чем сильнее интонационное выражение, тем слабее может быть грамматическое (тоже до полного исчезновения)"³.

Экспериментально-фонетическая проверка принципа М. Петером и Т.М. Николаевой в общих чертах подтвердила это положение. Но Т.М. Николаева⁴ вводит существенное уточнение в этот принцип, предлагая различать "компенсацию" и "замену". При послед-

ней происходит некоторый семантический сдвиг*.

В основе традиционного деления вопросительных предложений по формальным признакам, то есть группировки их на общие (неместоименные) и специальные (местоименные), лежат семантический и формально-морфологический критерии. Общевопросительные предложения, как известно, направлены на получение информации о ситуации в целом. Частновопросительные же предложения содержат вопрос о какой-либо стороне дела. Одними из употребительных средств оформления вопросительных предложений калмыцкого языка являются специальные вопросительные частицы⁵.

Частицы у/у, ба/бе, б оформляют предложения с наиболее общим универсальным вопросительным значением, частица ый/ий, й привносит в общее значение оттенок "приглашения к действию". Бурятские вопросительные частицы, кроме гү, "...придают предложениям эмоциональное значение"⁶. В монгольском языке также "в подавляющем большинстве случаев оттенок вопросительного предложения выражается морфологически - путем добавления к глаголам или именным словам дополнительных вопросительных частиц"⁷.

В частновопросительных предложениях ответ всегда будет на вопросительное слово, поскольку оно всегда является носителем ремы предложения. Однако интонационное выделение не всегда совпадает с ремообразующим членом предложения. По мнению И.Е.Алексеева, "интонационная выделенность финали предложения семантически связана с ремой по своей вопросительной постфиксации"⁸. Проиллюстрируем схематические мелодемы:

Схематические модели повествовательных (а) и вопросительных (б) предложений.

Завершенная интонация характеризуется восходяще-нисходящим

* О распределении значения вопросительности во фразах, оформленных разными средствами, см.: Есенова Т.С. О полезных признаках при различении типов интонации (экспериментально-фонетическое исследование на материале калмыцкого языка) // Проблемы филологических исследований. - Л., 1980. - С. 118.

движением тона с преобладанием нисходящей ветви. При этом начало звучания происходит в областях, расположенных ниже средней индивидуальной дикторов, в конце тон понижается и может достичь среднего минимального значения частоты основного тона. Движение тона в вопросительных предложениях в целом восходящее.

Значение частоты в конце фразы значительно превосходит значение средней индивидуальной и, как правило, приближается к среднему максимальному значению. Подобная картина характерна и для современного бурятского языка: "Мелодический рисунок носит восходяще-нисходяще-восходящий характер, причем максимальной частотой основного тона характеризуется в большинстве случаев последний слог в сказуемом"⁹.

Об особенностях движения частоты тона в вопросительных предложениях, оформленных разными средствами передачи вопросительного значения, автор сообщал на II Всесоюзной конференции "Исследования звуковых систем языков аборигенов Сибири и сопредельных регионов". В настоящей статье анализируются два других параметра интонации – интенсивность и длительность. Рассматривается характер распределения их значения в вопросительных предложениях калмыцкого языка.

В основу описания интонации зарубежных фонетистов положена мелодика, вследствие чего они упускают другие компоненты интонации, сложным взаимодействием которых создается смысловое и интонационное единство любой фразы. Л.В. Щерба прямо возражал против того, что "некоторые ученые сужают понятие интонации до понятия "речевой мелодики". Сам он включал в понятие интонации изменения не только высоты голоса, но и силы звука (интенсивности), а также тембр голоса и паузу"¹⁰.

Под длительностью как компонентом интонации подразумевается скорость произнесения тех или иных отрезков речи, что является содержанием термина "темп". Как показывают некоторые экспериментально-фонетические исследования, темп произнесения связан с содержанием высказывания, с функцией соответствующих слов. Замедление темпа может характеризовать завершение высказывания¹¹.

Для фонетистов, занимающихся интонацией, важно влияние интонационного типа предложения на среднюю длительность звука во фразе. Длительность является менее информативным компонентом интонации по сравнению с мелодикой. На распределение звуков во

фразе очень часто влияют не интонация, а эмоции. В целом распределение длительности звуков во фразе зависит от ее структуры, качества звуков, входящих в состав фразы, и очень часто — от эмоциональных и субъективных причин.

Л.В. Златоустова показала, как сильно влияет позиция слова во фразе на распределение длительности звуков. Так, длительность гласного абсолютного начала ритмической структуры в 89 % случаев больше длительности гласного ударного слога. В случае же прикрытого начала ударный гласный в 90 % случаев длиннее гласного начала структуры. Как открытый, так и прикрытый гласный первого предударного слога в 96 % случаев обладает меньшей длительностью, чем гласный ударного слога¹². Нами был рассмотрен один из факторов влияния на среднюю длительность звука — интонационный тип предложения (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Относительная длительность гласных
в предложениях с разным типом интонации, мм

Тип интонации	Относительная длительность звука	Средняя относительная длительность звука диктора
Завершенный	I, II	
Вопросительный	0,9	I

Хотя разница в относительной длительности звуков не очень ярко выражена, тем не менее можно заметить тенденцию увеличения относительной длительности звуков при завершённой интонации. Меньшая относительная длительность связана с восходящей мелодикой. Следует также отметить, что при вопросительном типе интонации относительная длительность звука короче средней относительной длительности звука диктора.

В связи со слабовыраженностью и неясностью характера ударения в калмыцком языке, а также неясностью, какой из гласных в слове более выделен, а какой — менее, нами сравниваются гласные одного качества, находящиеся в разных местах фразы (табл. 2). С фонологической точки зрения, наиболее важными во фразе являются гласные начала и конца, изменение их длительности в сторону увеличения или сокращения.

Средняя абсолютная длительность гласных
в начале и конце предложения, мм

Тип интонации	Начало	Конец
	предложения	
Вопросительный	88,7	107
Завершенный	91,0	112

Анализ показал, что в вопросительном предложении разница в длительности не очень велика, в то время как для повествовательных характерна большая длительность гласных конца предложения по сравнению с длительностью гласных начала предложения. Часто разрыв в длительности оказывается значительным. В целом можно заключить, что средняя длительность звуков в предложениях, оформленных завершённой интонацией, больше, чем в вопросительных, что объясняется различной степенью интонационной расчленённости этих типов высказываний. При вопросительной, как и при завершённой интонации гласные конца предложения имеют большую длительность по сравнению с длительностью гласных начала.

Интенсивность, как компонент интонации, рассматривается довольно редко. Это, по мнению Н.Д. Светозаровой, связано с тем, что "динамический компонент интонации рассматривается при анализе ударения или акцента"¹³.

Данные интенсивности отражают особенности ритмической и звуковой структуры предложения, а также свидетельствуют о качестве гласного, его месте в слове и предложении. Так, "интенсивность структуры, находящейся в позиции конца фразы, была меньше во всех компонентах по сравнению со структурой позиции начала фразы. Эта закономерность, связанная с характером фразового движения интенсивности, отмечалась неоднократно"¹⁴.

Интенсивность одновременно заключает в какой-то мере информацию об интонационной особенности высказывания, интонационном типе предложения. Большой диапазон варьирования этого параметра в речи даёт возможность использовать его для передачи разнообразной информации. Вместе с изменением длительности градация интенсивности участвует, в частности, в выражении степени важности элементов высказывания и в создании цельности интонационных единиц.

Многочисленные экспериментально-фонетические исследования динамической организации высказывания показали, что общий контур движения интенсивности во фразе – нисходящий, от начала к концу высказывания наблюдается постепенное понижение общего уровня интенсивности.

Н.Д. Светозарова полагает, что "базисный динамический контур, определяемый общими особенностями речеобразования, будет плавно нисходящим"¹⁵. На табл. 3 иллюстрируются средние относительные значения интенсивности гласных одного качества в начале и конце предложения, оформленных восходящей и нисходящей мелодикой.

Т а б л и ц а 3

Средняя относительная интенсивность гласных
в начале и конце предложений, мм

Типы интонации	Начало	Конец	Схематическое изображение
	предложения		
Вопросительный	0,82	0,89	
Завершенный	0,78	0,53	

Рассмотрение зависимости средней относительной интенсивности гласного начала предложения от типа мелодики показало, что более высокое значение средней относительной интенсивности гласных начала наблюдается в повествовательном предложении.

Анализ зависимости средней относительной интенсивности гласных конца предложения от типа мелодики свидетельствует о том, что более высокие значения относительной интенсивности характерны для вопросительной интонации. Вместе с тем достаточно уверенно можно говорить о том, что заметна тенденция к уменьшению значения относительной интенсивности гласных конца при завершённой интонации. Иными словами, в повествовательном предложении происходит наибольшее падение интенсивности от начала к концу.

Что же касается вопросительной интонации, то более высокие значения относительной интенсивности расположены в конце предложения и более низкие – в начале. Э.И. Бюраевой показано, что

"в ритмомелодамах общевпросительных предложений максимум интенсивности имеет общую тенденцию проявляться на последних слогах этих мелодем"¹⁶, правда при этом делается небольшая оговорка: "Распределение максимумов интенсивности, недостаточно четко выраженное, имеет общую тенденцию к локализации на последнем слоге"¹⁷.

Изучение расположения максимума относительной интенсивности в калмыцком предложении свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве случаев максимум интенсивности обнаруживает стремление к началу предложения. В вопросительном предложении очень часто появляется второй максимум интенсивности, сосредоточенный, как правило, в финальной части предложения. Особенно ярко названная закономерность проявляется в повествовательных предложениях.

Таким образом, можно заключить, что распределение динамических характеристик во фразе происходит следующим образом.

1. В вопросительных предложениях более высокие значения относительной интенсивности расположены в конце предложения, в то время как в предложениях с нисходящей мелодикой происходит понижение интенсивности к концу, свойственное речи в целом.

2. Значения средней относительной интенсивности звуков в вопросительном типе интонации более высокие по сравнению с интенсивностью звуков в повествовательных предложениях.

3. Максимум относительной интенсивности стремится к началу предложения; второй максимум интенсивности, часто появляющийся в вопросительном типе, локализуется в финальной части фразы.

Для вопросительной интонации характерны более высокие значения интенсивности и низкие – длительности. Она создается следующим распределением значений длительности и интенсивности в пределах фразы: гласные начала имеют большую длительность и меньшую интенсивность; гласные конца предложения имеют более высокие значения интенсивности и низкие длительности.

Мелодика, передающая связность – несвязность текста, содержащая информацию о том, закончен акт коммуникации или нет, в вопросительных предложениях, имеет в целом повышающуюся структуру. Восходящая мелодика свидетельствует о дальнейшем продолжении общения, в то время как нисходящая – об окончании. Глобальность функции мелодики дает основание считать, что "именно ме-

лодика есть наиболее "синтаксический" компонент интонации, ориентированный на демонстрацию связности высказываний в пределах коммуникативного акта"¹⁸.

Если с временными различиями связывают значские более важного - менее важного, то динамические характеристики членят текст на отдельные фразы с помощью акцентного контура, имеющего, как правило, повышенное начало и пониженный конец.

Интенсивность безразлична к синтаксическим связям синтагм (на что реагирует мелодика) и к их семантическим связям (их в основном осуществляют временные характеристики)¹⁹. Стремлением интенсивности к определенному контуру: (завершенность) и (вопрос) создается цельность высказывания, ее законченность.

¹ Зиндер Л.Р., Маслов Ю.С. Л.В. Щерба - лингвист-теоретик и педагог. - Л., 1982.

² См.: Брызгунова Е.А. Основные типы интонационных конструкций и их употребление в русском языке // Русский язык за рубежом. - 1973. - № 1. - С. 76.

³ Пешковский А.М. Интонация и грамматика // Избранные труды. - М., 1959. - С. 181.

⁴ См.: Николаева Т.М. "Принцип замены" Пешковского и отдельные компоненты интонации // Вопросы фонетики и обучения произношению. - М., 1975.

⁵ См.: Зиндер Л.Р. Общая фонетика. - М., 1979.

⁶ Бюраева Э.И. Ритмомелодика простых нераспространенных предложений бурятского языка. - Улан-Удэ, 1978. - С. 59.

⁷ Галсан С. Сопоставительная грамматика русского и монгольского языков. - Улан-Батор, 1975. - Ч. 1. - С. 87.

⁸ Алексеев И.Е. Вопросительное предложение в якутском языке. - Якутск, 1982. - С. 35.

⁹ Мохосоева М.М. Мелодика вопросо-ответных предложений в бурятском языке // Исследования по бурятской филологии. - Улан-Удэ, 1978. - С. 81.

¹⁰ Зиндер Л.Р., Маслов Ю.С. Указ. работа. - С. 58.

- 11 См.: Зиндер Л.Р. Общая фонетика. - М., 1979. - С. 276.
- 12 См.: Златоустова Л.В. Фонетические единицы русской речи. - М., 1981. - С. 24.
- 13 Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. - Л., 1982. - С. 50.
- 14 Златоустова Л.В. Указ. работа. - С. 26.
- 15 Светозарова Н.Д. Указ. работа. - С. 156.
- 16 Бюраева Э.И. Указ. работа. - С. 124.
- 17 Там же. - С. 127.
- 18 Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. - М., 1977. - С. 14.
- 19 См.: там же. - С. 15.
-

ПОЗИЦИОННАЯ ЗАКРЕПЛЕННОСТЬ УДАРЕНИЯ
В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

Природа и место ударения в монгольских языках вызвали спор у специалистов до тех пор, пока не нашелся синкретический подход к нему: о главном ударении на первом слоге и второстепенном – на последнем¹. Однако в последнее время это, ставшее привычным, компромиссное решение бурятоведами стало подвергаться сомнению. Появилось даже мнение об отсутствии ударения в бурятском языке, которое неизвестно чем бы компенсировалось².

Представляется, что спор может идти только вокруг того, в какой позиции наличествует ударение (конечной / неконечной, первой / непервой), а также вокруг подвижности / неподвижности его. В экспериментальных работах по хоринскому диалекту бурятского языка на материале как изолированных, так и синтаксически связанных словоформ было выявлено музыкальное ударение в языке, локализуемое на последнем слоге³. Позиция последнего слога относительно акцента стабильна, то есть независима от количества слогов.

Здесь правомерен вопрос, как ведет себя ударение при наращении слова суффиксом. Это наращение сопровождается позиционным процессом. Позиционный процесс для бурятского ударения заключается в "перемещении" его с односложного слова на второй слог (последний) двухсложного, со второго слога двухсложного слова на третий (последний) слог, то есть в линейной последовательности.

Процесс перемещения ударения завершается с окончанием наращения основы. Например, ба (союз и), бага (малый), багада (малому), багадаха (недоставать), багадахада (когда станет тесным), багадахаданьше (даже когда станет тесным). Однако на слух оно почти неуловимо, поэтому необходима верификация данного тезиса на возможно большем количестве материала и разными методами.

Многолетние наблюдения над устной речью бурятских билингов позволили нам использовать в бурятской акцентологии традиционно не характерный материал: заимствования, композиты, антропонимы, топонимы. Сравнение ономотологического материала двух взаимодействующих языков может дать возможность восстановить их слоговой акцент. Интенсивный процесс заимствования и срастание основ под влиянием русского языка дают пищу для размышления над современным состоянием бурятской акцентуации.

Целью данной статьи является проверка на истинность утверждения о наличии и месте ударения в бурятском языке на этом "периферийном" для просодики материале путем наблюдений и сопоставлений.

Бурятские заимствования в русском языке, имеющие одни только краткие гласные в слогах, сохраняют конечное, но несколько модифицированное ударение. Видимо, русское ухо перцептивно улавливает музыкальную выделенность финального гласного, которая, качественно перевоплощаясь, переходит в разряд количественно-динамического ударения (артикуляционно). Например, бур. адли¹ - русск. адали (точь-в-точь); бур. тараг - русск. тарак (простокваша); бур. тэхэ - русск. тэхэн (козел); бур. хусá - русск. куцан (баран); бур. хашараг - русск. качерик (двухгодовалый теленок); бур. бадан - русск. бадан (бот.); бур. хатар - русск. хатар (танец); бур. дахин - русск. даки (опять); бур. дуган - русск. дуган (молеельня); бур. добо - русск. добун (холм.); бур. гутал - русск. гутул (унты); бур. харганá - русск. карагана (бот.); бур. ганса - русск. ганза (курительная трубка); бур. дасан - русск. дацан (буддийский храм).

В русском языке бурятские заимствования, несмотря на наличие в исконном варианте в неконечных слогах долгого гласного / дифтонга, сохраняют конечное ударение. Бур. дааган - русск. даган (лончак); бур. айраг - русск. айрак (молочный напиток); бур. Бургаанан - русск. Бургасы; бур. Шулдута - русск. Челутай; бур. Байгал - русск. Байкал; бур. Хуйтэн - русск. Куйтун; бур. хайнаг - русск. хайнак (помесь тибетского яка с монгольской коровой).

В бурятских антропонимах, произнесенных на русский лад, происходит частичное видоизменение вокальной оси, иногда даже нарушающее подъем и рядность гласных, а бурятское музыкальное ударение трансформируется в длготно-силовое, сохраняя свою финаль-

но-слоговую локализацию. в русском произношении антропонимов некоторые согласные замещаются соответствующими эквивалентами: б - п, г - к, с - ц, ш - ч. Сказанное проиллюстрируем следующими примерами:

антропонимы с твердоярдыными гласными

по-бурятски	по-русски
Базар	Базыр
Сандаг	Сандык
дашабал	Дашпил
Бата	Бато
доржо	доржи
Санжа	Санжи
шагжа	шагжи
Гоншог	Гончик
ашата	Ачитуй
добшон	добчин
Митаб	митып
шиираб	ширап

антропонимы с мягкорядными гласными

по-бурятски	по-русски
Сэмжэд	Цымжит
Сэбэг	Цыбик
Сэдэн	Цыден
шэмэд	Чимит
шшэ	шши
лудэб	лудуп
Рэгзэн	Рэгзэн
Хэшэгтэ	хишикто
Бургэд	Бургит
дэлэг	дылык
Мунхэ	Мунко
Уурхэн	Урхаан

Как известно, в бурятском языке отсутствует корреляция имен существительных по родам. Только в последнее время, в период активного двуязычия, стали появляться женские имена, образованные из мужских с помощью суффиксов а-, -аана- (-оона-, -ээнэ-). в этом случае музыкальное ударение переносится на последний слог. в данных антропонимах-новообразованиях ударный элемент "бывших" патронимических имен трансформируется в безударный долгий гласный предпоследнего слога: Сурээна от Сурэн, Гумээна от Түмэн, Чимиита от Чимит, Рэгээна от Рэгзэн, Эржээна от Эржэн, Саяана от Саян, Цицироона от Цицирон и т.д. если брать аналогичную модель русского языка, то передвижение ударения не происходит: валентин - валентина, Серафим - Серафима, валерий - валерия, Александр - Александра, евгений - евгения и т.д.

С точки зрения акцентуации примечательно образование некоторых бурятских фамилий с конечноударной русской огласовкой: Базарон, ширабон, Дондубон, Будажабэ, Данзанэ, Галсанэ, Ладаха-

нэ, Бадмайн, Дабайн, Бадлин, Будаин, Батожабай, Гомбожабай, Дондогой и т.д. Если подходить по закону бурятской акцентуации, ударение стоит вроде бы там, где ему положено, но оно русское.

В некоторых отчествах-новообразованиях типа Мункич, Будич, образованных от имен Мунко, Буда и являющихся морфологическими дублетами традиционных Мункоевич, Будаевич, ударение переносится на неконечный слог, что не характерно для бурятской акцентуации. Отсюда можно попутно заключить, что у бурят фамилии и отчества образуются по закону русского языка, а имена же могут быть образованы как по бурятскому, так и по русскому образцу.

В приведенных антропонимах акустическое оформление ударности в финали соответствует конечнодолготной огласовке бурятских имен в звательной и утвердительной интонациях с эмфатической долготой: нээ, Батээ! – Эй, Бато! Тэрэш Батаа! Здесь мы имеем дело с просодическими омонимами, употребленными в разных ситуациях. Как явствует из примеров, вокалический ряд выдерживается не всегда, что, видимо, диктуется фонетическими законами конкретного языка. Нарушение гармонии гласных, наблюдаемое в заимствованиях из бурятского языка, по нашему мнению, неизбежно влечет за собой трансформацию сингармонических начал в другой просодический параметр – ударение, подкрепленное тональным акцентом в искомом языке.

В бурятском языке нарушение сингармонизма сопровождается компенсацией, заключающейся в постепенном, почти дискретном повышении основного тона по вокальной оси к концу словоформы. Максимум такого дизяного движения маркирует окончание словоформы, тем самым выполняя словообразовательную, словоразграничительную функцию. Таким образом, эти две сопоставляемые просодические "фонемы" (сингармонизм и ударение) с их общей конститутивной функцией различаются локализацией своих сильных позиций. Здесь инициальная позиция в словоформе являет собой сингармонический пик, финальная – акцентный. В трех- и многосложных словоформах цепь инициаль – медаль – финаль с ядерными слогами или центрами имеет две сильные позиции в начале и конце. А медаль при нейтральном стиле произношения является слабой позицией.

В результате рядность (вокалическая) продиктована перво-слоговым гласным звуком, а повышающаяся акцентная линия имеет пик на гласном последнего слога.

Таким образом, в бурятской словоформе наличествует два про-

содических центра, используемых в словообразовательных целях. Что касается конечных слогов в халха и калмыцком языках, то ударенность вокалических элементов при их редукции не исчезает, надо полагать, бесследно. Правомерно было бы постулировать, что как рефлекс этой ударенности просодическую нагрузку несут сонорные согласные в калмыцком и стечение согласных в халха языке. В любом случае в потоке речи, несмотря на слабоцентрализуемый характер конечного ударения, просодическая отмеченность конца словоформы в монгольских языках слушающим воспринимается.

По нашему мнению, что как во многих европейских языках, где дифференциальными признаками являются фонема и тонама, так и в агглютинативных языках, в частности в бурятском языке, в качестве различителей слов можно было бы оперировать еще и другими терминами: акцентема (фонема-ударение) и гармонема (фонема-сингармонизм).

Статистически бурятских лексем с основами, в которых явствует различительная способность сингармонизма, несравненно больше, чем редкий список несингармонического ряда основ с нарушением гармонии гласных, но с рельефно проявляющейся кумулятивной функцией музыкального ударения. Это можно проследить на сложных словах со слитным написанием: модобэлэдхэл (лесозаготовка), бугэдэнайрамдал (всеобщий мир), агуусхэ (великий), бухэсюэна (всесоюзный), уржадэр (позавчера), найндэр (праздник), бугэдэарадай (всенародный); на словах со сросшимися частицами: эрэмсаар (как только придет), гуйнхаар (вместо того, чтобы бежать); на антропонимах: Галсанэ, Арсен; на диалектизмах: эншаа (вот сюда, вот здесь), тэншаа (там, туда (тунк)), хэлаан (сказал), ераан (барг.) (пришел); на заимствованиях: аренднэ (арендный), посезо (посев) и др. Если же при нарушении сингармонизма отсутствует ударение, то из этого следует, что оно снято фразовой интонацией для каких-то конкретных коммуникативных целей.

Примечательно, что в некоторых заимствованиях из русского языка сингармонизм и ударение функционально играют одну и ту же конститутивную роль: русск. замок - бур. замаг, русск. казак - бур. хасаг, русск. балык - бур. балаг, русск. сажень - бур. сажан, русск. тюрьма - бур. турмэ, русск. башлык - бур. башлаг, русск. шуроп - бур. шуроб.

В заимствованиях вместо ожидаемого конечного долгого гласного манифестируется несущий музыкальное ударение краткий глас-

ный. Ведь ударные гласные русского языка носителями бурятского языка воспринимаются как долгие: пáртия - паарти, хопáт - ху-мууд, дума - дуумэ, агитатор - агитаатар, колхоз - колхос - т.д. Долгие же гласные бурятского языка воспринимаются русскими слухом как ударные: баатар - батор, (герой); бууза - буза (позы); дабаа - дабан (гора); буруу - бурун, (однолетний теленок); бообо - бобо (печенье); аршаан - аршан (минеральный источник) и т.д. Это объясняется аналогией из русского языка, где основным компонентом ударения является долготность.

В монгольских языках, в том числе в бурятском, когда речь идет о словоформах с двумя и более долгими гласными, долготный параметр считается компонентом ударенности, но не основным, а вспомогательным. Стало быть, фактор протяженности в ударениях бурятского и русского языков, несмотря на их разносистемность в акцентологическом плане, как бы сближает последние. Постулируем, что это результат вековых контактов между двумя языками.

Итак, анализ заимствований из русского языка, равно как и разбор заимствованных слов из бурятского языка, показывает закрепленность бурятского ударения в конечной позиции. Рассмотрение композитов, антропонимов и топонимов подтвердило неизбежность правила о финальной локализации бурятского акцента. Замечено, что в русских заимствованиях конечные ударные гласные не обязательно замещаются только долгими гласными, но и кратким музыкально-ударным вокалом бурятского языка.

¹ Это утверждение Б.Я. Владимирцова и Г.Д. Санжеева, наиболее распространенное в монголоведении.

² Таково мнение Ц.Б. Цыдендамбаева, Ц.Б. Будаева и некоторых других, высказанное в устной беседе, против чего возражают В.И. Золхоев, И.Д. Бураев и тюрколог Е.И. Убратова.

³ См.: Будаев Б.Ж. Акцентуация бурятского языка. - М., 1981.

⁴ ↑ - обозначение бурятского музыкального ударения.

С.С. БАЛАГУНОВА

ОБ ИЗУЧЕНИИ ИНТОНАЦИОННОГО СВОЕОБРАЗИЯ
БУРЯТСКОЙ РЕЧИ ТАТАР ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Эмпирически уже давно установлено, что двуязычный человек в процессе речевой деятельности на втором языке допускает ошибки под влиянием родного языка, то есть происходит речевая интерференция, которая является следствием взаимодействия контактирующих языков. Неизбежное отклонение от устоявшихся норм усваиваемого языка возникают в речи не отдельных говорящих, а большинства людей, овладевающих вторым языком.

Сходство произносительных ошибок у большинства двуязычных людей позволяет сделать вывод о закономерностях акцентных отклонений в их речи. Изучение "инострannого акцента" немислимо без учета системности произносительных ошибок. А это в свою очередь предполагает тщательное исследование систем контактирующих языков¹.

Интерференцию, связанную с отклонением от закономерностей любого из уровней, составляющих язык как систему, называют фонетической, лексической или грамматической интерференцией. Наиболее детально изучена фонетическая интерференция, что в какой-то мере объясняется соотношением фонологических исследований в современном языкознании. В фонетической интерференции можно выделить звуковую и просодическую. Последняя связана с нарушением ритмомелодических норм языка.

На примере произносительных (артикуляторных) ошибок в гласных и согласных, которые допускают в своей бурятской речи татары, проживающие в Иркутской области среди бурят, нами были рассмотрены некоторые моменты звуковой интерференции². Их бурятская речь отличается от речи самих бурят данного региона не только произнесением некоторых звуков по произносительным нормам родного татарского языка, но и своеобразной интонацией.

Л.В. Щерба подразумевал под интонацией совокупность таких

элементов, как изменение высоты голоса (мелодики), ритмика, относительная длительность (или "количество") отдельных звуков (просодия) и тембра голоса той или иной речевой единицы³.

Перед нами не ставится задача экспериментально-фонетического исследования интонационных отклонений бурятской речи татар. Наши выводы будут основаны в большей степени на субъективно-слуховых наблюдениях, хотя будут включены некоторые элементы инструментального анализа речи.

Для выявления интерферентного явления в интонационной структуре целесообразно было бы исходить из общего подхода к изучению интерференции.

1. Сопоставление интонационных характеристик бурятского и татарского языков, которое предоставляет объективные данные об интонационных различиях и сходствах в системах контактирующих языков и раскрывает лингвистические причины многих типичных черт так называемого "акцента".

2. Описание системы слухопроизносительных отклонений и выявление их общей картины. Это связано с тем, что в бурятской речи татар, как и любой двуязычной группы, наблюдается различная степень устойчивости и допустимости этих отклонений. Вопрос изучения особой своеобразной интонации на втором языке путем анализа ошибок или отклонений в речевой деятельности представляет большой интерес для специалистов.

Таким образом, ставится два вопроса: "Как возникают ошибки в речи билингва?" "Как объяснить, почему это происходит?"

Важнейшим компонентом интонации является мелодика, то есть движение основного тона голоса (понижение или повышение). В процессе исследования необходимо обнаружить, на каких участках акцентно-мелодического рисунка бурятской фразы в речи татар замечены интонационные отклонения и в чем они выражаются.

В потоке речи ударение слова включается в ткань интонации как ее элемент. В этом смысле его можно назвать фразовым ударением, которое образует ритм речи.

Известно, что "наиболее устойчивыми чертами акцента являются ритмические искажения на уровне слова, синтагмы, фразы, и это не случайно, так как при овладении иноязычной речью происходит ритмическая интерференция, преодоление которой сопряжено с ломкой ритмического импульса родного языка, то есть преодоление инерции усиления или ослабления тех или иных ритмических

компонентов, не совпадающих в родном и изучаемом языках"⁴. Вот почему интерференция в иноязычной речи, в нашем случае в бурятской речи татар, неизбежно должна появиться и в области ударения.

"Основное ударение в бурятских словоформах является музыкальным (тоническим) и падает на последний слог изолированно произнесенной словоформы-полисиллабы"⁵. А в татарском языке словесное ударение "эспираторное"⁶, то есть динамическое и, как правило, падает на последний слог. Как видим, в бурятском и татарском языках по месту ударения есть общее – последний слог, а по качеству ударения эти языки различаются.

Интонация бурятской речи татар на слух отличается от речи самих бурят, то есть можно узнать, на бурятском языке говорит татарин или бурят. В частности, в большинстве случаев в бурятских словах редуцированные гласные произносятся татарами ударно, как бы с долготой. Например, бээнэ (бээнээ) вм. бээнэ (пояс, ремень), һухэ (һухээ) вм. һухэ (топор), юунда (юундаа) вм. юунда (почему) и т.п.

Итак, изучая проявление интонационной интерференции в бурятской речи татар, необходимо выявить характер и степень ее проявления, влияние допущенных татарами интонационных отклонений на коммуникативную значимость того или иного вида предложения в бурятском языке.

История контактов бурят с тюрками уходит в глубь веков. Бурятоведы указывают на влияние тюркских языков на западно-бурятский говор бурятского языка в силу раннего контактирования. Поэтому говор западных бурят, в частности осинских бурят, язык которых освоили исследуемые татары, в ритмомелодическом или в интонационном отношении должны отличаться от других бурятских говоров. Это необходимо учесть при изучении современного контактирования бурят с татарами.

¹ См.: Логинава И.М. Экспериментально-фонетическое изучение явлений звуковой интерференции при обучении русскому произношению // Фонетические исследования в целях обучения иностранных студентов русскому произношению. – М., 1977. – С. 51.

² См.: Белагунова С.С. О фонетической интерференции в бурятской речи трехязычных татар // Исследования по фонетике

языков и диалектов Сибири. - Новосибирск, 1986. - С. 69-74.

³ См.: Щерба Л.В. Из лекций по фонетике // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. - Л., 1974. - С. 158.

⁴ Лебедева Ю.Г. Звуки. Ударение. Интонация (Учебное пособие по фонетике русского языка для иностранцев). - М.: Русский язык, 1986. - С. 24.

⁵ Будаев Б.Ж. Акцентуация бурятского языка. - М.: Наука, 1981. - С. 107.

⁶ См.: Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология. - М.: Наука, 1969. - С. 99.

ПРОЯВЛЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ
В РУССКОЙ РЕЧИ МОНГОЛЬСКИХ УЧАЩИХСЯ

Повышение речевой культуры – одна из актуальнейших задач, которые стоят перед современной школой. Особое значение имеет работа над правильностью речи, ее соответствие языковым нормам. Не подлежит сомнению, что организовать целенаправленную, планомерную и эффективную работу по привитию иностранным студентам, в частности монголам, необходимых речевых навыков можно только при условии, если преподавателю известны речевые нарушения, свойственные их родному языку.

Правильность речи – обязательный, но не единственный показатель ее культуры. Наряду с задачей писать и говорить грамотно и правильно, как того требует данная культурная среда, существует и другая задача – писать и говорить умело, мастерски¹.

Оценивая речь с позиций правильности, чаще прибегают к характеристикам "верно – неверно", "удачно – неудачно", "хорошо – плохо", "понятно – непонятно", "уместно – неуместно", оценивая ее с позиций мастерства. Нарушение языковых норм в той или иной области рассматривается как речевая ошибка.

Высокоорганизованная (хорошая) речь предполагает отсутствие речевых ошибок, поэтому работа по предупреждению и устранению речевых ошибок – важная составная часть общей работы по развитию навыков речи.

Преподавателям русского как иностранного языка и иностранных языков хорошо известно, какую трудность представляет вообще обучение произношению на втором и третьем языках. Сказывается сильнейшее влияние уже выработанных навыков родной речи.

Материалом для данной статьи послужила картотека речевых неправильностей, собираемая автором.

Ниже приводятся наиболее характерные произносительные особенности их чтения и в устной речи.

В зависимости от отношения к двум основным формам речи – устной и письменной – выделяются ошибки, связанные с произношением (орфоэпические) и с ударением (акцентологические).

Явление фонетической интерференции в речи монголов в значительной мере обуславливается типологическим различием русского и монгольского языков. Определяющим является консонантная доминация в системе русского и сингармонизм в системе монгольского языков. Отклонения на уровне состава фонем устанавливаются наличием в монгольском языке долгих гласных и отсутствием звука [ы].

В области консонантизма явление фонетической интерференции выражено особенно сильно в реализации системных оппозиций, прежде всего коррелятивного ряда мягкости – твердости, функционирующего по-разному в сопоставляемых языках. В монгольском языке фонологическая значимость палатализации обусловлена главным образом законом гармонии гласных и осуществляется в словах переднего вокализма, чем можно объяснить такие отклонения, как уше [л'] , приме [р'] .

Комбинаторные и позиционные различия палатализации: отсутствие в монгольском языке смягчения согласных перед непременными гласными в абсолютном конце слова, перед согласными в середине слова – порождают явление фонетической интерференции: в [за] л – взял, мо[л] – моль.

Особенности звукоупотребления широко показаны в работах монгольских и советских ученых С. Галсана, Д. Цыдэндамбы, И.В. Баранникова, А.А. Дарбеевой, М.И. Щетининой и других. Большую работу проводит кафедра русского языка для иностранных учащихся в МГИМО и другие.

В данной статье приводим лишь некоторые особенности звукоупотребления в русской речи монгольскими учащимися: гласные звуки среднего подъема у, о монгольскими учащимися заменяются гласными высокого подъема у, уу, өө: уүлей (улей), ух (ух), сууvenir (сувенир), сэвсем (совсем), где проявляется закон сингармонизма гласных монгольского языка. И.В. Баранников указывает: "Эти звуки в количественном и качественном отношении отличаются от гласных русского языка, поэтому нередко придают русской речи своеобразный оттенок"².

Монгольский язык характеризуется долгими гласными и такие слова, как море, поле, в речи учащихся звучат как [мооре], [пооле]. В монгольском языке отсутствуют некоторые согласные, наличествующие в русском языке, что приводит к замене одних согласных другими. Например, взрывной губно-губной и зубно-зубной артикуляцией приводят к неразличению [б-в, б' -в'] : ра[в]ота - рабoта, где интервокальный [б] артикулируется как билабиальный.

Фонемы [ф, з, к] в исконно монгольских языках отсутствуют, что определяет интерференцию: [п]орма (форма), [п]торник (вторник), [с]има (зима), хара[х]тер (характер).

Отсутствие фонемы [ш'] приводит к замене ее согласным монгольского языка: [ш'] и - ши, ро[ш']а (роща), а также неразличение звуков [ш - ш'] : прошу (прошу).

Отсутствует резкая грань между смычной и щелевой артикуляциями, что обуславливает неразличение [ц - с, ч' - т'] : оте[с] (отец), клю[т'] (ключ).

Отсутствие переднеязычного [н] в монгольском языке в конце слова произносится в этом языке как заднеязычный: санан (мысль), явсан (ходил), очсон (пошел). В результате в русском языке такие слова, как стакан, кувшин, произносятся как заднеязычные, а заднеязычный [г] в позиции после сонорного [н] реализуется как заднеязычный сонант: мо[н]гол, а[н]гар вместо монгол, ангар.

Зубно-губная фонема [в] также приводит к неразличению губной фонемы [м] : из [м]енение из [в]инение.

Позиционные и комбинаторные различия в консонантных системах монгольского и русского языков обуславливают следующие явления интерференции русской речи монголов, так как монгольскому несвойственно сочетание согласных в начале и в конце слов: активное употребление протетических и эпентических гласных и консонантных сочетаний (поркурор - прокурор, палкат - плакат); наличие протез и метатез в словах, начинающихся сонорными [р, л] (арбота - работа, арволюция - революция); при неразличении звонких и глухих согласных отсутствует регрессивная ассимиляция по звонкости в монгольском языке (о[т]ел вместо одел); замена неслогового [й] гласным [и] : (тво[й], сара[и] вместо твой, сарай); неразличение сонорных [м, н] в фонетических позициях, аналогичных монгольскому языку (ко[н]бинат, До[м]басс).

Монгольскому языку свойственна сильная редукция гласных

в позиции после согласных в середине и конце слова вплоть до полного исчезновения: явсан, нутаг, орох. Аналогично этому монголы произносят молко (молоко), золто (золото).

В позиции перед мягкими согласными гласный [а] произносится близко к дифтонгу ай: амь (жизнь), анги (класс), поэтому носители монгольского языка склонны произносить гласный [а] среднего ряда как д [ай]льше (дальше).

В речи носителей монгольского языка наблюдаются отдельные нарушения орфоэпии, в результате чего возникает звукобуквенная интерференция. Здесь обращается внимание лишь на случаи, которые отличаются от норм литературного произношения: [дз] вместо [з] и [дж] вместо [ж]: [дз] олотой (золотой), [дж] ивет (живет); эпентетический [й] перед гласными [у, о]: зов [йо]т (зовет), л [ий]бит (любит).

Наблюдаются и другие особенности произношения в русской речи и чтении у носителей монгольского языка, которые относятся к твердости и мягкости. Из-за отсутствия твердости в монгольском языке определяется явление интерференции: охват [и] вать (охватывать), работае [т] (работает).

Неправильное употребление звуков в речи носителей монгольского языка приводит к нарушению произношения. В.А. Артемов правильно заметил: "Ни один язык не равен другому ни в фонемном, ни в интонационном отношении"³.

Итак, правильное произношение русских звуков имеет огромное значение для интеллектуального развития монгольских учащихся.

¹ См.: Винокур Г.О. Из бесед по культуре речи // Русская речь. - 1967. - № 3. - С. 13-14.

² Баранников И.В. Методика преподавания русского языка в бурят-монгольской начальной школе. - Улан-Удэ, 1964. - С. 79.

³ Артемов В.А. Психология обучения иностранным языкам. - М., 1969. - С. 245.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ КАК ПРОСОДИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ
В РЕЧИ БИЛИНГВА

В статье дается описание части экспериментально-фонетического исследования, конечной целью которого должно стать выявление процессов интерферирующего влияния родного языка на русскую речь бурят, в различной степени владеющих русским языком, а также механизма интерференции первого и второго языков при изучении третьего.

Экспериментальным материалом послужили тексты на русском и бурятском языках в чтении носителей бурятского языка. Русский текст был создан в Лаборатории экспериментальной фонетики имени Л. В. Щербы. Бурятский текст представляет собой перевод русского текста, сохраняющий, по возможности, синтаксическую структуру оригинала¹.

В настоящей статье даны результаты анализа темпоральных характеристик.

Для общей характеристики темпоральной организации обеих реализаций был проведен сравнительный анализ количества слогов в синтагме, зависимости средней длительности слога от числа слогов в синтагме, отношения длительности ударных и безударных слогов, места максимально длительного слога в синтагме, а также длительности межсинтагменных пауз и пауз между предложениями².

Дробность синтагматического членения текста можно считать одним из критериев в оценке степени владения языком. По данным физиологов, занимающихся проблемами речи, человек способен программировать свою речь не далее, чем на семь слогов, то есть максимальное число слогов синтагмы составляет в потенции семь³. Логично предположить, что при чтении это число увеличивается, поскольку читающий не спонтанно порождает речь, а лишь воспроизводит читаемый текст.

Степень осмысления текста при чтении прямо зависит от степени владения языком. Поскольку тексты на двух языках были идентичны по содержанию и близки по синтаксической структуре, данные о длительности синтагм в реализации разноязычного материала одним и тем же диктором могут быть сопоставимы.

Оказалось, что среднее количество слогов в синтагме в тексте на родном языке составило 8,8. В русском тексте средняя длительность синтагмы равнялась 5,9 слогам. Таким образом, темп произнесения на родном языке заметно быстрее, чем на неродном.

При сравнении длительности конечных и неконечных синтагм было отмечено, что при реализации текста на родном языке длительность конечных синтагм, как правило, превышает длительность неконечных синтагм. Подобного соотношения не наблюдалось при реализации русского текста.

Другим важным показателем степени владения языком является зависимость средней длительности слога от количества слогов в синтагме. Из литературы известно, что обычно в языках, в том числе и в русском, средняя длительность слога уменьшается с увеличением числа слогов, что квалифицируется как закономерность. Для бурятской речи подобная зависимость также является устойчивой. Средняя длительность слога в неконечных синтагмах, состоящих из 2-7 слогов, составила 195 м/с, из 8 и более слогов - 169 м/с. В конечных - соответственно, 175 и 157 м/с. При реализации русского текста подобной закономерности не наблюдалось (табл. I).

Т а б л и ц а I

Зависимость средней длительности (м/с) слога
от количества слогов в синтагме

Синтагмы	Бурятский текст		Русский текст	
	Количество слогов			
	2 - 7	8-14	2-7	8-14
Конечные	195	169	177	181
Неконечные	175	157	168	186

Как видим, средняя длительность слога в многосложных синтагмах в русском тексте превышала среднюю длительность слога в

синтагмах, состоящих из меньшего числа слогов.

При анализе длительности с точки зрения места максимума в синтагме за единицу принималась средняя длительность слога. Известно, что замедление к концу синтагмы также является универсалией. При этом в таких языках, как русский, длительность ударных слогов всегда больше длительности безударных.

Из ударных слогов самым длительным, как правило, является синтагматически ударный слог⁴. В бурятском языке, как показали последние исследования, длительность как просодический компонент не релевантна для ударения, то есть не всегда слог, воспринимаемый как наиболее выделенный в слове, маркируется большей длительностью⁵. В нашем анализе мы исходили из реальной длительности слогов безотносительно к их ударности или безударности.

В синтагмах родного языка, состоящих из 2-7 слогов, максимум длительности всегда отмечался в абсолютном конце. В более распространенных синтагмах наблюдалось, как правило, 2 максимума, один из которых обязательно отмечал абсолютный конец синтагмы. Таким образом, для бурятской синтагмы характерно замедление к концу. При чтении бурятам русского текста замедление к концу реализуется лишь в 37,5 % случаев (против 100 % в родном языке). В 53 % синтагм самым длительным был первый гласный в синтагме, при этом более половины из них были безударными. В данном случае важен не только факт отклонения от нормы, но и его характер. С одной стороны, максимально длительными могли быть и безударные слоги, с другой - в некоторых синтагмах минимально длительными были ударные слоги.

Существует мнение, что длительность пауз зависит от степени связи между синтагмами, которые она разделяет. Чем теснее смылосинтаксическая связь, тем короче пауза. Данные, полученные в результате анализа длительности пауз и в бурятском и в русском текстах, подтверждают этот тезис. Средняя длительность пауз между предложениями (в месте точки) в родном и русском равна соответственно 1333 и 1023 м/с, то есть это самые длительные паузы в текстах.

Запятая оформлялась паузой со средней длительностью в 635-389 м/с, и в русском и в бурятском текстах не все паузы были "прочтены". В бурятском тексте таких пауз оказалось больше, чем в русском. В бурятском тексте пауза в месте тире по длитель-

ности приближалась к паузе-точке, в русском же она более сопоставима с длительностью паузы-запятой. И в бурятском и в русском текстах пауза внутри простого предложения (то есть без какого-либо знака препинания) по своей длительности сопоставима с паузой-запятой).

Например:

Минии байдаг нютаг - (1400 м/с) дэлхэй дээрэ (70 м/с) эгээл найхан газар гэжэ би еөрөө наанаха хүм. (1800 м/с) Улуу найниие бэдэрээшье наа, олохогуйш! (1630 м/с) -

Я живу (700 м/с) в самом красивом местечке на свете (813 м/с) таково мое мнение (600 м/с), Ищи лучше - (380 м/с) не найдешь! (1364 м/с) (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Средняя длительность пауз, м/с

Знак препинания	Бурятский текст	Русский текст
Точка	1333	1023
Тире	1173	487
Запятая	635	389
Без знака	485	392

Смыслосинтаксические связи, отраженные в текстах пунктуацией, в чтении были реализованы в паузах разной длительности в соответствии с их значимостью. При этом в бурятском тексте все паузы оказались длительнее соответствующих пауз в русском.

Следовательно, длительность в речи билингва может служить показателем степени владения им вторым языком. Это проявляется 1) в длительности синтагм, 2) в локализации максимума длительности в пределах синтагмы, 3) в соотношении средней длительности слога в синтагме и количества слогов в ней.

¹ Оба текста приводятся в приложении.

² При анализе мы исходили из относительной длительности, за единицу принималась средняя длительность звука или слога в синтагме.

³ См.: Чистович Л.А., Кожевников В.А. и др. Речь. Арти-

куляция и восприятие. - М.: Наука, 1965.

⁴ См.: Златоустова Л.В. Фонетическая природа русского словесного ударения // Учен. зап. Казанского ун-та, 1956. - Т. II6. - Кн. II.

⁵ См.: Будаев Б.Ж. Акцентуация бурятского языка. - М.: Наука, 1981. - С. 106.

П р и л о ж е н и е

Я живу в самом красивом местечке на свете - таково мое мнение. Ищи лучше - не найдешь!

Посмотреть наш городок приезжали три моих друга. Один, приехавший вместе с женой - красивой Анной с голубыми глазами, - шестой год живет на целине. Другого затянули научные конференции, бюро, и только недавняя болезнь позволила ему пообщаться с нами пять-шесть дней. Слабость его еще чувствовалась: он часто ругал пески на набережной, был недоволен жарой и привычно уселся на кочке, едва мы остановились. И решил показать гостям море. Город наш расположен в горах. Ехать на автобусе до моря часа четыре. Но достаточно увидеть вдаль скользящие по поверхности белые, розовые, зеленые катера, эту водную ширь без пределов - и сразу легка жизнь!

Ранним утром было особенно тихо вблизи воды. Только невидимая нам сверху Ольга кричала невидимой Даше что-то про форму и объем. Когда мы подошли поближе, их разговор стал слышнее. Можно было разобрать отдельные фразы.

- Не знаю, перевыполнит ли завод план в этом квартале?

- А что позавчера на совещании мастеров говорили? Какой был ответ?

- Что уже недалеко до ста процентов. Осталось только ваш цех подтянуть. Поторопитесь, не тяните время.

- Постараемся. Вчера уже железо привезли, ямы на центральном дворе вырыли. Тяжело пришлось.

- Ладно, Ольга, будни у всех такие.

- Да, а ты ведь квартиру получила! Довольна?

- Довольна.

- Когда переехали? Давно?

- Во вторник и переехали. Всем хороша квартира, только

на кухне негде повернуться. И над дверью щель большая, заделать надо, а я сама и гвоздь вбить не могу.

Женщины еще говорили о том, какая цена на новый гарнитур и сколько стоил старенький. Их лодка тихо отплыла от берега, только легкая рябь прошла по волнам.

В знойный полдень лучи солнца доставали отдыхающих всюду. Единственным прохладным уголком (условно прохладным) была тень от яблони, непонятно как выросшей здесь. Поверхность ее ствола, отшлифованная постоянными ветрами, была ровной и гладкой, как карандаш. Мы медленно шли по берегу и вдруг увидели рассохшийся плот. Громадина его темнела на желтоватом песке и привлекала внимание еще издали.

Сразу представилось, как рыбак, когда нет клева, ляжет на свой тулуп, сдвинет на бровь шапку, закинет руки за голову, прищурится на солнце и постепенно засыпает... Солнце согревает его, поверхность плота становится обжигающей, но ничего не чувствует наш рыбак — любит поспать в жаркое время, вытянувшись во весь рост. Увидишь издали и подумаешь: "Жив ли?"

Долго могли бы служить доски плота, но эпоха уже не та. Теперь в море на лов выходят устойчивые, надежные суда. А море перестает быть спокойным. Переменный ветер гонит по волнам солнечные шапы, похожие на яркие огни рампы. Набежавшая волна, как изящная плясунья, подлетает к кому-нибудь из купальщиков и, едва коснувшись его ног, стремится опять в море.

Мы уезжаем домой, а вечером идем к моему дяде, человеку очень ровному, у которого редко падает настроение. У него еще с деревенских времен живет кот, да не один. Хоть и не злые животные, а часто царапаются. Как цари, ходят они по квартире, занимают уголок у теплой стены и едят исключительно мясо. Сейчас память у дяди, как сито, но рассказы его всегда интересны — не держит он свои знания за семью печатями. Мы входим в комнату и слышим приятный бас:

— Здравствуйте! Вы меня помните? Давно не встречались! Лет девять прошло, да?

Я сразу узнаю этого человека — сущность его в любом случае не меняется. Основное его качество — страстная любовь к жизни. С зарядом его энергии это и неудивительно!

— Жизнь прибавила тебе разума? К счастью как относишься? О чем-нибудь жалеешь? Где бываешь? Какие книги прочел?

Меня засыпают вопросами. Щурится кот. Начинается долгий разговор – воспоминание.

Минии байдаг нютаг – дэлхэй дээрэ эгээл найхан газар гэжэ би өөрөө янаха хүм. Улуу найниие бэдэрэшье наа, олохогүйш!

Минии гурбан нүхэд манай городок харахая ерээ нэн. Нэгэ-ниинь – сэнхир нодэтэй, сэбэр Анна намгантаяа ерэгшэнь – цели-нада зургаадахи жэлээ нууна. Нүгөөдыень научна конференци, бю-ро мэтэ юмэ намааруулдаг байгаа, теэд яагдаа үшэлөөд абаан-наа боложо, таба-зургаан хоног соо мантай суг байлдаба. Бэень үшөө тамиргүй гэжэ мэдэхээр бэлэй: халтад гэхэдээ, голой эрье-ни эльэндэ сухальнь хүрэдэг, халуунда дурагуйлхэдэг байба, тии-гээд бидэнэй тогтон сасуу, нурамжиханаар болдог дээрэ нуугаад-хёо нэн. Би айлшадтаа далай харуулха гэбэб. Городнай хада га-зарта оршодог юм. Далай хүрэтэр автобусаар дүрбэн час ябаха хэ-рэгтэй. Тээ холо уянай нуруу дээгүүр халюухайдаан сагаан, ягаан, ногоон катернуудне, энэ заха хизааргүй нэмжнэн уяа ха-рахаддаа, гансата зосоо зэлд гэшэхэ юм!

Эртэ үглөөгүүр уянай хажууда бүришье хон жэн байба. Ган-сал дээрэньээ манда харагдахагүй Ольга баа харагдахагүй Дашада юшьеб формо, объем тухай хашхарна, Манай дүтэлжэ ерэхэдэ, тэ-дэнэй хөөрэлдөөн дуулдажа эжилбэ. Зарим хэлэнь юмынь ойлго-хоор болобо.

– Энэ кварталда заводой планаа дүүргэхэ болихыень бу мэ-дэе.

– Уржадэр мастернуудай совещани дээрэ юун гэлсээ юм? Яаха гэлсээ юм?

– Зуун процентдэ дүтөлөө юм гэнэ. Гансал танай цех ураг-шань татаха үлөө ха. Шамдагты, саг бу нүгшөөгты!

– Оролдохобди. Үсэгэлдэр тэмэр асарагдаа, центральна ха-шаа соо нүхэнүүд малтагдаа. Нилээд хүндэ хүшэр байгаа.

– Тээ яахаб, Ольга, хүдэлмэри гээшэмнай хүсэ хэрэглэдэг ха юм даа.

– Тиимэ, байз, шимни байра абаа бэзэш? Баяртайгша?

– Баяртай.

– Хэзээ орообта? Уни гү?

– Вторнигто ороо юмди. Яһала найн байра, зүгөөр кухни соонь эрьелдэшгүй уйтан. Үүдэн дээрэнь ехэ забнар бии, бүтүүл-хэ хэрэгтэй байгаа, теэд би хадаанашье шаажа шадахагүй хүм.

- Шэнэ гарнитур хэдытэ болооб, хуушаниинь хэдытэ ьэм гэлсэжэ байжа эхэнэрнүүд үшөө дуугаралсаба. Тэдэнэй онгосонь аальяр эрьенээ холоходонь долгинууд бага сага миралзаад абана.

Удын ааяма халуун наран амарагшадай хаанашье ябахадань олоод шараха юм. Нэрюун нэрэтэй нэгэл газарынь ягаадшьеб эндэ ургашаан яблониин ьүүдэр байха юм. Саг үргэлжэ ьалхинда үлэ-элгэ, үлээлгэньээр мулиржэ, яблониин эшэнь карандаш шэнги жэрэ жэбжэгэр болоһон харагдана. Бидэ эрье зубшаад аажамхан ябажа ябатараа, хагсашаан ьала гэнтэ харажархибабди. Манган юмэ шарабтар эльэн дээрэ туглыгоод, нилээн холоһоо обёормоор байба. Эндэ нэгэ иимэрхуу загаашан ьанаанда ороодхино: загаанай та-тажа үгэхэгүйдэнь, дэгэлээ тайлажа дэбдээд, малгайгаа нидхэ дээрээ буулгаан бэээрээ, хулхай гээзэгэ дороо гарнуудаа ьалааб-шалаад, наранда нюдөө ониилгон татаһаар унташана... Халуун на-ранда шарагдажа, ьалын газар талань барышагүй болошье ьанань, ма-най загаашан эмидшье гэнэгүй - уни бутаржа байха үедэ халбай-жа хэбтээд, унтаха дуратай байшаба ха. Холоһоо хараад ьанахаш: "Амиды юм гү?" Энэ ьала зүйһэн бүхэ модониинь үшөөл уни тэсэл-дэхэ ьэн ха, тээд сагнай хубилшоо ха юм даа. Мүнөө далайн аг-нуурида тогтууритай бата пароходууд ябадаг болоо. Тиихэдэнь да-лай номгон байхаа болинтуу. Нэгэ хүдэлжэ, нэгэ тогтожо ьайһан ьалхин рампын ялагар галдууд шэнги наранай толонуудые долгин дээгүүр мухаржулна. Нугалзан плясалһан дүүхэй мэтээр эбхэрэн ерэһэн долгин уяанда ьамаржа ябаан хэн нэгэнэй хүлдэ туламсаа-раа, далай тээжэ дахин тэгүүлшэнэ. Бидэ гэртээ бусахамнай, тии-гээд үдэшэлэн тээ настроениеэ муудаха гээшые мэдэхэгүй шахуу, түни түбшэн зантай, минии дядида ошохобди. Деревнидэ байхаһаа хойшо дядимни хөөшхэтэй юм, тээд минн гансашье бэшэ. Тэдэ ами-тадш хоротой бэшэшье ьаа, маажад ябахаа ядахагүй. Тэдэнь гам-баа юмөнүүд гэр соогуураа маадайлдадаг, дулаан ханын хажууда байрлаад, гансал мяха эдээд байдаг. Дядиимни память гэжэ соор-хой хүнэг болошонхой, гэбэшье хөөрөөниинь ходо ьонин байдаг: мэдэхэ юмээ нкужа хабшажа ябадаггүй. Комнато руунь орон са-суумнай, шэхэндэ урин бүдүүн хоолойгоор угтана.

- Сайн байна! Та намайе ьанана гүт? Уни туяын уулзаагүйб-ди! ьүэн жэл тухай үнгэрөө, тиигээ бээ?

Би абаһаар энэ хуе таниха байнам - энэ хүнэй шанар шэнжэ хээээшье ондоо болохогүй юм. Гол шэнжэнь ажамидаралда абыяс эхэтэй хүн. Иимэ эршэ шадалтай хүндэ энэньшье гайхалтай бэшэ!

- Оршолонто байдалаа ухаа ороногшо?

- Зол жаргал тухай юун гэжэ нананаш? Шамда гэмшэхэ юмэ бии гү? Хаана ябанаш? Ямарнууд ном уншаабши?

Намаие асуудалнуудаар даражаржиба. Хөөшхэ дууража, нодөө очилгоно. Үнгэрьэн юмье нанан нанан дурдаһан, ута унжагай хоёрэлдөөн эхилбэ.

КАЧЕСТВЕННО-КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
 ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНЫХ И ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНО-СРЕДНЕЯЗЫЧНЫХ СОГЛАСНЫХ
 ХОРИНСКОГО ДИАЛЕКТА БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

В статье представлены конститутивно-дифференциальные признаки четырех смычных согласных второй артикуляции [t], [d], [t'], [d'].

Самым заметным и наиболее стабильным признаком, регулирующим отношения и действующим в пределах этой группы фонем, является долготный признак. Мягкая фонема [d'] и твердая фонема [d] противопоставляются по количественному признаку мягкой фонеме [t'] и твердой фонеме [t] в одинаковых фонетических условиях: в позициях абсолютного начала словоформы и интервокальной.

Средние относительные длительности фонем [d], [d'], распределяющиеся в фонематической зоне краткости от 31,1 % средней длительности звука (СДЗ) до 107,1 % СДЗ, позволяют считать реализации данных фонем краткими в отличие от средних относительных длительностей фонем [t], [t'], образующих фонематическую зону долготы от 96,4 % СДЗ до 201,8 % СДЗ и дающих возможность определить последние фонемы как долгие.

Пографический анализ особенностей позиционно-комбинаторного употребления фонем [d], [d'], [t], [t'] показал, что средние относительные длительности мягких фонем [d'] и [t'] превышают средние относительные длительности твердых фонем [d], [t]. Эта особенность мягких фонем удлиняться по сравнению с твердыми в группе переднеязычных и переднеязычно-среднеязычных фонем проявляется более последовательно, чем в группе губных согласных.

Методами дистрибутивного и функционального анализов было установлено, что все четыре исследуемые фонемы сочетаются позитивно с ртовыми сонантами — мягким «r'» и твердым «r». В

результате на основе средних относительных длительностей (СОД) аллофонов каждой фонемы и особенностей компонентного разброса звонких и смыхных участков реализаций сделан вывод о существенном влиянии препозитивного сонанта «r» или «r'» на длительность и качество последующих согласных, в данном случае «t», «t'», «d», «d'».

Во-первых, средние относительные длительности реализаций фонем [t] и [d] с препозитивными мягким и твердым «r'», «r» соответственно, а также СОД аллофонов фонем [t'], [d'] только с мягким «r'», во всех случаях значительно превышают средние относительные длительности постпозитивных сочетаний данных фонем с другими сонантами в препозиции. Ртовые сонанты «r», «r'» по сравнению с остальными сонантами обладают свойством значительно удлинять последующие согласные. Эта закономерность прослеживается по всем анализируемым программам и у всех дикторов, причем постпозитивные реализации мягких фонем имеют большую длительность, чем твердые.

Во-вторых, средние относительные длительности аллофонов фонем [d], [d'] после сонантов «r», «r'», равные соответственно 127,1 % СДЗ и 151,5 % СДЗ, позволяют считать данные проявления фонем долгими, что приводит к необходимости внести изменения в ранее сделанные выводы позиционно-комбинаторного употребления анализируемых фонем. Так, все сочетания фонем в постпозиции с препозитивными «r», «r'» являются проявлениями только долгих фонем [t] и [t'].

В-третьих, препозитивные сонанты «r», «r'» недостаточно последовательно во всех случаях обладают качеством по сравнению с другими сонантами удлинять смыхный компонент последующего согласного, а также оглушать его.

Препозитивные сочетания фонемы [t] с сонантом «n», а также препозитивное употребление фонемы [d'] с «l'» на стыке с другой морфемой во всех случаях характеризуются удлинением, то есть если исследуемый согласный стоит в конце слога и морфемы перед сонантом, открывающим новый слог и морфему, то он во всех случаях долгий и в значительной степени глухой.

Анализ средних относительных длительностей в пределах реализации одной фонемы выявил следующую особенность распределения позиционных длительностей: максимальной длительностью характеризуются аллофоны фонем конца слога на стыке морфем; сле-

дующими по длительности являются аллофоны фонем с сонантами «r» и «r'», финальные реализации фонем в позиции абсолютного конца слова и слога превышают длительность аллофонов в других позициях. Эти три признака наиболее последовательно проявляются у всех переднеязычных и переднеязычно-среднеязычных фонем.

Сопоставление средних относительных длительностей финальных реализаций фонем [d] и [t] у каждого диктора в отдельности, а также сравнение аллофонов в указанном положении одного диктора с данными другого диктора достаточно убедительно и последовательно позволяют констатировать в финально-поствокальной позиции реализацию только долгой фонемы [t].

Анализ компонентного состава финальных аллофонных проявлений фонем [t] и [d] по всем трем дикторам также подтверждает, что в данных условиях реализуются аллофоны не двух разных фонем, а только одной. У всех дикторов наибольший процент составляет встречаемость трехкомпонентного инициально-озвонченного щелинно-смычно-щелинного аллофона «³t^θ» = «³d^θ», в котором процентное содержание звонких и смычных компонентов, а также разброс их не отличаются ни по дикторам, ни по фонемам [t] и [d].

Наличие звонких компонентов у аллофонов [t] и [t'] и глухих у [d], [d'] не позволяет считать признаки глухости/звонкости фонематическими для этой группы фонем. Реализации мягкой фонемы [d'] в произношении диктора I во всех случаях звонкие, в то время как у других дикторов аллофоны данной фонемы имеют в своем составе глухие компоненты, что также свидетельствует о факультативности этих фонетических признаков.

Все анализируемые фонемы в среднем имеют в своем составе значительный процент щелинности, характеризуются большим разбросом от полностью смычных до полностью щелевых реализаций, что является доказательством отсутствия противопоставления по силе и слабости. Данные фонемы характеризуются как слабые фонемы, так как именно слабостью артикуляции можно объяснить факультативные реализации в смычных, частично смычных и полностью щелевых аллофонах. Из всех четырех фонем наиболее слабой артикуляцией отличается твердая фонема [d].

Все фонемы встречаются в трех одинаковых позициях: анлауте, интервокале, медиально-поствокальной. В последнем случае внесены изменения и ограничения комбинаторного характера на

сочетания с препозитивными ротовыми сонантами «r», «r'», которые могут употребляться только с долгими согласными [t] и [t'], значительно удлиняя их.

В результате анализа экспериментального материала значительно ограничены дистрибутивные возможности краткой фонемы [d]. Так, из восьми констатированных ранее позиций в трех - в абсолютном конце словоформы, в позиции конца слога перед сонантами и согласными «s», «f», «x», и в позиции - $\sqrt{\frac{b}{q}}(d)V$ - употребляются аллофоны долгой фонемы [t].

В позиции конца слога и морфемы перед согласными «b» и «g», начинающими новую морфему, аллофоны фонемы [d] в некоторых случаях разряжаются краткой гласной, превращая биконсонантные сочетания в интервокальные.

Фонемы [t], [t'], [d], [d'] характеризуются следующим образом.

Фонема [t] (t , δt , $\delta t \delta$, $\delta t \delta$) - согласный шумный слабый, второй артикуляции переднеязычный альвеолярный слабо или умеренно дорсальный, ротовый, смычный (по данным рентгенографирования и дентопалатографирования), смычный, щелинно-смычно-щелинный, смычно-щелинный, щелинно-смычный (по данным погирования), долгий, твердый. Реализуется в аллофонах преимущественно глухих, частично озвонченных.

Фонема [t'] (t' , $\delta t'$, $\delta t' \delta$, $\delta t' \delta$) - согласный шумный слабый, второй артикуляции переднеязычно-среднеязычный альвеолярно-переднетвердонебный, ротовый, смычный (по данным рентгенографирования и дентопалатографирования), смычный, смычно-щелинный, щелинно-смычный, щелинно-смычно-щелинный (по данным погирования), долгий, мягкий. Реализуется в аллофонах преимущественно глухих, частично озвонченных.

Фонема [d] (d , δd , δd , δd) - согласный шумный слабый, второй артикуляции переднеязычный аликальный альвеолярный, ротовый, смычный (по данным соматических методов исследования), смычный, полностью щелевой сонантного характера, сверхслабый (по данным погирования), краткий, твердый. Реализуется исключительно в звонких аллофонах, крайне редко в незначительно оглушенных.

Фонема [d'] (d' , $\delta d'$, $\delta d'$, $\delta d'$) - согласный шумный слабый, второй артикуляции переднеязычно-среднеязычный альвеолярно-переднетвердонебный, ротовый, смычный (по данным рентгенографирования и дентопалатографирования), смычный, слабосмычный или

узкощелевой, щелинно-смычно-щелинный (по материалам погирования), краткий, мягкий. Реализуется в аллофонах, полностью звонких по диктору 1, частично глухих по дикторам 3,5.

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Бураев И.Д.</u> Становление системы согласных фонем современного бурятского языка	3
<u>Золкоев В.И.</u> Об оппозициях фонем по их дифференциальным признакам (на материале монгольских гласных)	13
<u>Бухаева О.Д.</u> О нормах сочетаемости согласных фонем в русском и бурятском языках	32
<u>Кузьменков Е.А.</u> Первичные долгие гласные в среднемонгольском языке	43
<u>Рассадин В.И.</u> Особенности звукового строя языка окинских бурят и соётов	50
<u>Бадгаев Н.Б.</u> Аффриката <i>с</i> в монгольских языках	74
<u>Бюраева Э.И.</u> Просодические средства выражения субъективной модальности в бурятском языке	84
<u>Жаргалов А.С.</u> Интонационное выражение проблематической и категорической модальности в вопросительных высказываниях бурятского языка	101
<u>Павлова Е.С.</u> Интонация незавершенности в бурятском языке	113
<u>Есенова Т.С.</u> О соотношении длительности и интенсивности звуков в вопросительных фразах калмыцкого языка	122
<u>Будаев Б.Ж.</u> Позиционная закреплённость ударения в бурятском языке	131
<u>Балагунова С.С.</u> Об изучении интонационного своеобразия бурятской речи татар Иркутской области	137
<u>Трофимова С.М.</u> Проявление фонетической интерференции в русской речи монгольских учащихся	141
<u>Азаревич Л.В.</u> Длительность как просодический компонент в речи билингва	145
<u>Соктоева С.П.</u> Качественно-количественная характеристика переднеязычных и переднеязычно-среднеязычных согласных хоринского диалекта бурятского языка	154

Звуковой строй
МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

[Институт общественных наук БНЦ СО АН СССР]

Редактор Л.Д. Шестакова
Художник О.Д. Цыремпилон
Технический редактор Т.М. Кушнарера
Корректор Т.М. Кушнарера

Подписано в печать 28.06.89.

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.печ.л. 9,30. Уч.-изд.л. 8,57.

Тираж 500. Заказ № 242. Цена 90 коп.

Редакционно-издательский отдел БНЦ СО АН СССР,
670042, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Участок оперативной полиграфии БНЦ СО АН СССР,
670042, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

700
915